70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

8-1990

ISSN 0235—7089

НОВОЕ ВРЕМЯ, СТАРЫЕ ПЕСНИ...

«ГУБЕРНАТОР» САХАЛИНА

Фото ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

18 апреля 1990 года председателем Сахалинского облисполкома жители островной области избрали московского профессора В. П. Федорова.

Валентину Петровичу 51 год, он автор ряда книг по экономике Запада и многих оригинальных публикаций в центральной прессе.

Еще в 1985 году Федоров выдвинул идею проведения на Сахалине территориального экономического эксперимента. Сегодня, когда в правительстве РСФСР сидят многие прогрессивные люди, профессор имеет возможность осуществить свои смелые замыслы на практике. Тем более что Сахалин в числе других территорий России получил статус зоны свободного предпринимательства.

Профессор переехал из Москвы на Сахалин, теперь будни недавнего проректора Плехановского института — практическая работа по созданию на Сахалине рыночной экономики.

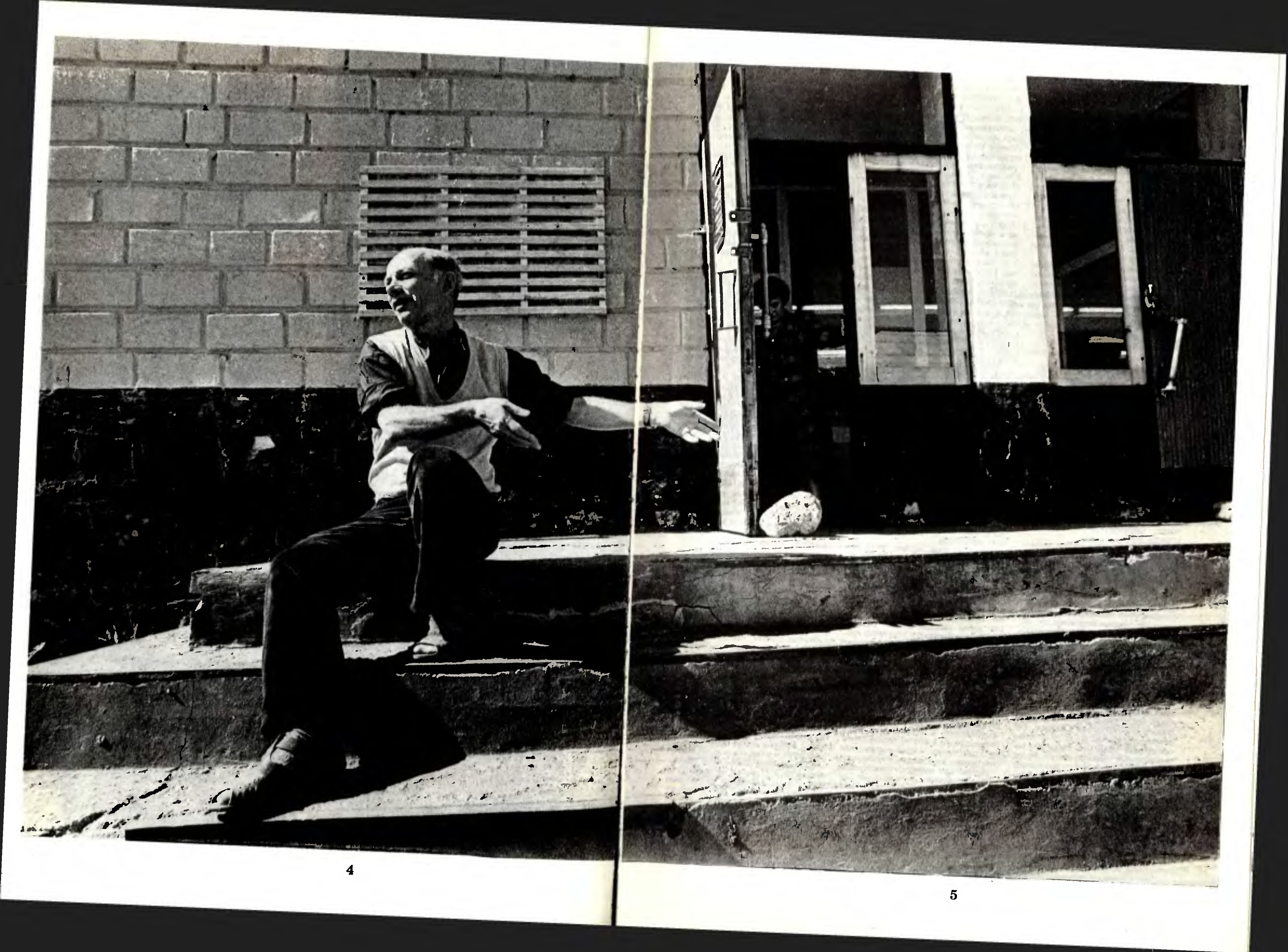
Уже первые шаги Федорова в качестве «губернатора» Сахалина получили широкий резонанс как в нашей стране, так и за рубежом.

Статью «Выкупим свободу!» читайте на стр. 52.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КУДА КАЧНЕТСЯ МАЯТНИК?

ВЛАДИМИР БУЛДАКОВ,
кандидат исторических наук

Применительно к гражданской войне наше общество ведет себя на манер любопытно-пугливого страуса — ко всему еще и ослепшего. Что делать: то ли привычно шею тянуть, то ли побыстрей голову в песок спрятать? Выползающие из подсознания хрестоматийные истины лукаво нашептывают, что революционная ситуация налицо, «верхи» могут быть свергнуты (туда им и дорога!). Инстинкт самосохранения умудренно предостерегает: этим дело не кончится, всем станет хуже. Ясно, что желательно было бы покончить и с обывательскими страхами, и с детскими упованиями невесть на что. То и другое одинаково усугубляет ситуацию.

Обратим внимание на своеобразный маятниковый ход российского развития: благие начинания «верхов» — реформы, затем контрреформы — ужасы «смутного времени» — быстрое «омоложение» государственности. Оптимистическая трагедия? Отнюдь нет.

Всякий раз в итоге торжествовала государственность, все полнее почитавшая себя за единственного творца «порядка» и с барской самонадеянностью подминавшая под себя народ. В России в отличие от Запада происходило не последовательное освобождение сословий, а совершенствование форм закрепощения народной инициативы. Не формирующееся гражданское общество постепенно подчиняло себе государство, а, напротив, державный Левиафан кроил социум сообразно своим управленческим удобствам.

Прошлая гражданская война в России явилась своеобразной реакцией на европейский революционный опыт. Буржуазные революции совершались под лозунгами Свободы, Равенства, Братства, но на деле лишь обеспечили правовые гарантии хозяйственному индивидуализму. Вслед за тем закономерно последовал острейший конфликт между индустриальным прогрессом и социальной защищенностью, экономической глобализацией и национальным эгоизмом. Революционной волне начала XX века предстояло как бы подправить старую, подняв на щит ущемленные капитализмом идеалы Равенства и Братства. Именно эту задачу особо яростно взялись решать вооруженные низы России, одержимые квазирелигией уравнительности.

Социалистический проект мог быть реализован лишь в континентальном масштабе. В замкнутом пространстве одной страны возобладал традиционный российский маятниковый цикл. Заимствованные с Запада рационалистические идеи «великий ученик Ленина» воплотил в колхозное крепостничество и гулаговский геноцид. Осуществляемое такими способами «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране» в конечном итоге пошатнуло позиции самой идеи.

В рамках общеевропейской истории к настоящему времени нетрудно выделить уже три революционные волны — либералистскую, социалистическую, антитоталитарную. Восточноевропейская революция конца 1989 года отражает крах идеологически-приказной технологии «управления» обществом.

Исходя из этой логики, легко соблазниться выводом, что перестройка неизбежно завершится тем же, что весьма быстро происходит в странах былого «социалистического содружества». На деле положение в нашей стране куда более непредсказуемо. Права человека не имеют у нас под собой твердой почвы. Отсюда угроза традиционного «смутного времени» с его известными последствиями.

В отличие от Восточной Европы сталинщина имеет в СССР куда более глубокие корни. Дело даже не в партократии и традиции авторитаризма. Налицо предельная размытость отношений собственности, аморфность социальной структуры, преобладание в обществе, ставшем бесклассовым в самом дурном смысле этого слова, иждивенческих или откровенно паразитарных тенденций.

Привычные критерии гражданской войны применительно к нашему современному обществу утратили всякий смысл. Гражданская война 1918—1920 годов имела четко выраженные классовые параметры и ценностные установки (сколь ложными они ни казались бы нам сегодня). В настоящее время преобладает иррациональное ожесточение. В связи с этим новую гражданскую войну можно с равным основанием считать и уже реальным фактором жизни, и пугающей перспективой «бунта бессмысленного и беспощадного».

«Бесклассовость» нашего общества, однако, по-своему сдерживает разрастание конфликта. В гражданских воинах прошлого общество быстро поляризовалось по архаичнейшему принципу: «мы» и «они», «свои» и «чужие». Сегодня наблюдаются лишь отголоски этого явления. Однако нынешний конфликт легко подогревается «сверху» — одним лишь идеологизированным тупоумием и неповоротливостью системы.

В чем же видится выход? Я не верю ни в безбрежную многопартийность, ни в платонические призывы к «консолидации». Идеи некоторых философов о переходе от «тоталитаризма к демократии через авторитаризм» в свете вышесказанного предстают либо как претенциозное невежество, либо как заурядное холуйство. Революционный процесс получает свое естественное завершение только при условии, если народ, участвуя в нем, ощущает непосредственные выгоды от его углубления.

Пора понять, что демократия и права личности исторически были всего лишь побочным продуктом отношений собственности, а в основе нравственного здоровья народа лежит возможность реализации творческой инициативы. Восстановление нормальной ткани общества для нас крайне сложная задача. Не стоит надеяться на одну лишь магическую силу рынка. Здоровый рынок нуждается в качественных товарах, отсутствие их превращает его в барахолку с ее особыми нравами. Неприятие последних вновь вызывает жажду распределительности, столь выгодную аппаратчикам. Внутринациональный рынок должен быть сбалансирован с мировым хозяйственным целым. Здесь возникает опасность появления новой генерации изворотливых бюрократов, которые неизбежно вновь вгонят страну в автаркию и застой.

Отсюда следует, что нужен нетрадиционный противовес возможным социальным тяготам. Смысл его в том, чтобы сломать порочный маятниковый цикл российского развития. Для этого, во-первых, необходимо избавиться от подлинного проклятия российской истории — великодержавия. Во-вторых, требуется решительная деидеологизация. В-третьих, надо изжить многопартийность, которая всегда провоцировала диктатуру, и заменить ее двухблоковостью, задающей совсем иной политический ритм. Наконец, необходимо на этой основе добиваться разрастания конструктивного политического ядра, в котором сольются в единое целое и практический интерес, и новые ценностные установки народа.

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

8-1990

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Дмитрия Ухтомского.

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

12

О сталинских процессах теперь знают многие, понятны если не все, то главные их пружины. Но мало кому известно, что у этих зловещих процессов была своя генеральная репетиция — Революционный трибунал, рассмотревший дело Сталина — Мартова. Об этом — в рубрике «Наше исследование».

60

О жизни и христианском подвиге преподобного Серафима Саровского повествует отрывок из книги почти неизвестного у нас философа и богослова В. Н. Ильина.

83

В рубрике «Историки об историках» мы познакомим вас с наследием замечательного ученого Александра Александровича Зимина.

НОВОЕ

8

Национальный вопрос — один из самых острых сегодня. В России, где проживает больше ста народов, накопилось немало проблем, требующих разрешения. Об одной из них на страницах журнала размышляет башкирский писатель Газим Шафиков.

21

Сегодня мы представляем первую публикацию нового отдела журнала — отдела русского зарубежья. Вас ждет встреча с известным писателем, автором книг «Зияющие высоты», «Катастройка» и многих других, Александром Зиновьевым.

ВЕЧНОЕ

31

Под рубрикой «Гражданская инициатива» мы возвращаемся к вечной теме сохранения памяти, нашего исторического наследства. Речь пойдет о судьбе Китай-города.

90

Знаменитый, ставший уже классикой XX столетия, эротический роман Д. Лоренса «Любовник леди Чаттерлей» у нас совершенно неизвестен. История его популярности связана и с Россией...

СОДЕРЖАНИЕ

ГАЗИМ ШАФИКОВ, *писатель*

ждать ли благодеяний?

Заметки «башкирского националиста»

Для начала в духе времени пара цифр. По результатам последней переписи некоренные жители на территории Башкирии составляют 78,1%, коренная нация — башкиры — 21,9%. Их число сократилось со времени переписи 1979 года почти на 3%. И еще: городской состав башкирского населения — около 21%, из них в столице республики Уфе проживает около 11%.

Но вот эти-то 21,9% и стали сейчас притчей во языцех у политических деятелей, писателей и журналистов. Первый толчок дал, пожалуй, собственный корреспондент «Правды» в автономной республике В. Прокушев, выступивший три года назад со статьей «Преследование прекратить», направленной против руководства Башкирского обкома партии во главе с первым секретарем М. З. Шакировым. Эта публикация положила конец крайне авторитарному правлению. Однако волюнтаристские методы и «шовинистические замашки» бывшего первого лица республики общественное мнение стало автоматически распространять на все башкирское население. Масла в огонь подлила речь одного высокопоставленного партийного деятеля, который на весь Союз объявил о наличии «башкирского шовинизма». Материалы, порочащие башкир, появились в уважаемом журнале «Дружба народов». Разоблачение «башкирского шовинизма» продолжает бывший собкор газеты «Социалистическая индустрия» В. Радзиевский.

И вот последний штрих — спектакль Московского театра эстрады «Политическое кабаре»: актеры В. Ильченко и Р. Карцев в течение получаса елико возможно потешаются над восточными троглодитами по прозвищу «башкиры», которым, видите ли, возжелалось иметь статус союзной республики!

Ах, эти национальные страсти! Не дают они покоя никому. Я и сам не оставался в стороне от споров на эту больную тему, не сдерживал эмоций и нередко занимал излишне одностороннюю позицию. Теперь несколько поостыл. События на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии и других «горячих точках» заставили взглянуть на проблему по-новому, глазами разума, а не чувства. И все же...

Главная причина моей тревоги — положение коренного населения в своей республике. Ни в одном другом регионе России не было столь мощного национального, всенародного движения за обретение революционной автономии. Правительство (Шуро), возглавлявшееся Заки Валидовым и Шарифом Манатовым, в 1917 году, до Октябрьского переворота, объявило об автономии Башкирии и с непростительным максимализмом провозгласило лозунг «Башкирия для башкир».

Это была утопическая идея. Вспомним историю. Башкирские земли веками захватывали царские колонизаторы, скупали за бесценок, отнимали силой после подавлений восстаний и передавали пришлым людям (припущенникам). Хозяев земли изгоняли в леса и горы (где, кстати, они продолжают в большинстве своем жить и по сей день). А на их место хлынули переселенцы из средней и северной России; здесь обрели пристанище беглые и обнищавшие украинцы, мордва, марийцы, чуваши, латыши, эстонцы. Последнее массовое заселение производил царский министр Петр Столыпин.

Правительство Валидова старалось возродить оборванную «связь времен», вернуть обратно башкир, воссоздать былые общины. Все это вызывало яростное сопротивление самых разных сил, в частности Оренбургского ревкома во главе с известным революционером Самуилом Цвиллингом и Оренбургского мусульманского военного комитета. Что можно было требовать от ревкомов в то раскаленное время, если даже сегодня, 73 года спустя, желание республики самоопределиться, обрести статус более высокого ранга вызывает непонимание и раздражение властей?

События развертывались стремительно: представитель мусульманского комитета Гали Шамигулов арестовал руководство Башкирского Шуро во главе с Валидовым. Из тюрьмы их освободили неожиданно вторгшиеся в Оренбург части атамана Александра Дутова. Валидовцы бежали в Челябинск. В ту пору город находился во власти белых, и там проживала большая часть башкирского населения. Началась всеобщая мобилизация национального войска — оно составило почти 60 тысяч сабель. Число немалое для того времени! Нет ничего удивительного в том, что Башкирское войско, простых бойцов которого неумолимо тянуло к большевикам — народным освободителям, перешло в стан Советской власти. Случилось это 20 февраля 1919 года. **«Со стороны Советской власти гарантия национальной автономии свободы башкир полная»,**— было клятвенно заявлено в тексте Соглашения, подписанного Лениным и Сталиным.

Однако, как известно, такие заявления и заверения в ту пору нередко самым коварным образом нарушались. Стоило башкирским полкам перейти на сторону красных, как начались повальное разоружение, избиения, пытки, расстрелы. Члены революционного военного совета Южной группы армий Восточного фронта В. Куйбышев и Ф. Новицкий сообщали Ленину в конце марта месяца: «Отношение к мирному башкирскому населению полно ужаса. Грабежи, аресты, расстрелы, изнасилования женщин нашли себе широкое применение. Едва ли не каждая деревня облагалась контрибуцией деньгами и натурой. За невнесение денег расстреливались революционные деятели Башкирии, поэты, художники. У башкирского населения, не занимающегося хлебопашеством, отбирался последний хлеб, приобретенный им. Одна из виднейших женщин Башкирии, учительница, была изнасилована в один день двадцатью одним красноармейцем и как пленница отдана в распоряжение проходимца...»

Заки Валидов отправился в Москву и добился наведения порядка в реализации статей Соглашения, затем начал формировать в Саранске новое Башкирское красное войско, которое сыграло решающую роль в освобождении края от Колчака. Первой столицей первой автономной республики, образовавшейся 23 марта 1919 года на территории России, стал город Стерлитамак. Да, тот самый Стерлитамак, который сегодня прославлен на весь мир катастрофическим экологическим состоянием.

Автономия Башкирии провозглашалась на основе соглашения двух сторон (а не была милостыней сильного, как это чаще всего подается историками). Республика получила право на полный суверенитет, владение своими землями и их богатствами. Не к этому ли так стремятся сегодня наши автономные образования! В первом пункте Соглашения черным по белому выведено: «Автономная Башкирская Советская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и составляет **федеративную часть,** входящую в состав РСФСР».

Башкирия вошла в РСФСР на правах государственной самостоятельности. В ту пору такого приоритета не имела даже Украина. Именно к Валидову обратился В. И. Ленин в минуту грозной опасности со стороны Юденича: «Сейчас, когда решающие победы Красной Армии на Востоке обеспечили свободное развитие башкирского народа, решение Реввоенсовета республики о переводе некоторых башкирских частей в Петроград приобретает исключительное политическое значение...»

Подготовка башкирских стрелковых полков и кавалерийских частей шла быстро, и уже 16 сентября 1919 года Ленину сообщили, что «первый эшелон башкир из запасного полка № 2189 в составе 1575 человек выехал в 46 вагонах из Белебея в Петроград в 23 часа 45 минут 14 сентября; второй эшелон № 21190 в составе управления Баш-артдивизиона, первой и второй башкирской батареи численностью людей 480, лошадей — 54, орудий с зарядными ящиками — 4, выехал из Белебея в 20 часов 15 сентября. Люди третьего и четвертого эшелонов тоже с утра ждут отправления на станции...».

Вместе с рабочими революционного Питера башкирские воины отстояли первую столицу Советской власти, им было вручено революционное знамя Петрограда на вечное хранение...

Уместно ли сегодня вспоминать о тех далеких событиях? Когда прошлое предается поношению, а революция в России вообще трактуется как ошибка, мало кого интересуют патриотические настроения и героические действия «представителей освобожденного Востока». Более того, у иных скептиков это вызовет кривую усмешку: что для них какие-то башкиры, которые как дураки бились на разных фронтах, рвались по первому призыву вождей? Но известно ли им, что в пору гражданской войны и голода 1920—1921 годов именно эти самые башкиры потеряли почти миллион человек, а в Великую Отечественную войну — несколько сот тысяч?

Но вернемся в начало двадцатых. Стоило сформироваться законному башкирскому правительству, во главе которого стал один из соратников Валидова, Харис Юмагулов, как началось всестороннее давление со стороны обкома, Центра, находившегося в Уфе, и Оренбургского ревкома... А тут еще вспыхнули внутренние мятежи, которые до последнего времени называли «контрреволюционными». В сущности, то были стихийные выступления отчаявшегося от голода и насилия народа... Конечно, со временем всю вину за «беспорядки» свалили на голову все того же башкирского правительства, обвинив его членов чуть ли не в пособничестве мятежникам. А «наверх» летели искаженные, провокационные донесения о действиях башкирского политического руководства. И в результате вышел указ, который отменил почти все права Башкирии, предусмотренные Соглашением, а ее руководители были арестованы. Тех, кому удалось бежать, находила «карающая рука революции» и немедленно вершила «революционный суд». Валидова срочно вызвали в Москву.

Знал ли он о том, какая участь его ждет? Думаю, знал и принял решение не подвергать свою жизнь бессмысленной опасности. В турецкой эмиграции он стал крупным ученым-историком, знатоком прошлого Ближнего и Среднего Востока, читал лекции в университетах многих стран на языках слушателей, выпустил не один десяток томов исследований. Умер в 1970 году в возрасте 80 лет, завоевав всемирное признание тюркологов.

Но для своего народа, для автономной республики, которую с таким тщанием создавал, именно Заки Валидов сделался проклятием. Сразу после его ухода «за кордон» его имя предали анафеме не только в Башкирии, но и в стране. Слово «валидовец» звучало куда страшнее, чем, скажем, «буржуазный националист» или «контрреволюционер». С клеймом «валидовца» были арестованы и расстреляны тысячи, десятки тысяч ни в чем не повинных людей, искренне преданных делу революции. Борьба с «башкирским национализмом» велась с переменным успехом в течение семи десятков лет, ведется и поныне. Почему с переменным?

В бесконечном море политических обвинений и репрессий были свои приливы и отливы. Когда над страной нависла черная свастика фашизма, «отец народов» призвал братьев и сестер защищать Родину. В одной только Башкирской кавалерийской дивизии генерала М. Шаймуратова звания Героя Советского Союза удостоено 78 человек — факт беспримерный в истории Великой Отечественной войны.

Но после войны ярлык «валидовца» вновь возродился, потому что был необходим власти, стоявшей на страже «интернационализма». Драматург Мухаметша Бурангулов шесть раз попадал в тюрьму за то, что собирал фольклор и писал пьесы по его мотивам. Дошло до того, что запретили башкирский народный эпос «Идукай и Мурадым». Разумеется, за «националистический дух». Стоило прекрасному башкирскому поэту Рами Гарипову прочитать невинное стихотворение о родном языке по телевидению, и его заклеймили как националиста, не принимали на работу, не издавали книг, обрекли на нищету. В 45 лет его не стало. Другой молодой критик, Зуфар Абсалямов, покончил жизнь самоубийством. Его довели до этого за журнальную статью, обличавшую одного из литературных корифеев, в прошлом — доносчика. И ведь происходило все это совсем недавно — лет 25—30 назад. Безвременно скончался языковед с мировым именем Джалиль Киекбаев. Замечательному фольклористу Ахнафу Харисову не дали защитить докторскую диссертацию в Уфе (спасибо казахским друзьям: после долгих мытарств он осуществил это в Алма-Ате). «Вина» ученого состояла в том, что диссертация называлась «Литературное наследие башкирского народа». За этим названием мерещился «махровый национализм».

Люди боялись вслух произносить название своей нации, родной земли. Пишу эти строки, а сам инстинктивно содрогаюсь от своей «смелости». По сию пору действует генетический страх, который вселили в нас некогда.

И все-таки национальное сознание вытравить не удается. По республиканскому радио звучат преимущественно башкирская речь и башкирская музыка. И на сцене Башкирского академического театра драмы спектакли идут на родном языке, хотя ставятся не лучшие произведения драматургов разных народов.

Всему национальному по-прежнему приходится с трудом прокладывать себе дорогу. Во многом причина тому — местная власть. Заметим: Башкирский обком партии после Шагита Худайбердина, умершего в 1924 году, не возглавлял ни один представитель коренной нации. В аппарате Уфимского горкома партии их нет и сейчас. Только под

РЕСПУБЛИКА КУМОВЬЕВ

КАК ПРОШЛА ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ СТАЛИНСКИХ ПРОЦЕССОВ

5 апреля 1918 года зал заседаний в здании бывшего купеческого клуба на Солянке не мог вместить всех желающих. Москвичам хотелось стать очевидцами сенсации: Революционный трибунал рассматривал иск Сталина Иосифа Виссарионовича, наркома по делам национальностей, члена ВЦИК, против Мартова Юлия Осиповича, тоже члена ВЦИК, меньшевика, старого революционера, в прошлом — близкого друга В. И. Ленина[1]. Фактически это был конфликт разбитого меньшевизма с триумфаторами-большевиками. Произошло одно из последних драматических столкновений, в котором побежденный меньшевизм сумел разглядеть в восторжествовавшем большевизме смутные еще очертания сталинщины.

ГЕНРИХ ИОФФЕ,

доктор исторических наук

Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку...
Б. Пастернак

«ДЕЗЕРТИРЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ, РУКОВОДИМЫЕ МАРТОВЫМ...»

Шла первая послеоктябрьская весна. Казалось, большевики «триумфально шествуют» по России. Однако первые признаки приближавшихся бед уже принимали все более явственные очертания. Экономическая разруха, жестокие брестские утраты, полный развал старого государственного организма и отсутствие нового умеряли октябрьскую эйфорию в массах, в том числе и в рабочей среде.

Используя имевшиеся довольно широкие легальные возможности, преодолевая раскол, меньшевики стремились активизировать свою деятельность. Несомненно, это «оживление» меньшевизма не могло остаться без внимания со стороны большевистских властей. «Правда» писала: «Контрреволюция теперь отказывается от тактики «фронтового натиска», меняет ее на новую тактику: «длительного обхода». Она идет в народ не с бомбой или винтовкой, а с печатной и устной пропагандой и агитацией, не в образе калединца, а под маской друга народа... И вот почему при этой перемене фронта ее ударными отрядами оказываются организованные «партийные» отряды дезертиров социалистической борьбы, руководимые Мартовым и Черновым»[2].

Яростно упомянутый здесь Юлий Осипович Мартов — один из виднейших деятелей меньшевизма и международной социал-демократии. Вместе с ним В. И. Ленин начинал революционную борьбу в 90-х годах, потом круто разошелся, но, по многим воспоминаниям, уважал и любил его вплоть до своего трагического конца. М. Горький вспоминал, что Ленин говорил ему: «Жаль — Мартова нет с нами, очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек... Какая умница, эх!»[3]

Мартов обладал даром мощной политической интуиции. Он многое предвидел, «просчитал», предсказал...

В ряду мер, направленных против «дезертиров социалистической борьбы», оказалось, по-видимому, и «столкновение» Сталина с Мартовым, случившееся в апреле 1918 года.

10 февраля в Александровском саду Тифлиса милиция Закавказского комиссариата открыла огонь по толпе, собравшейся на митинг, на котором агитировали большевики. «Правда» и другие газеты в Москве и Петрограде расценили «тифлисское действо» чуть ли не как начало подобной акции уже во всероссийском масштабе, а кавказских меньшевиков характеризовали как «палачей рабочего класса», «партию помещичьих прихвостней». Нараставшие пропагандистские атаки против кавказских меньшевиков и меньшевиков вообще подогревались накалом предвыборной кампании в Советы. «Правда» в эти дни выходила с крупными «шапками»-призывами: «Пролетарии Москвы! На выборах в Совет голосуйте против меньшевистских холопов капитала!», «Товарищи рабочие! Ни одного голоса желтым и черным лжесоциалистам!», «Все за большевиков — партию рабочей революции!», «Товарищи рабочие! Меньшевиков из рабочих кварталов вон!». В ряде районов Москвы проходили митинги протеста против «расстрелов рабочих меньшевиками на Кавказе». Выступали лучшие большевистские ораторы — Л. Троцкий, Н. Бухарин, Г. Сокольников, Н. Крыленко...

В массированной антименьшевистской кампании активную роль играли также наркомнац И. Сталин и видный правдистский публицист Л. Сосновский. Они клеймили «преступления кавказских меньшевиков», называли их лидеров Е. Гегечкори, Н. Чхеидзе и других «кавказскими Галифэ», расстреливающими рабочих. В этих статьях содержались жестокие нападки и лично на Мартова. Он не заставил долго ждать ответа. 27 марта газета «Вперед!» — орган меньшевистской организации Москвы и фактически меньшевистского ЦК — напечатала его статью под названием «Отвечаю».

Если «Правда» готова была уличить кавказских меньшевиков в антибольшевистских замыслах всероссийского масштаба, то Мартов расценил антименьшевистскую кампанию как «начало артиллерийской подготовки совместного похода ленинских и германских отрядов против Кавказа», объявившего о своей независимости[4].

31 марта Мартов снова вернулся к этой же теме в статье «Еще об артиллерийской подготовке». Он также не стеснялся в резких оценках внутренней и внешней политики «правительства Ленина — Троцкого» и отвергал обвинения кавказских меньшевиков в подавлении крестьянских восстаний. «Как и следовало ожидать, — писал он,— Сталин и Сосновский называют крестьянскими восстаниями терроризирующих самих крестьян подвиги разбойничьих банд... Против этих банд местные меньшевистские Советы ведут энергичную борьбу». А дальше как раз и следовал тот самый абзац, из-за которого возникло нашумевшее «дело Мартова — Сталина»: «Русских большевиков налетчики-анархисты обвиняют в поддержке капиталистов, когда Советы выступают против бандитизма. А что кавказские большевики искони примазывались к разного рода удалым предприятиям экспроприаторского рода, хорошо известно хотя бы тому же г. Сталину, который в свое время был исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям»[5].

«ПРОШУ ПРИВЛЕЧЬ МАРТОВА ЗА КЛЕВЕТУ В ПЕЧАТИ...»

4 апреля Мартов получил повестку из политического отдела Следственной комиссии Революционного трибунала: «Московский Революционный трибунал приглашает Вас на публичное заседание Московского Революционного трибунала 5 апреля в 12 ч. дня по обвинению Вас в напечатании в № 51 «Вперед!» от 31 (18) марта 1918 г. статьи, содержащей ложные сведения о деятельности тов. Сталина».

К повестке была приложена копия заявления Сталина, поданного в Революционный трибунал: «В газете «Вперед!» в № 51 за подписью Мартова напечатана статья «Об артиллерийской подготовке», в которой между прочим говорится, что Сталин в свое время был исключен из партийной организации за причастность к экспроприациям. Считаю нужным по этому поводу заявить, что я, Сталин, никогда не судился партийной организацией и тем более не исключался из последней. Рассматривая брань мартовского обвинения как бесчестную выходку потерявшего равновесие человека, на голову разбитого в открытом политическом бою и теперь хватающегося за последнее средство — грязную клевету,— прошу привлечь Мартова за клевету в печати». Обращает на себя внимание, что Сталин отрицал лишь часть обвинений Мартова, а именно то, что был исключен из партии за причастность к «эксам»; саму же причастность обошел молчанием.

Большинство историков считает реальным участие Сталина в экспроприациях. Полагают, что он был одним из наиболее активных организаторов экспроприации 200 тысяч рублей, осуществленной в 1907 году Камо на Эриванской площади в Тифлисе. Грузинский меньшевик Р. Арсенидзе в своих воспоминаниях утверждал: «Бюро Закавказской организации с.-д. поручило специальной комиссии во главе с Джибладзе расследование этого дела. После расследования, по докладу комиссии, участники и организаторы ограбления во главе с Кобой были исключены из партии. Постановление это, вместе с документами, было переслано в ЦК партии за границей. Дальнейшая судьба дела мне не известна. Передавали, что ЦК, в большинстве состоя из большевиков (после Лондонского съезда), не дал хода делу. Но Коба с тех пор не появлялся больше на горизонте Грузии. Грузинские организации навсегда были закрыты для Кобы»[6].

Сам Сталин никогда не писал о своей «экспроприаторской деятельности» и предпочитал уклоняться от разговоров об этом, если они возникали[7]. Не вспоминал он и о судебной тяжбе с Мартовым весной 1918 года, считая ее, по-видимому, не лучшей страницей биографии, если не сказать больше. Однако он вряд ли мог забыть это дело. Можно предположить, что оно оставило в его сознании прочный след, добавивший презрения и ненависти не только к Мартову лично, но и к меньшевикам и социал-демократии вообще...

Но вернемся в Москву ранней весны 1918 года. Получив повестку Ревтрибунала, Мартов тут же через газету «Вперед!» обратился с просьбой к гражданам, «имеющим какие-либо сведения об этом деле и готовым дать показания перед трибуналом», явиться, туда 5 апреля. Однако никаких сведений он не получил.

Зал заседаний трибунала не мог вместить всех желающих. Красногвардейцы едва сдерживали напор толпы. Еще бы. Многим москвичам хотелось стать очевидцами сенсации: судебной, а фактически политической схватки разбитого меньшевизма с триумфаторами-большевиками. Даже «Правда» признала, что пришли в основном сторонники Мартова — «гимназисты, девицы и прочая интеллигенция», часто встречавшие его выступления аплодисментами. В час дня появились судьи во главе с К. Печаком. В качестве обвинителей выступали сам Сталин и Сосновский. Мартов выставил защитниками тульского рабочего Александрова и польского социал-демократа А. Лапинского.

Первым слово получил обвиняемый.

— Я заявляю,— сразу же сказал он,— о неподсудности этого дела трибуналу. Революционный трибунал создан для рассмотрения дел о *преступлениях против народа*[8], частные же жалобы рассматриваются в народных судах. До сих пор я не слышал, чтобы Сталин олицетворял собой народ, и раз дело касается его личной чести, то оно должно быть передано в народный суд. Мне могут сказать, что Сталин — член нынешнего правительства, но нигде в мире такие дела не слушаются в трибуналах. Даже в королевской Англии в случае оскорбления чести короля дело о таком оскорблении слушается в обычном суде. Поэтому я считаю, что меня не должен судить трибунал, состоящий из моих политических противников. Думаю, что Сталин может понимать, что честь, требующая для своей охраны особой подсудности, не стоит и двух копеек[9].

Таким образом, Мартов расценил жалобу Сталина как стремление новой власти встать над «общим законом».

Взяв слово, Сталин стал доказывать, что «клеветнический выпад» носит отнюдь не частный, не личный, а *общественно-политический характер*, поскольку в данном случае затрагивается «честь партии, стоящей сейчас у власти». Это был явно неудачный ход. Сталин вольно или невольно идентифицировал себя с властью и партией, что «работало» на позицию Мартова и в дальнейшем позволило ему воспользоваться этим сталинским промахом.

Положение спас председательствующий Печак. Чтобы отвести довод Мартова о неподсудности рассматриваемого дела Революционному трибуналу, он, в общем, неожиданно разъяснил, что в данном случае заседает

не Революционный трибунал, а Революционный трибунал печати[10] (хотя в повестке, врученной Мартову, речь шла о Революционном трибунале), которому подсудны *все дела о клевете, распространяемой посредством прессы.*

Будучи вынужденным принять это разъяснение, Мартов потребовал вызвать свидетелей, которые могли бы подтвердить написанное им о Сталине и опровергнуть обвинение в клевете: видного грузинского меньшевика И. Рамишвили — председателя того самого партийного суда, который исключал Сталина из партии за причастность к экспроприациям, главу грузинского меньшевистского правительства Н. Жордания и большевика С. Шаумяна. Еще одним важным свидетелем должен был стать И. Гуковский, нарком финансов, до революции состоявший в бакинской социал-демократической организации. По словам Мартова, Гуковский был тогда причастен к разбору дела о покушении на убийство рабочего Жаринова, изобличившего перед партийной организацией Бакинский комитет и лично Сталина в экспроприаторских грабежах.

Поскольку основные свидетели находились в Закавказье, требовалось время для их приезда в Москву. В связи с этим Мартов ходатайствовал о перенесении судебного разбирательства на другой срок.

Сталин сразу же выступил против. Он заявил, что «никогда за 20 лет своей партийной работы не судился партийным судом и из партии не исключался». Трибунал должен без всяких оттяжек, не дожидаясь вызова свидетелей, приступить к рассмотрению дела. Мартова надо «обезвредить», «осудить». Важно вновь подчеркнуть, что, как и в жалобе, направленной в трибунал, Сталин фактически не отрицал факт своего участия в «эксах». Его возмущало утверждение об исключении из партии, именно это он считал неправдой и клеветой[11].

Трибунал удалился на короткое совещание, а затем объявил решение: так как с Кавказа вызвать свидетелей крайне трудно, а московских свидетелей Мартов мог пригласить сам, дело надлежит слушать немедленно. Начался такой шум, что председательствующий отдал распоряжение красногвардейцам очистить зал от публики, а затем впускать только по билетам.

Линия защиты выглядела значительно более продуманной.

Правда, Александров, судя по газетным отчетам, иногда срывался на прямые антибольшевистские выпады, за что даже лишался слова. Но Лапинский «поймал» обвинителей и трибунал, уже склонный, казалось, принять их сторону, на противоречии: «Обвиняемому ставится в вину непредставление доказательств, но это — софизм, ибо свидетели и есть классическое доказательство, а обвинитель старается именно этого доказательства не допустить. Мы имеем перед собой небывалый случай, когда социалист, привлекая к суду своего политического противника по обвинению в клевете, добивается у суда отказа в вызове свидетелей...»

В конце концов трибунал печати вынес соломоново решение: с одной стороны, согласился на вызов свидетелей (это — в пользу Мартова), с другой — отложил суд только на 7 дней (это — в пользу Сталина, так как было ясно, что за неделю главные свидетели не смогут прибыть из Тифлиса в Москву). Предстоял «второй тур» «дела Мартова — Сталина»...

«ГРАЖДАНИН СТАЛИН НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТОЖДЕСТВЛЕН С РОССИЙСКИМ НАРОДОМ ИЛИ ГОСУДАРСТВОМ...»

Перерыв обе стороны использовали для укрепления своих позиций. «Правда», исправляя промах Сталина, стремилась подчеркнуть, что суд над Мартовым не имеет политического характера. «Мартова судят,— утверждала она,— не за политическую деятельность (чего бы ему так хотелось!), а за грязную выходку, только за бесчестную выходку». Газета поместила также куплеты самого выдающегося своего поэта Демьяна Бедного под характерным названием «Засыпался»:

Газетине «Вперед!» привив язык «Луча»[12],
Заврался Мартов сгоряча:
Был злостно Сталин им охаян.
«Что, Мартов? — крик пошел.— Ага, попался Каин?
А ну-ка, милый друг,
Пожалуй-ка к ответу!»
— Суд? Что же, я не прочь... Но почему так вдруг?
— А что?
— Свидетелей еще готовых нету!»
Не всякое вранье, голубчик Мартов, впрок.
Совсем засыпался, чудак ты.
Какой тебе поможет срок,
Когда высасывать из пальца надо факты!

14 апреля «Вперед!» напечатала статью Мартова «Народ — это я». В ней указывалось на ряд грубых нарушений судопроизводства, допущенных трибуналом: «Полагая, что даже при самом пренебрежительном отношении к таким буржуазным предрассудкам, как судопроизводство, все же *гражданин Сталин не может быть отождествлен с российским народом или государством* и что оскорбление гражданина Сталина не может быть приравнено ни к одному из перечисленных в упомянутом декрете преступлений и проступков, я заявляю самый решительный протест против нового нарушения, допущенного в моем деле, нарушения, сущность которого сводится к установлению в Советской республике новой привилегии для гг. комиссаров: судиться там, где им заблагорассудится». «Вопрос, который я возбуждаю,— писал далее Мартов,— имеет известное политическое значение... Я поднимаю вопрос о подсудности перед революционным трибуналом именно для того, чтобы рабочему классу было ясно и открыто отвечено, верно ли, что гг. *Ленин, Троцкий, Сталин и братия представляют собой народ, государство и что всякая обида любому из них есть государственное преступление?* Пусть ответит высший большевистский суд».

16 апреля «дело Мартова — Сталина» слушалось повторно. Накал страстей достиг апогея. Опять зал был переполнен, хотя на сей раз часовые-красногвардейцы с самого начала пускали только по билетам. Председательствовал А. Дьяконов. Свидетели, как и следовало ожидать, не явились. Грузинские меньшевики не приехали вследствие тех политических отношений, которые сложились между Закавказьем и Советской Россией. Петроградские и московские свидетели, названные Мартовым, также по вполне понятным причинам предпочли уклониться.

За 12 прошедших со времени первого разбирательства дней в судебной системе Советской республики произошло изменение. Революционные трибуналы печати ликвидировались (официально они были отменены декретом о едином Революционном трибунале в начале мая 1918 года). Чем была вызвана эта мера? Вопрос не совсем ясен. Интересно, однако, отметить, что в конце марта 1918 года петроградская «Новая жизнь» опубликовали служебную записку члена Ревтрибунала Горелика, в которой он подверг сомнению целесообразность Ревтрибуналов печати. Автор записки считал, что трибуналы печати не приносят пользы, даже вредны, поскольку обвиняемые редакторы и журналисты являются на суд «во всеоружии защиты» и в итоге он часто оборачивается против трибунала. Предлагалось упразднить трибуналы печати, а дела, которые в них рассматривались, передать либо Ревтрибуналам, либо комиссариатам по делам печати. Нельзя исключить, что первое разбирательство в московском трибунале печати, не сумевшем осудить Мартова, сыграло немаловажную роль в том, что была принята точка зрения Горелика.

Так или иначе, 16 апреля Мартова судил уже Московский Революционный трибунал. Поэтому борьба сторон вновь развернулась вокруг вопроса о подсудности дела. Мартов на сей раз выставил других защитников: адвоката, известного меньшевика А. Плескова и члена меньшевистского ЦК, своего близкого соратника Р. Абрамовича.

Плесков указал, что, поскольку в распоряжении о ликвидации трибуналов печати дела, находившиеся в их ведении, распределяются «по подсудности», то «дело Мартова — Сталина», как дело «частного характера», должно быть передано в районный народный суд. Революционному трибуналу, рассматривающему дела о «преступлениях против народа и государства», оно неподсудно. «Мы желаем знать,— говорил Плесков,— существуют ли декреты для того, чтобы они использовались *всеми без исключения*, или имеется кучка лиц, которая пользуется исключительными привилегиями и находит защиту в особых судах».

В ответ Сосновский раздраженно заявил, что защита прибегает к «крючкотворству», к «сказке про белого бычка», а вопрос чрезвычайно важен: «Мартов оклеветал в своей газете не просто Сталина, а видного партийного деятеля, члена ЦИКа, подрывая при этом авторитет всей партии». Именно поэтому обвинение и настаивает на слушании дела в высшем суде — Революционном трибунале. Если, говорил Сосновский, Мартов уверен в своей правоте, если у него «доказательства в кармане», то почему бы ему не судиться в этом суде? «Мало ли экспроприаторов на белом свете, а, однако, Мартову до них нет дела,— возмущался Сталин.— Клевета имела определенную цель — очернить перед выборами (в Моссовет.— *Г. И.*) меня как члена ЦИКа, как большевика, сказать выборщикам: смотрите, вот они какие, ваши большевики!»

И тут (уже в третий раз!) Сталин не отвел утверждении Мартова о своей причастности к «эксам».

Абрамович, способный оратор и острый полемист, в длинной речи развил тезис Плескова и самого Мартова о равенстве суда и законов для всех: «Нам необходимо знать, есть ли у нас равенство всех граждан перед судом или же имеются граждане первого сорта, белая кость и граждане второго сорта — чернь... Раньше было, что старшина, одев цепь, говорил: «а теперь вдарь!» И в случае оскорбления его защищали особым судом, судом привилегированным, с сословными представителями, а не обычным судом присяжных. Теперь эту цепь делают из чернильного росчерка: подписался — «народный комиссар» — и требует особого суда. Я спрашиваю вас, власти: отчего вы боитесь обыкновенного народного суда? А потому что вы хотите создать привилегии, вы ходите создать категорию «помазанников»; исключительный закон, по которому людей «с цепью» охраняют особо и за оскорбление которых сажают в тюрьму и вообще карают особенно сурово, суровее, чем по народному суду... Неужели и теперь хотят установить такой же порядок и место прежней священной бюрократии займет новая, не менее священная?.. Гражданин Сталин говорит: «Оскорблен не я один; Мартов в моем лице хотел оскорбить и оскорбил всю партию, членом которой я состою». Но если бы было и так, как думает Сталин, если бы Мартов действительно хотел нанести удар всей большевистской партии? Разве большевистская партия принадлежит к числу «неприкасаемых институтов» Советской республики, за оскорбление которой полагается привлечение к особому суду, не народному, а суду Революционного трибунала?»

Затем выступил Мартов: «Я жду определенного и беспристрастного ответа на вопрос: есть ли особая изгородь законов, которая разделяет равных в республике граждан на две неравные части».

Перерыв для вынесения приговора длился более трех часов. Лишь по возобновлении заседания выяснилась причина столь длительной затяжки. Огласив справку о ликвидации трибунала печати, председательствующий Дьяконов объявил, что «Революционный трибунал нашел дело по обвинению Мартова в клевете неподсудным Революционному трибуналу и постановил жалобу гражданина Сталина оставить без дальнейшего рассмотрения». Это была, несомненно, победа Мартова! Члены трибунала поняли, что, осудив его, они лишь подтвердят меньшевистские обвинения в стремлении поставить большевистскую власть над законом. Поняли и отклонили претензию Сталина. До его всесилия было тогда еще очень далеко. Но... Согласившись с неподсудностью дела, трибунал вместе с тем нашел, что в статье Мартова «Еще об артиллерийской подготовке» все же содержатся высказывания, которые оскорбляют рабоче-крестьянское правительство — Совнарком и подрывают его власть и авторитет в массах. Одно из них: «Поскольку члены нашей партии (меньшевиков.— *Г. И.*) участвуют в кавказском правительстве, они должны настоять на открытии большевистских газет и добиваться, чтобы Закавказская республика не бесчестила себя, опускаясь до уровня какого-нибудь правительства Ленина — Троцкого или Вильгельма — Гинденбурга». Другое: «Правда» ведет «артиллерийскую подготовку предстоящего похода большевистского правительства на Кавказ в целях его присоединения и в целях выполнения обязательства, которое взял на себя Ленин отдать Батум, Карс и Ардаган Турции».

Председательствующий Дьяконов, квалифицируя эти выражения как подсудные для автора статьи, предложил Мартову дать объяснение. Фактически это было совершенно новое обвинение — в подрыве власти и авторитета Совнаркома.

Мартов и его защитники попытались отвести неожиданный для них выпад также по процедурным мотивам. Они заявили, что трибунал берет на себя несвойственные ему прокурорские и следовательские функции. Когда Дьяконов уточнил, что в статье Мартова трибунал определил пока лишь «признаки преступления» и только в зависимости от полученных объяснений решит вопрос о новом суде, мартовская группа изменила тактику. «Могу объяснить,— заявил Мартов,— что я пишу только то, в чем убежден. Я считаю и потому пишу, что Совет Народных Комиссаров порушил интересы русского народа, отдавая туркам кавказские области, что народные комиссары не смели подписывать Брестский мир. Думать и говорить так — это мое право». Что касается слов об уровне, на котором якобы стоят «правительства абсолютистской Германии и Советской России», то они вытекают из того, что «есть только две страны, где свобода печати душится без всяких церемоний: Германия Вильгельма — Гинденбурга и Россия, в которой и сейчас применимы знаменитые слова Салтыкова о том, что русский писатель жаждет получить ту меру правосудия, которой пользуется тать и вор!».

Суд вновь удалился на совещание, на сей раз длившееся более двух часов. Наконец был объявлен приговор: «Трибунал признает наличность сообщений, способных вызвать в широких трудовых массах смуту и беспокойство в том, что рабоче-крестьянская власть готова бросить рабочие массы Центральной России против таковых же на Кавказе. Все эти сообщения трибунал признал способными подорвать доверие к рабоче-крестьянскому правительству в кругах народа. Объяс-

нения гр. Мартова трибунал признал неосновательными, а самого его виновным в совершении преступления посредством печати против народной власти. Ввиду изложенного Московский Революционный трибунал постановил: выразить на первый раз гр-ну Мартову (Цедербауму) за легкомысленное для общественного деятеля и недобросовестное в отношении народа преступное пользование печатью общественное порицание, обязав все газеты, выходящие в Москве, опубликовать настоящий приговор»[13].

«КУМОВЬЯ СЕБЯ УЖЕ ОСУДИЛИ...»

Меньшевики использовали противоречивый характер приговора для усиления антибольшевистской кампании в печати. Абрамович и Плесков направили в Ревтрибунал протест. Газета «Вперед!» утверждала, что, прекратив дело Мартова по обвинению в «оклеветании Сталина», трибунал тем не менее совершил другое правонарушение: вынес Мартову порицание «без разбора дела». «Товарищи! — призывала газета.— Продолжайте борьбу за свободу печати! Защищайте свои газеты от произвола!» Меньшевистская пресса писала о «походе большевистской власти против рабочей печати», фракции меньшевиков Моссовета, Московской организации РСДРП.

Сталин также не согласился с приговором. Сохранился любопытный документ — его «кассационная жалоба», направленная в Наркомат юстиции: «16 апреля сего года состоялся приговор Московского Революционного трибунала, коим дело по моей жалобе на Л. Мартова (Цедербаума) признано неподсудным Революционному трибуналу. Такой приговор, нарушающий декрет о суде от 24 ноября (неточно, 22 ноября.— *Г. И.*), я считаю неправильным, ввиду чего прошу Народный комиссариат юстиции представить во всероссийский ЦИК мою жалобу с заключением Народного комиссариата юстиции об отмене приговора Московского Революционного трибунала от 16 апреля. 17 апреля 18 г. народный комиссар по делам национальностей И. Сталин»[14].

Жалобе был дан ход. Это лишний раз может свидетельствовать о том, что «сталинскому процессу» придавалось немаловажное политическое значение.

25 апреля состоялось 9-е заседание ВЦИКа 4-го созыва[15]. В повестке дня значилось и «дело Мартова». Кворум на заседании был неполный: по-видимому, некоторые члены ВЦИКа предпочли уклониться от разбирательства. От президиума Исполкома по этому вопросу докладывал Н. Крыленко. Бывший верховный главнокомандующий, член народного комиссариата по военным и морским делам, теперь, весной 1918 года, как он сам писал в автобиографии, «перешел в ведомство юстиции по отделу исключительных судов». В марте 1918 года он стал членом коллегии Наркомюста РСФСР, одним из организаторов судов и прокуратуры, а в мае уже председателем Верховного трибунала при ВЦИК.

Крыленко требовал пересмотра дела на основании того, что был допущен ряд процессуальных нарушений, в том числе и по отношению к обвиняемому Мартову (например, вынесение ему приговора в виде «порицания» без предварительного следствия и слушания сторон). Но главное нарушение, по мнению Крыленко, заключалось в том, что трибунал проявил очевидную юридическую непоследовательность. Если он усмотрел в статье выражения, сеющие в народе «явно лживые клеветнические измышления», и обвинил за это автора, то он должен был признать также, что «гражданин Мартов является преступником, преступно использующим печать с целью посеять недоверие к рабоче-крестьянскому правительству, и посему признать подсудность себе жалобы тов. Сталина, тем более что рассмотрение обоих вопросов происходило во время одного и того же совещания». Ведь как раз «гражданин Сталин,— разъяснял Крыленко,— аргументировал в своем заявлении поведение Мартова как использование печати для политической цели, использование, совершенно недопустимое по отношению к народу...». В заключение своей длинной речи Крыленко потребовал, чтобы ВЦИК кассировал «данный приговор по делу гражданина Мартова и передал его для вторичного и окончательного рассмотрения в Московский Революционный трибунал в другом составе присяжных заседателей».

Вспоминал ли пунктуальный радетель законов и юридических норм Крыленко эту свою речь в защиту «обиженного» Сталина много лет спустя, когда в 1937 году оказался в сталинской мясорубке?

Присутствовавший на заседании Мартов тут же потребовал, чтобы заявление Наркомата юстиции с обоснованием кассации приговора было доложено ВЦИКу. В полемику вступил явно раздраженный Я. Свердлов: «Позвольте мне, гражданин Мартов, знать, что было доложено... Президиум, рассматривая вопрос, постановил вынести указанную резолюцию (зачитанную Крыленко.— *Г. И.*) и предложил ВЦИК ввиду полной формальной ясности и бесспорности вопроса принять без прений данную резолюцию». Это вызвало протест с меньшевистских и левоэсеровских скамей. Сло́ва требовали Н. Суханов, Ф. Череванин, И. Штейнберг и другие. Никому из них Свердлов не дал выступить. Стенограмма зафиксировала возглас Мартова: «Чудовищно!» Он требовал сло́ва и как обвиняемый, и «к порядку ведения». Свердлов невозмутимо вел заседание, так, словно бы не слышал выкриков Мартова. «Кто за эту резолюцию — прошу поднять руки. Кто против? Меньшинство. Резолюция принята. Покорнейше прошу не шуметь на местах». Но Мартов продолжал «шуметь». И Свердлов вынужден был обратиться к нему: «Вам слова дано не было... Чего вы хотите?.. Если вы желаете сло́ва к порядку ведения собрания, будьте добры дать письменное заявление. Переходим к следующему вопросу — декрет об отмене права на наследование».

Конфликт приобрел резкие формы. Бесстрастная стенограмма воспроизвела его так, что и сегодня слышишь взволнованные, а то и яростные голоса.

«Мартов: «Вы не имеете права голосовать без обсуждения!»

Свердлов: «Я прошу вас сидеть на месте».

Мартов: «Если меня заставят молчать, пусть все знают, как вы судите в высшем суде!»

Свердлов: «Покорнейше прошу товарищей решить о том, к каким мерам должен прибегнуть я в качестве председателя, чтобы дать возможность нам продолжать работу, которую мы себе наметили. Я полагаю, что... нам придется принять решение об удалении его (т.е. Мартова.— *Г. И.*) из данного заседания».

Переждав аплодисменты, Свердлов снова обратился к Мартову: «Вам не угодно подчиниться? Тогда я принужден поставить вопрос, о котором я только что говорил. Властью председателя, я покорнейше прошу вас покинуть зал заседания. Угодно вам подчиниться или нет?»

Мартов продолжал требовать голосования. Тогда Свердлов поставил на голосование вопрос о «правильности поведения председателя». Лишь три руки поднялось «против». «Итак,— заключил Свердлов,— я прошу покорнейше вас покинуть зал».

Мартов поднялся с места, двинулся по проходу. «Удаляюсь,— выкрикивал он,— выражая свое удовольствие по поводу разоблачения!..» Далее в стенограмме следует пропуск: то ли слова Мартова потонули в общем шуме, то ли его резко перебил Свердлов.

Слова требовал Ф. Дан, но и его высказывания в стенограмме не зафиксированы. Правда, Свердлов их, не-

сомненно, слышал. Заключая обсуждение вопроса, он сказал: «Я позволю себе доложить ВЦИК, что член ВЦИК пытался оскорбить ВЦИК, и нахожу, что оскорбление ВЦИК со стороны лиц, вроде Дана, не может коснуться ВЦИК...» Меньшевистская фракция покинула заседание...

На другой день «Вперед!» гневно осуждала ВЦИК: «Фракция большевиков, как один человек, по указке фракционной палочки, голосовала за это надругательство над правосудием... И при виде этого собрания чиновников большевистского правительства, раболепно творящих волю хозяина, невольно вспоминалось другое собрание — сенатских чиновников, проституированных чинами, местами, орденами, окладами... И это — высший орган социалистической республики, верховный выразитель воли революционного пролетариата?»[16]

В том же номере статьей «Я удовлетворен» откликнулся и сам Мартов. «Я удовлетворен вполне,— писал он.— На моем деле этим господам, этой сотне большевиков... пришлось показать всему народу, что большевистская компания представляет собой подлинную по французскому выражению республику кумовьев, из которых каждый Сосновский, каждый Свердлов, Стеклов, Красиков и Козловский, рассматривая власть как общую добычу, считает себя обязанным с нарушением собственных декретов, собственного достоинства и всех принципов помогать куму, когда ему нужно навести лак на грязное пятно в его прошлом и настоящем. ...Мне зажали рот вчера, мне зажмут его, конечно, в Революционном трибунале: для того-то ведь там меня хотят судить, а не в народном суде. Но, как бы ни зажимали рот, правда об экспроприаторском прошлом Сталина будет вскрыта, а г-н Свердлов и его г-н Троцкий, его кум Сталин и все прочие кумовья уже себя осудили. Этого с меня хватит».

Можно считать, что «дело Мартова — Сталина» закончилось вничью. По-видимому, иначе и быть не могло. Между Мартовым и Сталиным стоял пусть несовершенный, но октябрьский, советский парламентаризм. В Советах (и во ВЦИКе) еще работали меньшевистские и эсеровские фракции, существовала и активно действовала небольшевистская печать, не произошло даже окончательного, озлобленного размежевания на большевиков и меньшевиков. Многие видные большевики, лично хорошо знавшие Мартова по совместной революционной деятельности и в России, и за границей, явно предпочли отмежеваться от «антимартовской» атаки Сталина. Прямую поддержку он нашел главным образом среди таких «марксистов», как Лев Сосновский или Демьян Бедный...

Затеяв процесс против Мартова, Сталин неверно выбрал цель и немного опередил события, хотя и верно уловил тенденцию их развития. Тучи гражданской войны уже сгущались над Россией. Май — июнь 1918 года стали переломными. Мятеж чехословацкого корпуса пробудил поволжскую и сибирскую контрреволюцию. Образовался восточный антибольшевистский фронт, поддержанный Антантой. Германия, оккупировав западные регионы, несмотря на Брестский мир с Советской Россией, помогала прогермански настроенной русской контрреволюции, готовой открыть западный антибольшевистский фронт. Внутри самой России нарастали экономическая разруха и голод. В этих условиях, по выражению Бухарина, революция «становилась дыбом».

Меньшевики продолжали борьбу за демократию. К 1 Мая их газеты опубликовали призывы: «Да здравствует всеобщий демократический мир! Только он может избавить Россию от кабальных условий Брестского мира!», «Да здравствует свободная, независимая Российская демократическая республика и братское единение народов ее!», «Долой постоянные армии!», «Долой позор революции — смертную казнь по суду и без суда!», «Да здравствует свобода слова, печати и собраний!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствуют независимые, свободно избранные Советы рабочих депутатов!»[17].

Большевики воспринимали это как создание против своей власти единого фронта, по словам Ленина, «от Милюкова до Мартова». Отступать никто не хотел, и можно ли было теперь что-либо изменить?

Р. Абрамович много лет спустя вспоминал выразительную сцену. Ссутулившийся, хромающий, кашляющий Мартов, одетый в помятый пиджак с карманами, набитыми газетами, стоя на вциковской трибуне, «хрипел что-то не совсем внятное, обращаясь к Ленину. А Ленин смотрел в сторону, чтобы не встретиться глазами со своим самым близким другом»[18]. Пройдут годы. Мартов будет уже в эмиграции. Смертельно больной, Ленин не раз вспомнит о нем, станет просить товарищей оказать ему, тоже страдающему от болезни, возможную помощь. О смерти бывшего друга Ленину не скажут...

В канун Октября именно Мартов призывал создать объединенную демократическую власть, и это было реально: еще было время «собирать камни». Но в 1918-м оно безжалостно разбрасывало их. Яростная борьба большевизма с меньшевизмом (как и с другими оппозиционными партиями) рыхлила почву для произрастания сталинщины. Впрочем, до будущих «больших» сталинских процессов было еще далеко...

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1 Об этом эпизоде упоминается в книгах Волкогонова Д. Триумф и трагедия, 1989, Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана, 1979,Таккера Р. Сталин. Путь к власти. М., 1990, с. 99.

2 «Правда», 2 апреля 1918 года.

3 «Комсомольская правда», 21 января 1990 года.

4 По условиям Брестского мира Батум, Карс и Ардаган должны были отойти к союзнице Германии — Турции.

5 Экспроприации («эксы») — вооруженные нападения революционеров-боевиков с целью захвата денег и других ценностей для партийных нужд. Некоторые из них несли в себе элемент уголовщины, во всяком случае, способны были серьезно скомпрометировать партию с моральной точки зрения. Решениями Стокгольмского (1906) и Лондонского (1907) съездов партии они были запрещены, хотя местные боевики (например, на Кавказе и Южном Урале) занимались этим и позднее. Мартов (как и другие меньшевики) решительно осуждал «эксы». Его беспокоило, что из «экспроприаторских элементов революционной политики» могут в дальнейшем вырасти «принципиальные беззакония» со всеми вытекающими последствиями.

6 Р. Арсенидзе. Из воспоминаний о Сталине. «Новый журнал», Нью-Йорк, 1963, № 72, с. 232—233.

7 См., например, его беседу с писателем Э. Людвигом (Сталин И. Сочинения, т. 13, с.112).

8 Ревтрибуналы — специальные суды, созданные декретом Совнаркома «О суде» от 5 декабря 1917 года. Их рассмотрению подлежали дела, квалифицируемые как преступления против народа и государства. Состав этих преступлений был точно обозначен в декрете.

9 Материалы процесса см.: «Правда», «Известия», «Вперед!», 6—17 апреля 1918 года.

10 Эти трибуналы были созданы при Ревтрибуналах декретом от 10 февраля 1918 года (в Петрограде — 18 декабря 1917 года). Ведению Ревтрибуналов печати подлежали «преступления и проступки, совершенные путем использоваиия печати». Для производства предварительного расследования

при Ревтрибунале печати учреждалась Следственная комиссия.

[11] В 1922 году, будучи уже в Берлине, Мартов вновь вернулся к теме экспроприаторского прошлого Сталина. 18 июля 1922 года «Правда» поместила некролог Камо (С. Тер-Петросяну), участвовавшему в тифлисском эксе. Мартов вспоминал, что для расследования этого и некоторых других «экспроприаторских дел» была создана комиссия во главе с Г. Чичериным. Она, однако, свою работу до конца не довела и «добытые Чичериным материалы... бесследно погибли». Однако, утверждал Мартов, «областной Закавказский комитет РСДРП, самостоятельно ведший расследование на месте, таковое довел до конца и в 1910 году постановил исключить из партии всех лиц, уличенных в содействии Петросяну-Мирскому при ограблении тифлисского банка. В числе этих лиц был Джугашвили-Сталин, ныне один из всероссийских диктаторов» (Мартов Ю. Таинственный незнакомец. «Социалистический вестник» (Берлин), 1922, № 16 (38), с. 8).

[12] Меньшевистская газета, ранее выходившая в Петрограде под редакцией Мартова.

[13] Меньшевистская газета «Новый луч», издававшаяся в Петрограде, напечатала статью, автор которой писал: «Сталин порицает Мартова. Но почему даже воробьи на крышах контрреволюционно смеются?»

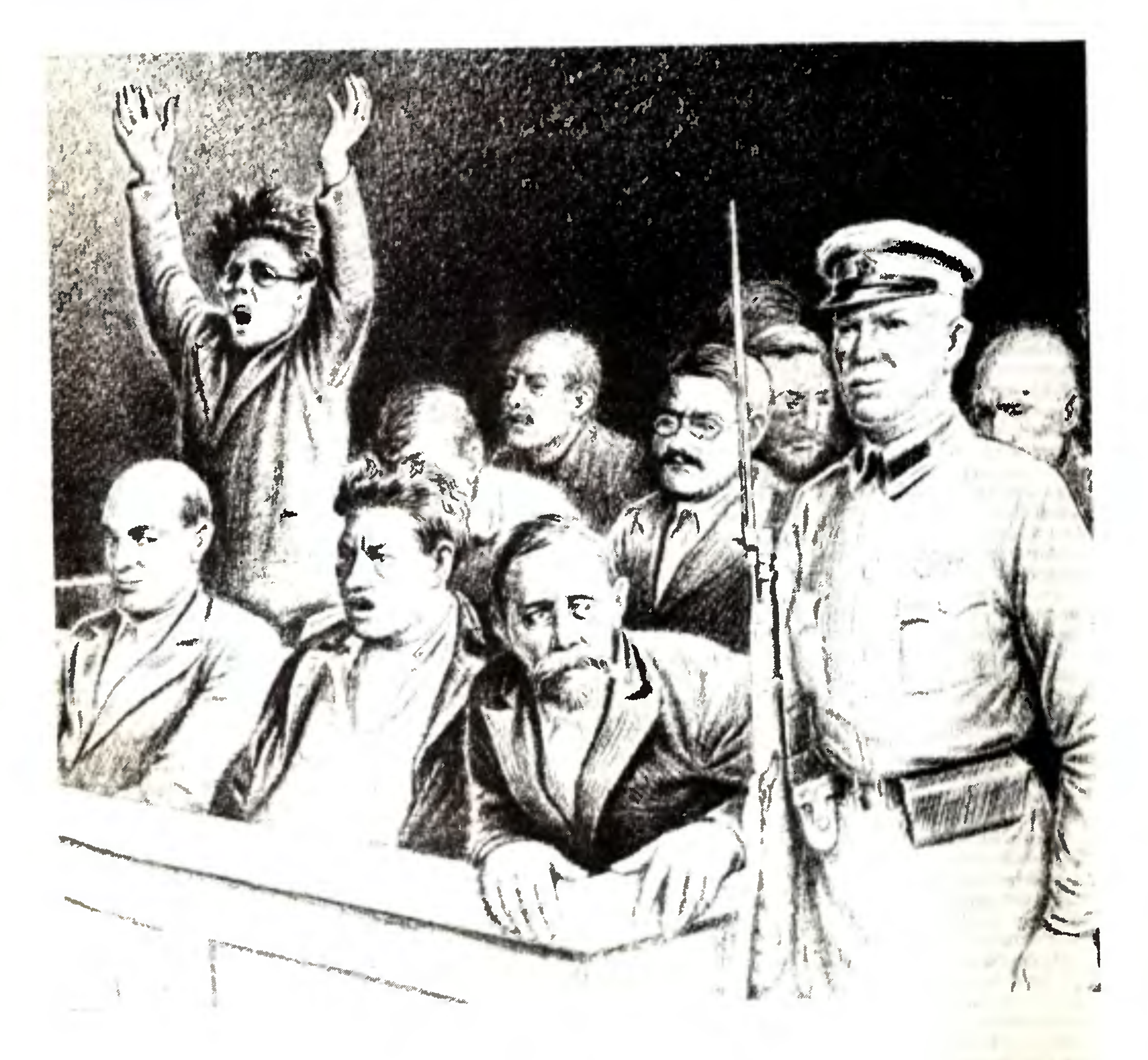
[14] ЦГАОР СССР, ф. 1235 (ВЦИК), оп. 52, д: 33, ч. Ш, л. 12.

[15] Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1920, с. 195—197.

[16] «Вперед!», 26 апреля 1918 года (ЦИК. Дело Мартова. Расправа).

[17] «Вперед!», 1 мая 1918 года.

[18] Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1956, с. 73.

А это было потом...

ПИСЬМО Ю. О. МАРТОВА Н. С. КРИСТИ[1] ИЗ ПЕТРОГРАДА 30 ДЕКАБРЯ 1917 ГОДА

Мой милый друг! Получил возможность послать письмо с оказией и спешу ею воспользоваться, ибо не знаю, дошло ли до тебя недавно посланное через здешнюю почтовую цензуру на Стокгольм, откуда тебе должны его переслать. Так как в нем я ругал большевиков, то не уверен, не задержал ли «товарищ шпик» это письмо. Других же оказий не было с самого переворота, ибо на границе теперь всех обыскивают и письма отбирают.

В этом письме я подробно объяснил тебе, почему остался в «оппозиции» новому «социалистическому» режиму, как ты и предвидела, конечно. С тех пор положение еще больше определилось. Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве! Получается такой букет, что трудно вынести. Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а напротив их высшим воплощением, и начало коллективизма представлял себе прямо противоположным «стадности» и нивелировке. Да не иначе понимают социализм и все, воспитывавшиеся на Марксе и европейской истории. Здесь же расцветает такой «окопно-казарменный» квазисоциализм, основанный на всестороннем «опрощении» всей жизни и на культе даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто виноватым перед всяким культурным буржуа. А так как действительность сильнее всякой идеологии, потому под покровом «власти пролетариата» на деле тайком распускается самое скверное мещанство со всеми специфически-русскими пороками некультурности, низкопробным карьеризмом, взяточничеством, паразитством, распущенностью, безответственностью и проч., что ужас берет при мысли, что надолго в сознании народа дискредитируется самая идея социализма и подрывается его собственная вера в способность творить своими руками свою историю. Мы идем — через анархию — несомненно к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться.

Бросим, однако, политику. Сейчас у нас жесточайшие морозы, и я сильно страдаю, тем более что уже с месяц не могу избавиться от кашля, чуть поправившись, пройдешься при холодном ветре, и опять хуже. Стараюсь выходить как можно меньше и больше сижу дома, тем более что меня утомляет ходьба в тяжелом полушубке (приобрел таковой за 400 р. к зависти всех приятелей, которые говорят, что я в нем «импозантен»: это переделанный на штатское военно-офицерский полушубок). Увы! За последние месяцы я сильно постарел (проклятые большевики, вероятно, виноваты: сердце не выдерживает самомалейшего утомления). Подниматься по лестнице для меня настоящая пытка, а тут, как на грех, из-за отсутствия угля все меньше действует лифтов. Вообще с углем несчастье: электричество уже горит лишь несколько часов в сутки, а скоро, быть может, совсем погаснет. Хорошо, что наша квартира отапливается дровами, а не паром, так что не очень холодно. Вообще лишений уже немало. Пища пока что есть, но скоро, боимся, станут железные дороги, и тогда, может, придется плохо. Вообще какое-то чудо, что мы вообще еще живем после двух месяцев этой анархии.

Занят я сейчас меньше прежнего. «Искру»[2] мы закрыли после того, как на съезде[3] овладели «Лучом»[4]. Центральный комитет теперь в руках интернационалистов, в редакции «Луча» мы с Мартыновым и Астровым[5] и лишь Дан[6], в качестве четвертого, представляет ту часть бывших оборонцев, которая после большевистского переворота примкнула к нам, признав, что дальше войну вести нельзя и что с большевиками надо бороться не во имя восстановления Керенского и коалиции, а во имя чисто демократического правления без буржуазии[7]. Остальные оборонцы перешли в оппозицию, и часть их, вероятно, сама уйдет из партии.

В газете я занят не больше 6 ч. в день, так что утомляюсь много меньше прежнего. Больше могу читать и изредка даже в театр хожу. На днях впервые подвергся краже (это редкость, ибо мои знакомые, кажется, уже обкрадывались не раз): украли бумажник с 90 р.

Что у вас в Швейцарии говорят о мире? Судя по «Тетр», который я видел, во Франции о нем не думают? Что ты делаешь теперь, получаешь ли русские газеты, восторгаешься ли тем, что слышишь о России?

Увы! Будь ты здесь хоть с неделю, пришла бы в ужас. Вековая история накопила столько бестолковщины, такие залежи ее, что нетрудно прийти в отчаянье, даже если понимать головой, что через самые грязные и извилистые дороги история все же может вывести к чему-то хорошему.

С кем ты видаешься? Кто у вас бывает? Все чаще начинаю скучать по швейцарским пейзажам. Увижу ли скоро тебя? Может быть, это будет довольно скоро. Как Ната и Боб?[8] Целуй от моего имени. А Тото[9] знает, что son pére est ministre и принимает посетителей в Зимнем дворце? Бедный Анатолий Васильевич[10]! Между нами, его даже буржуазные враги не принимают всерьез и не ненавидят, его высучивают. Ну, не хочу сплетничать. Много раз целую тебя. С Новым Годом, милая, дорогая! Пиши мне. Передай привет Анне Александровне. Пиши о себе.

Твой Юлий.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Кристи Надежда Самойловна — друг Мартова периода его жизни в Швейцарии.

[2] Газета, издававшаяся группой левых меньшевиков (меньшевиков-интернационалистов). Они выступали за мир без аннексий и контрибуций, а также против коалиции с буржуазными партиями. Мартов был их лидером.

[3] Речь идет об Экстренном съезде меньшевиков (конец ноября — начало декабря 1917 года), в ходе которого меньшевики-интернационалисты пришли к руководству партией. Правый меньшевизм (меньшевики-оборонцы), поддерживавший лозунг продолжения войны до победы и выступавший за коалицию с буржуазными партиями, перешел в оппозицию.

[4] Газета меньшевиков, выходившая в Петрограде после закрытия их центрального органа («Рабочей газеты»). Сначала занимала оборонческую позицию, а после Экстренного съезда перешла под контроль меньшевиков-интернационалистов.

[5] Меньшевики - интернационалисты, сторонники Ю. Мартова.

[6] До Экстренного съезда Ф. И. Дан занимал позицию, близкую к оборонцам. Затем стал поддерживать Мартова.

[7] Речь идет о создании вместо коалиционного Временного правительства «однородно социалистической власти» (от народных социалистов до большевиков включительно). Эту идею Мартов пропагандировал сразу после возвращения в Россию из Швейцарии в мае 1917 года.

[8] Дети Н. С. Кристи.

[9] Сын А. В. Луначарского.

[10] Речь идет об А. В. Луначарском — наркоме просвещения.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЩИТ ВЕРЫ И МЕЧ ДУХА

ПЕТР ПАЛАМАРЧУК,
писатель

На заданный для разрешения вопрос: «Гражданский мир или гражданская война?» — приходится однозначно ответить — война. И не из желания перечить всем другим и пугать образованного обывателя, как обычно делает А. Зиновьев, а в совершенном убеждении, что это воочию ведомо сейчас всякому соотечественнику, так что примеров можно и не давать, дабы не множить раздора.

И именно худший вид войны — распря сограждан между собою, когда вчерашний соратник легко обращается назавтра в лютого супостата. Истоки же нынешних настроений, несомненно, находятся в том, что на самом-то деле никак не окончена еще та гражданская война начала века, которая и развязала узел несчастий России на самом пороге столетия.

Живы последние ее участники, не только «красные», но и «белые»: мне самому на воинском участке подпарижского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа довелось в прошлом году видеть посреди других плит одну с именем казачьего офицера, датой рождения «1896» и прочерком рядом с нею — человек еще с нами. И дай ему Бог здоровья; однако если 70-летие основания Белой армии недавно нашли в себе мужество почтить письмом на чужбину четверо москвичей, то, по всему вероятию, в следующий юбилей мало кого уже можно будет докричаться на сем свете…

Но тем не менее последние семьдесят с гаком лет явились, пожалуй, самым наглядно-трагическим доказательством от противного — Белая идея была права во всех смыслах. А суть ее, несколько переиначив древнюю мудрость на современный лад, можно кратко обозначить так: нельзя служить Богу и коммуне!

Поскольку же носители идеи были по преимуществу люди глубоко православные, попробуем хотя бы немного рассказать близким им языком единственной неустаревшей Вечной книги о сокровенном смысле ее сбывшихся пророчеств.

Вот история из первой книги Ветхого Завета — Бытие — о том, как Исав продал свое первородство Иакову за чечевичную похлебку; при этом он произнес знаменательные слова: «Дай мне поесть красного, красного этого…». С тех пор Исав получил прозвище «красный» (Едом), и, как остроумно пишет наш бывший соотечественник А. Волохонский: «Натуральный цвет чечевичной похлебки приобрел характер сакрального. Если мы теперь в современной политической реальности обнаруживаем известное течение, которое утверждает первичность материи по отношению к духу, и если представители этого течения настойчиво предлагают красный цвет в качестве символа борьбы за свое право вовремя насыщаться,— мы вряд ли должны сомневаться в том, что перед нами Исав собственной персоной».

Другая библейская хроника — I Паралипоменон — поведала о происшествии с потомством одного из родоначальников двунадесяти колен Ефрема: его сыновья и внуки были убиты за то, что пытались захватить чужие стада; после чего «он вошел к жене своей, и она зачала и родила сына, и он нарек ему имя: Берия, потому что несчастье постигло дом его».

Обратившись к более точному по сравнению с упрощенным русским церковнославянскому переводу Псалтири, во втором стихе 78-го псалма находим слова, прямо-таки до жути современные. Тут говорится о захвате Иерусалима язычниками, которые осквернили его святыни вплоть до того, что и самый храм превратили в «овощное хранилище».

Тот же царь Соломон в одной из притч точно определил главное размежевание, вечно проходящее в общественной мысли: «Пути правые наблюдает Господь, а левые — испорчены». Касательно же подлинного соотношения разного рода свобод ясно высказался пророк Иеремия: «Так говорит Господь: Вы не послушались Меня в том, чтобы каждый объявил свободу брату своему и ближнему своему; за то вот Я объявляю вам свободу подвергнуться мечу, моровой язве и голоду и отдам вас на озлобление во все царства земли».

Покуда ведут свои споры равно ведущие к погибели всю разоренную ими дружно землю наследники Февраля и Октября, надежда наша простирается не в стороны Запада и Востока, а в глубину истории и в высоту небес, где сияет не какая-то «демократия духов», которую, опасно играя с вечностью, выразил как-то желание застать там герой Владимира Набокова, но Христос Вседержитель.

Кроме всего, как бы ни стремились противники единодержавия лишить русское царство его будущего,— они уже не в силах лишить его великого прошлого. Издавна у нас почитался святой Николай; и вот для меня славное то былое воплощается в образе трех замечательных деятелей, которым он служил небесным покровителем. Это император Николай I, о необходимости выявить могучий исторический облик которого писал недавно в «Четвертой Вологде» Варлам Шаламов (неожиданно, не правда ли?); писатель-христианин Николай Гоголь, вперед за полтора века пославший нам свои «Выбранные места» и «Литургию», которые только сейчас вновь входят в обиход чтения, и, наконец, царь-мученик Николай II, положивший себя и семью на алтарь спасения духа и чести державы, когда кругом разразились «измена и трусость и обман».

В одном из последних писем великая княжна Ольга Николаевна передала его завет русским людям, поднимающий вопрос о гражданской войне и мире на другой, высший уровень, недаром этот мир и писался прежде по-иному, через «и десятеричное», обладая десятикратно важнейшим значением по сравнению с «отсутствием войны» (эту орфографию, кстати, упорно восстанавливает в своих книгах А. Солженицын): «Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы оии не мстили за Него, так как Ои всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь…».

Это и есть новое русское слово, в мысли и жизни воплощающее завет апостола Павла из его послания к Ефесянам: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против миронравителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы не могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир. А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие».

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ,
редактор отдела русского зарубежья

Журнал «Роднна» открывает новый отдел.

Сегодня мы хотим представить читателям три матернала. Совершенно отличные друг от друга, онн открывают неизвестные страницы в судьбах русских людей, оказавшихся на чужбнне. Это в полной мере относнтся к размышлениям писателя Александра Зиновьева. Он нечасто дает интервью, н наша публикацня — редкая возможность хотя бы отчасти понять человека, который мыслнт неординарно, часто резко, но всегда независимо от сложившихся авторитетов.

Другая наша публикация касается творческого наследия философа и писателя Владнмира Ильина. Он впервые предстает перед нашим читателем. Мы н не знали, что в Париже писал и творил такой самобытный и глубокий художнник.

Третий материал связан с нменем Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной. В пору молодостн она перевела знаменитейший роман XX века «Любовннк леди Чаттерлей» Лоренса. Сегодня мы впервые рассказываем о том, как это было.

Падение с зияющих высот

С писателем Александром Александровичем Зиновьевым я беседовал в Мюнхене, где он ныне живет. летом этого года. Честно говоря, немного побаивался встречи с ним — всем известен его парадоксальный, взрывчатый, неожиданный, но, как потом выяснилось, абсолютно логический ум. Оппонировать Зиновьеву я не собирался, зная, что переубеждать его в чем-то бесполезно, хотя его суждения были отнюдь не бесспорны — взять, к примеру, резкие и по-человечески не во всем справедливые оценки таких людей, как Сахаров и Солженицын. Сидя в уютном небольшом доме на окраине огромного мегаполиса, за чашкой вкусного чая, в присутствии его жены и друга Ольги Зиновьевой, а также писателя Эдуарда Кузнецова, я, по существу, записал почти четырехчасовой страстный монолог писателя.

Позже я прочитал опубликованные в итальянской газете «Стампа» высказывания Зиновьева в связи с указом Президента СССР о возвращении ему гражданства. Вот как приблизительно звучит один из пассажей этого резкого интервью: «Обнародование решения Михаила Горбачева о возвращении гражданства диссидентам-изгнанникам меня не касается. Я остаюсь жить в Западной Германии, где живу с 1978 года и когда был вынужден покинуть СССР. Что разбито, то разбито».

Добавить здесь нечего. Но как писатель А. Зиновьев возвращается на свою Родину, поэтому нам интересны его мысли, его парадоксы, даже его политический эпатаж…

СРАЖЕНИЕ С ДЕМОНОМ

— Александр Александрович, я почти ничего не знаю о вашей семье, о родителях.

— Семья наша простая, крестьянская, но по тем временам и условиям высококультурная. В наших краях было много старинных традиций. Одна из них такая: земля не могла прокормить большие семьи, и мужчины уходили на заработки в город. Родом я из Чухломы Костромской области. Дед работал в Москве, отец тоже подался в столицу, а мать осталась в деревне. И мужики приносили культуру городов в деревню. В нашем доме было огромное количество книг, картин. Вообще-то наша деревушка и район считались медвежьим углом. Но вот пример. Один из наших чухломских купцов, Юдин, едва ли не первым в России основал фотографию. У него же была такая огромная библиотека, которая позднее составила часть библиотеки Конгресса США.

Семья у нас была огромная, и родители действовали так: пока отец жил в Москве, мать отправляла детей одного за другим в столицу. И наше бегство из деревни растянулось на шестнадцать лет.

— Слышал, в войну вы были летчиком?

— По-всякому было. Начал войну танкистом, но в танке воевать не пришлось. Хотя мы знали, что войны не миновать, по чьему-то, однако, приказу танки мы законсервировали, в результате чего наш танковый полк бежал пешим порядком. Нелепость! Потом я попал в авиационное училище, некоторое время участвовал в боях.

— Как вы тогда воспринимали Сталина?

— Антисталинистом я стал уже в 38-м году. А через год — членом небольшой антисталинистской группки, собиравшейся убить вождя народов. И в том же году меня арестовали за выступления против культа Сталина. Удалось бежать. С Лубянки меня переводили на квартиру НКВД, чтобы там я раскрыл сообщников. По дороге произошло замешательство, и я ушел. Год странствовал по стране без документов: в Сибири, на Севере. В сороковом попал в армию. Но антисталинской пропагандой занимался вплоть до смерти вождя, до хрущевского доклада. Причем занимался почти открыто. Удивительно? Вроде бы да. Хочу в связи этим заметить, что советская печать искаженно освещает тот период. Такой любопытный пример. О том, что я арестовывался, о том, что скрывался в 39-м, знали многие. Однако я поступил в университет, и на меня никто не донес.

— Случайно?

— Почему случайно? Мой близкий друг того времени был парторгом факультера. Я — беспартийным. Он знал, кто я и что я. И вместе с тем благодаря ему я остался в аспирантуре. На третьем курсе меня собирались исключить за нехорошие разговорчики. Спас секретарь парткома университета, который все обо мне знал. Дело в том, что уже во время войны сформировались сильные антисталинские настроения в стране, среди бывших фронтовиков на этот счет появилась какая-то солидарность. Но после смерти Сталина мой антисталинизм утратил смысл. Все стали таковыми. И я стал относиться к Сталину как к явлению истории уже по-другому. Здесь у меня вышла книга «Нашей юности полет», в которой я подхожу к Сталину уже с объективно-социологической точки зрения. Я не считаю его хорошим человеком, он совершил огромные злодеяния. Но вместе с тем, на мой взгляд, он является величайшим политическим деятелем XX века. Великий не значит хороший. Наполеон — мерзавец, но XIX век — это век Наполеона. XX век я считаю веком Ленина и Ста-

лина, это самые крупные политические фигуры. У нас, когда говорят «великий», подразумевают «добрый», «хороший»... Это чепуха. Чингисхан — великий исторический деятель, но о нем не скажешь, чтоб он был добрым. А сколько было добрых и хороших, но ничтожеств!

— Скажите, вам приходила в свое время мысль сравнить Сталина с Гитлером?

— Я всегда протестовал против такого сравнения. В свое время была в ходу шутка: «Кто такой Гитлер? Это мелкий бандит сталинской эпохи». Эту шутку я пустил в оборот еще в сороковом, когда появились тенденции такого сравнения. Сталин и Гитлер — это качественно различные явления. Другое дело: они уподоблялись друг другу. Но это же естественно, в истории так бывает: когда соприкасаются враги, они уподобляются друг другу во многом. Но они принципиально различны. Гитлер — это явление западной демократии. Сталин — явление коммунистической системы. Гитлера надо было судить как преступника — это было бы правильно. Сталин не был преступником. При нем совершалось много злодейств, но Сталин — явление нового качества, Сталин — явление коммунистической революции.

— Но как же миллионы уничтоженных им людей? Десятки миллионов! Разве вы отрицаете это?

— Чингисхан тоже уничтожал людей. Он занимал какой-то район и десятки или сотни тысяч людей вырезал. Вы будете сравнивать Чингисхана с Гитлером? Мало ли кто кого вырезал? По приказу президента США на японцев сбросили две атомные бомбы. Будем сравнивать? А что тогда выбирать в качестве критерия? Если коварство, уничтожение людей без суда и следствия, то пропадут все основания для серьезного отношения к истории. Сравнивать вы можете кого угодно с кем угодно. Черчилль был подлец дай бог всякому, а его считают на Западе великим политическим деятелем, хотя в сравнении с Гитлером и Сталиным он червяк. Все зависит от того, с какой стороны подойти, с моральной ли точки зрения, с юридической, социологической, исторической.

— А не говорит ли в вас сейчас холодный логик?

— Логика анализирует правила мышления. В данном случае я подхожу к проблеме как социолог. Я не политик, никогда им не был. Я сейчас написал много критических статей о Горбачеве не потому, что я питаю к нему какие-то положительные или отрицательные эмоции, а потому, что здесь, на Западе, его стали раздувать до размеров величайшего политического деятеля XX века. Чепуха это! Такие вещи у меня всегда вызывали протест. У меня к Сталину было особое отношение, он символизировал для меня мир зла. И я знал, что мы погибнем и ничего из нашей затеи не выйдет, но моими настроениями владели демонические начала, был враг — огромный, масштабный, и борьба с этим врагом для меня была адекватной ему...

АНТИСОВЕТЧИК, ВЫСОСАННЫЙ ИЗ ПАЛЬЦА

— А как вы пришли в литературу?

— Я не состоял в Союзе писателей, не был профессиональным литератором, и мне наплевать на принятые литературные каноны. Чувствуя себя абсолютно свободным, я использовал все литературные средства, которыми располагал: серьезные теоретические эссе, шутки, памфлеты, фельетоны, стихи, анекдоты. Кстати, я был одним из создателей множества анекдотов, появившихся в Москве в послевоенные годы и бытовавших в форме народного фольклора. Часть из них вошла в мои книги.

Я создал то, что в результате получилось: я называю это синтетической литературой. Это не компиляция, не машинальное соединение различных приемов. Это новая форма. Так что с самого начала я сознавал, что творил: мой первый роман — социологический по содержанию и синтетический по литературным средствам.

Диссидентом я не был, моя жизненная позиция — это позиция крайнего индивидуализма. Теперь, конечно, можно обмысливать, анализировать мои книги, придумывать любые концепции, но я этого не хочу. Я исхожу из факта: так получилось.

Я создал собственную идеологию, отличную от марксизма, от всего того, что было создано до этого. Построил свою теорию советского коммунистического общества. В значительной мере она у меня изложена в «Зияющих высотах». Просто я стал думать, что, может быть, я первый, кто стал рассматривать коммунистическое общество не через призму марксистских представлений и прожектов, а как эмпирически данный факт. Профессионал в области логики и теории познания, я знал, как нужно эмпирически исследовать данные явления, и применил выработанные мной логические и философские методы к феномену советского общества.

— В связи с этим, Александр Александрович, что заставило вас уехать на Запад?

— Нас просто выслали, меня и жену с дочерью. Предложили убираться, в противном случае грозились арестовать. Причина — опубликование на Западе книг «Зияющие высоты» и «Светлое будущее». Уволили с работы, отобрали степени, звания. Два года я, доктор наук, имеющий мировую известность, профессор, жил без работы.

— А что вам инкриминировалось?

— Антисоветская деятельность. Потом, когда лишали гражданства, сформулировали так: за деятельность, не совместимую со званием гражданина Советского Союза...

— И вы не считаете себя антисоветчиком?

— Ни в коем случае. Конечно, я не могу сказать, что я апологет советского общества. Нет, я не апологет, но я и не антисоветчик. Я не апологет коммунизма, но я и не антикоммунист. Просто я открыл в себе кое-какие способности понимать советское общество, анализировать его. И результат моего анализа не понравился власть имущим, моему окружению, как это ни покажется странным. У меня не было особого конфликта с властями, у меня прежде всего возник конфликт с друзьями, коллегами, ведь главным объектом моей сатиры были прежде всего они. И рекомендации властям они давали, и рецензии на мои работы они писали. Ситуация в некотором роде сходная с той ситуацией, в которой оказался Гоголь, написав «Мертвые души», или Щедрин, создав «Историю города Глупова». Меня подвергли остракизму. Вы думаете, Брежнев читал «Зияющие высоты»? Да нет, конечно. Ему заключения писали другие. Кто? Да мои бывшие друзья, с которыми я был знаком десятки лет. Я это точно знаю, мне потом рассказали, кто писал заключения на социологические аспекты, кто — на литературные, а кто — на философские.

Я принимаю все как реальность. И вижу свою задачу в одном: изучить эту реальность и описать ее. Никогда не ставил перед собой задачу свержения коммунизма или его реформы.

Если бы я был сейчас в Советском Союзе, я не принимал бы участия ни в каких оппозициях, ни в каких движениях. Это не мое дело. Скажем, если бы я был певец, я бы пел. У меня есть способность делать то дело, которое я делаю. И большего я не хочу. А кто и как это использует — не мое дело.

Иногда мне говорят: «А не думаете ли вы, что ваши книги используют во зло?». Но кто судья, что считать злом, что не злом, что может причинить зло, а что не может? Кроме своей собственной совести, других судей нет. В принципе я русский человек, не хочу зла своей стране, моей Родине. И я не собираюсь отрекаться ни от русской истории, ни от всего, что было. Вот Лермонтов, мой любимый с детства писатель. В предисловии к «Герою нашего времени» он пишет, что нужны горькие лекарства. А сейчас вся Россия заполонена разоблачительными сообщениями. Я же начал писать много лет назад, и, кроме того, то, что я делал, этого не делал никто и до сих пор еще не делает. Было принято считать, что все, кто выехал на Запад,— это антисоветчики и непременно должны играть роль антисоветчиков. Я был единственным, кто по приезде сказал: «Я — советский человек». И потом все время это подчеркивал. И я не собираюсь отрекаться от «советскости».

ГОРА, КОТОРАЯ РОДИЛА МЫШЬ

— Ваши научные труды — препарирование марксизма. Что же могло вызвать к ним резко негативное отношение?

— Да, кандидатскую я писал о «Капитале» Маркса в 53-м году. Диссертацию запретили, она находилась в секретном фонде и циркулировала в машинописных копиях, которые были как бы предшественниками самиздата шестидесятых — семидесятых годов.

— Почему же ее запретили?

— В силу необычности подхода к теме. Ситуация случилась забавная. Я отказывался ссылаться на Сталина, хотя он был еще жив. И вы знаете, кто помог мне вытащить диссертацию на защиту? Александров, заведующий отделом ЦК. Он дружил с Марком Донским, а я благодаря Григорию Чухраю и Карлу Кантору, моим друзьям, был знаком с Марком Семеновичем. Я рассказал ему эту историю. Он поведал ее Александрову, который приказал выпустить работу не читая. А кто же потом препятствовал утверждению моей работы? Так называемые либералы, прогрессисты. В моей судьбе переплелись два совершенно различных аспекта: отношение среды ко мне и политический аспект. Люди, для которых я был неприемлем как ученый и как писатель, использовали политическую ситуацию, чтобы помешать мне проявиться. Если бы сейчас советским писателям предложили проголосовать — публиковать книги Зиновьева в СССР или нет, то, уверяю вас, подавляющее большинство проголосовало бы «против». Почему? Потому что мои книги нарушают принятый в литературе порядок. Потому что я создал собственную логическую концепцию, которая сводила на нет все, что они делали.

Когда я приехал сюда, меня пытались изобразить жертвой режима, но я заявил, что я не есть жертва режима, режим — моя жертва. Режим от меня пострадал больше, чем я от него. Я — характерный пример действия тех законов коммунальности, которые сам описывал. Одним из проявлений этих законов является то, что для необычного писателя, для писателя-новатора, главный враг — другие писатели, а не какие-то политики, как для ученого — ученые, для артиста — артисты. Но одно дело, когда в стране полсотни писателей, и другое дело, когда их десятки тысяч.

— Вы знаток Маркса. Мы сегодня критически подходим к тому, насколько его теория оправдалась практикой... Какова ваша точка зрения на этот счет?

— Марксизм — явление сложное. Те, кто сегодня отвергает марксизм, как правило, его не знают. Мое отношение к нему было критическим с самого начала. Но я не отвергал марксизм. Я его изучал. Досконально, основательно. Как логик. В Москве есть немало людей, которые вам могут подтвердить, что вряд ли в мире найдется кто-то еще, кто знает «Капитал» так, как знает его Зиновьев. Я считал и считаю марксизм не наукой, а идеологией, величайшей идеологией в истории человечества. То, что его сейчас оплевывают и во многом отбросили, не значит, что марксизм — ничто. Я видел свою задачу не в том, чтобы его отбросить, а в том, чтобы его преодолеть, сотворив что-то получше. И, я думаю, мне это удалось, я построил свою концепцию, которая лучше марксистской. Да, да, не удивляйтесь. Одним из сильнейших аспектов марксизма был диамат. Нынче он во всем мире дискредитирован и оплеван. А между тем это огромная потеря для человечества. Без диалектического материализма понять современный мир, и в особенности советское общество, абсолютно невозможно. В марксизме многое переплелось, были сделаны огромные открытия. Скажем, марксистская критика капитализма в большой степени сохраняет свое значение и для современности. Марксизм — явление культуры. Но знаете, что произошло в Советском Союзе? Сделав марксизм государственной идеологией, его вульгаризировали. Появилось огромное количество идеологов, профессионалов-марксистов. Их интеллектуальный уровень чрезвычайно низкий, это в основном бездарные люди. Они довели марксизм до состояния, достойного насмешки. А ведь произведения Маркса, Энгельса, Ленина — величайшие явления в истории культуры, а такие сочинения Маркса, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», или Энгельса «Крестьянская война в Германии», или ленинские работы,— это великолепные памфлеты, замечательные по своему интеллектуальному уровню. А марксизмом принято считать то, что получилось на деле. Как говорит один из моих литературных героев: «Гора марксизма родила мышь — работу Сталина о диалектическом и историческом материализме и всю последующую вульгаризацию идеологии». Теперь другое. Советская идеология, которая считается марксизмом-ленинизмом, в массе своей явление довольно жалкое. И, кстати, одной из причин кризиса советского общества является именно жалкое состояние идеологии, жизненная ее неспособность, неадекватность времени. Но и это не означает, что марксизм есть вздор.

— Вы так жарко отстаиваете марксизм, хотя во всех ваших произведениях вы его критикуете, развенчиваете! Как это понять?

— Да, мои книги полны издевок. Но я издевался над марксизмом, имея перед собой реальных носителей этого марксизма — советских философов, пропагандистов... Если взять нынешнее интеллектуальное состояние советского общества, оно достойно презрения и насмешки. Вот и в моей последней книге, «Катастройка», я продолжаю эту критическую линию.

— Вопрос из разряда банальных. Во всяком случае, уже банальных. Как вы расцениваете такую идеологическую фигуру, как Суслов?

— Считаю, что в брежневские годы в советском обществе были две самые крупные политические и идеологические фигуры — Андропов и Суслов. Андропов создал агентурную империю, самую мощную агентурную сеть, быть может, за всю историю человечества. Эта сеть на Западе сыграла огромную роль, и именно Андропов во многом подготовил нынешнюю ситуацию. Горбачев — преемник Андропова, а не кого-то другого. Суслов же создал беспрецедентную идеологическую империю, гораздо более мощную, чем в сталинские годы. И вот вам пример диалектики: создавая эту империю, Суслов одновременно наносил огромный ущерб и самой идеологии. Мера была нарушена.

Идеология была настолько огромна, что она стала вызывать отвращение, протест и превратилась в предмет насмешки. В советской истории Суслов — одна из самых гнусных фигур. Он стоит в одном ряду с Берией и Ждановым...

ЧЕМ КОНЧАЮТСЯ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ

— Многие у нас полагают, что мы по-прежнему строим социализм. Я уверен, есть и такие, которые верят в построение коммунизма...

— То, что называют перестройкой,— это не оздоровление, не прогресс, это болезнь. Перестройка есть кризис, который выражается в том, что система власти потеряла контроль над обществом, а высшая власть потеряла контроль над системой власти. В том, что нарушены принципы социальной организации, в частности приватизация, поиски рыночной экономики,— это кризисные явления, это болезнь. Раскол общества, демонстрации и все такое прочее — это болезненные явления. Кризис в СССР на Западе считают крахом, дескать, на Советах можно ставить крест. А я считаю такую точку зрения абсурдом. И даю 5—6 лет, в течение которых Советский Союз начнет выходить из состояния кризиса и будет возвращаться в нормальное состояние.

Считаю, что и судьба Восточной Европы еще не решена. Не надо торопиться с выводами. Все зависит от того, как понимать коммунизм. Если понимать коммунизм как политический режим, выдуманный марксистами,— это одно, но это чепуха, абсурд. Коммунизм есть строй, есть социальная организация, и вырастает он естественным образом, корни коммунизма есть во всяком обществе, я называю эти корни явлениями коммунальности. Они заключаются в том, что масса людей вынуждена жить совместно. И элементы коммунизма вы можете видеть в любом обществе, есть они и на Западе. К явлениям коммунизма относится государственный аппарат в любом западном государстве, полиция, армия, всякого рода общественные организации, любые фирмы организованы примерно по тем же принципам. Когда в Советском Союзе думают, что здесь, на Западе, что-то другое,— это чепуха, здесь вы найдете все то же самое.

Вот говорят: план виноват. Так западная экономика гораздо больше плановая, чем советская. А влияние на индивида коллектива, окружения? Здесь то же самое, только давление это пострашнее. Советское идеологическое оболванивание в подметки не годится западному. Разница в том, что в Советском Союзе это оболванивание вызывает протест, а здесь его потребляют с удовольствием. Ежеминутно, ежечасно кино, литература, телевидение, реклама — каждую минуту — оболванивают людей настолько, что они даже не замечают того, что оболванены.

В СССР понятия не имеют о том, каковы закономерности коммунистического советского общества. Политика и властей, и оппозиции — это авантюризм. В СССР не имеют ни малейшего понятия о том, что собой представляет западное общество, что такое парламентаризм, что такое демократия, рыночная экономика. Если бы сейчас я собрал советских идеологов, руководителей всех рангов и устроил им экзамен по западному парламентаризму, по рыночной экономике, то, уверяю вас, это был бы фантастический материал для сатиры.

— Но у нас есть наука, есть ученые. Вы считаете, они ни в чем не разбираются?

— Во-первых, построить науку не так-то просто. Один из принципов коммунальности, о которых я писал в своих книгах, таков: чем больше людей стремится к истине, тем больше заблуждений. На Западе десятки, сотни тысяч специалистов по Советскому Союзу — один другого глупее. Причем чем больше они получают образование, тем глупее. Глупость — это не есть отсутствие ума, это особая культура, и она культивируется. Так называемая советология, кремленология — это же сборище шарлатанов, идиотов. Приведу такую аналогию. Нужно прыгать в высоту. В СССР 290 миллионов человек. Разве все они могут прыгнуть выше, чем один чемпион? Нет, конечно. Научные открытия делают одиночки, истина есть удел одиночек, а не масс. Чем больше людей разделяет какое-то убеждение, больше гарантии того, что они заблуждаются. Кроме того, люди не заинтересованы в истине. Вы думаете, все ваши ельцины, афанасьевы и прочие заинтересованы в истине? Они заинтересованы в том, чтобы получать аплодисменты на Западе, аплодисменты собравшейся толпы. Истина им недоступна, она им не нужна. Вы думаете, Горбачев, другие заинтересованы в истине? Они ее боятся. Истина — это чудовищная вещь, это большая ответственность.

Такого интеллектуального идиотизма, какой сейчас в Советском Союзе, никогда в советской истории не было. Все стараются друг друга перещеголять. Никакое здравое слово в этой ситуации услышать невозможно, тем более основанное на каких-то научных соображениях, выводах.

В СССР уже, наверное, 50 тысяч дипломированных философов. Чего они все стоят? Не в порядке хвастовства, но я вызываю их на соревнование. Вызываю один. Пусть все они пишут учебник по философии, по идеологии. Я буду писать один. И напишу лучше. Почему? Да потому, что за моими плечами опыт научной работы. А этим тысячам нужна не истина, а что-то другое.

А сколько в Советском Союзе экономистов! И самые крупные из них порют чушь! Самыми здравомыслящими людьми у вас, несмотря ни на что, остаются либо люди, не имеющие никакого образования, либо так называемые консерваторы. Они имеют опыт в жизни, и они знают, что есть вещи, которые по-другому делать и воспринимать невозможно.

— Получается, что вы отвергаете абсолютно все, что происходит в Советском Союзе? Саму перестройку...

— Я ничего не отвергаю, я анализирую, я констатирую факт кризиса: кризис власти, кризис идеологии, интеллектуальный кризис, выражающийся в буйстве идиотизма, моральный кризис, психологический кризис. Страна находится в состоянии разбушевавшейся помойки...

— Ну хорошо, есть ли выход из кризиса, о котором вы говорите? Что вы предлагаете?

— Я не политик, у меня нет никаких предложений, я делаю предсказания. Я утверждаю, что кризис скоро кончится, максимум через пять лет страна будет выходить из кризиса. Уже началась в стране контрперестройка, ключом контрперестройки является вопрос о власти, ключом внутри власти является вопрос о сверхвласти. Эти махинации Горбачева с президентством есть путь к сверхвласти, так же как было это во времена Сталина. Это общая закономерность. В данном случае получается, как во времена Сталина, когда говорили, что судьба Сталина совпала с судьбой страны. Сейчас судьба страны совпадает с судьбой Горбачева. Ему нужно создать аппарат сверхвласти, подчинить себе партийный аппарат, навести порядок в системе власти и управления, а уже используя систему власти и управления, восстановить брежневский порядок в стране, восстановить, а не идти куда-то. И другого пути не существует. Пройдет время, и брежневские годы люди будут вспоминать как золотые годы советской истории.

— Что же, по-вашему, у нас не было застоя, брежневщины?..

— Все эти словечки: «консерваторы», «застой», в сталинские годы «враги народа» — чепуха. Объективный исследователь элементарно может показать, что за брежневские годы было сделано больше, чем за всю предшествующую советскую историю.

— А жизненный уровень?

— Что значит жизненный уровень? Как вы измеряете жизненный уровень? Возьмите количество семей, получивших отдельные квартиры в брежневские годы. Это ли не жизненный уровень?

— Согласен, один из показателей.

— Телевизоры, холодильники, были автомашины, да, все было. Чего на Запад-то смотреть! Уровня Швейцарии вы и через тысячу лет не достигнете! Нужно исходить из возможностей страны.

Я вовсе не оправдываю ни Брежнева, никого. Я только утверждаю, что термин «застойные годы» — идеологическая пустышка, ложь, несправедливость. Брежнев был ничтожеством, но дело не в нем...

История страны не есть история правительства, это прежде всего история народа. Народ принес неслыханные жертвы, выдержал огромные испытания. Миллионы людей работали, в каждом коллективе были самоотверженные люди. И все это сводят к каким-то махинациям Сталина, Брежнева, Хрущева.

— Так вы не видите в современной истории ни одной личности, которая могла бы хоть что-то изменить?

— Дело не в личности. Я в свое время говорил: «Если бы Брежнев умер и из него набили бы чучело, то это чучело правило бы страной, может быть, лучше, чем живой Брежнев». Дело не в личности. Личность играет какую-то роль, но если деятельность личности совпадает с определенными объективными тенденциями. Горбачев сыграл огромную роль в советской истории. Какую? Прежде всего он сыграл огромную роль в создании кризисной ситуации. Ведь многие так думают: при Брежневе был кризис, а Горбачев стал из кризиса выводить. Чепуха! При Брежневе не было кризиса. Горбачев ввергнул страну в состояние кризиса. Перестройка и есть политика, которая привела к кризису. И Горбачев сыграл здесь огромную роль. И он продолжает играть эту роль.

Ваши оппозиционеры хотят жить так, как живут на Западе. Но жизнь на западном полушарии представляют в ложном виде, в идеализированном. Дескать, приходи в супермаркет и покупай все, что угодно. А деньги где взять? Хорошо, если ты по наследству получил или должность какую-то имеешь, а так их нужно зарабатывать. А если ты эти деньги будешь зарабатывать, ты опускаешься в преисподнюю общества, которая не лучше советской.

Запад, Запад... Надо же понимать, что каждый народ, каждая страна имеют свою историческую судьбу. Не могут эскимосы претендовать на такую же роль в истории и на такое положение, как, скажем, швейцарцы, не выйдет из этого ничего. Бессмысленно и России претендовать на то же самое, что есть во Франции, в Италии... Там за плечами века цивилизации, культуры, демократии! Что стоит в прошлом русской истории? Надо же принимать во внимание и природные обстоятельства, и человеческий материал! Еще Гоголь писал 150 лет назад, что хороших распоряжений, постановлений пруд пруди, все государи хотели блага народу. А как только дело доходило до исполнения — увы. Человеческий материал играет первостепенную роль. Можно наладить в России такой высокий жизненный уровень, как на Западе? Можно, через 200—300 лет. Но только стоит ли этот высокий уровень таких ожиданий...

— Ваше отношение к Александру Солженицыну?

— Я считаю, что Солженицын сыграл огромную роль в советской истории. «Архипелаг ГУЛАГ» — очень значительная книга, это бесспорно, книга такого же масштаба, как «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Но в целом как писатель он — средний. И его социальную концепцию я считаю глубоко реакционной. Он не понимает советского общества и видит идеалы в прошлом.

А вот другая фигура — Сахаров. Он есть в значительной степени западное изобретение. Так же как и Солженицын, Сахаров был очень сильно раздут на Западе. Как социальный мыслитель он примитивен. Меня всегда оскорбляло в этой ситуации вот что: огромная страна, в которой масса образованных и умных людей, и вдруг эту страну начинает представлять человек с очень примитивным способом мышления, я имею в виду, конечно, не физику, а именно социальное мышление. В моих книгах я критиковал как Солженицына, так и Сахарова.

И вот еще о чем хочу сказать: судьба русского народа трагична. Россия стала складываться в нацию к концу XIX — началу XX века, в нацию в собственном смысле этого слова. Не всякий народ есть нация. Революция прервала этот процесс. После революции в СССР проводилась антирусская политика. Россия как нация разрушена. Есть народ, есть множество людей, разбросанных по огромной территории, но думаю, что нации, русской солидарности в хорошем смысле слова не существует. Я и на себе это испытал сотни раз. Кроме того, история России складывалась весьма неблагоприятно для русского населения. И это и сегодня ощутимо. Что же делать? Россия имеет шансы стать великой державой, но есть один путь для этого, один-единственный путь — делать реальный вклад в мировую культуру. А для этого нужно развивать себя в литературе, музыке, в искусстве. Чем больше русских имен будет появляться в мировой культуре, тем величественнее будет Россия.

— Собираетесь ли вы в Москву?

— Ехать просто так, человеком, книги которого неизвестны, нет никакого смысла. Пусть издадут мои книги, пусть люди узнают, что я такое есть. Ведь о человеке судить на основе одного интервью невозможно. А интервью всегда одностороннее, впадаешь в крайности, присутствуют какие-то эмоциональные настроения. А у меня все-таки 25 книг! Сегодня я могу сказать, что такой-то человек — сукин сын, а потом в какой-то другой связи я могу сказать, что он герой. Так бывает, как вообще в жизни... ■

В ностальгии по прошлому мы создаем порой идеальную картину дореволюционной российской жизни, державшейся на «трех китах» — православии, самодержавии и народности. Философ Владимир Сергеевич Соловьев заставляет нас опуститься с небес на землю. В отделе рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится черновой набросок его статьи «Задачи христианского государства», в которой автор размышляет о том, можно ли видеть воплощение христианского государства в Российской империи.

По мнению В. С. Соловьева, христианский идеал не может быть подменен триадой «православие, самодержавие, народность», потому что христианство выше, идеальнее и универсальнее всего остального. Если же отдельная личность, общество или государство объявляют себя христианскими, то это огромная ответственность. По христианским законам недопустимо преследование инакомыслящих, принижение иноверных. Философ восстает против национального самодовольства, считая его проявлением язычества. Идолам национального обособления противопоставлена идея любви, правды и всеобщей солидарности: «...сильная и разумная Россия, призванная подтвердить крещение, полученное ею девять веков тому назад, добровольным отказом от дурного начала эгоизма и национального обособления и открытым признанием себя тем, чем она должна быть и что она есть в глубине души своей,— живой и нераздельной частью великого вселенского единства».

Дореволюционная Россия не была образцом веротерпимости и религиозной свободы. В защиту гонимых, кто бы они ни были: раскольники, евреи или униаты, выступали истинные русские интеллигенты — Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. Ф. Кони. Последний, работая в суде, не раз поднимал голос против незаконного преследования униатов и насильственного присоединения их к православию. Он писал в «Записках судебного деятеля»: «Как было не задуматься над действительно «крайне печальным состоянием» 83.000 человек, лишенных после десятка лет всякого рода стеснений, разорений и судебных преследований радости открыто исповедовать... свою выстраданную веру, не прибегая к тайне и укрывательству?» В качестве публициста высказывался против национализма и В. С. Соловьев. Это свое общественное служение он сравнивал с монастырским послушанием: «Я за последнее время взял на свою долю добровольное послушание: выметать печатный сор и мусор, которым наши лжеправославные лжепатриоты стараются завалить в общественном сознании великий и насущный вопрос религиозной свободы». Таким «выметанием мусора», проповедью христианской морали должна была, по-видимому, стать и эта незавершенная статья.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

ЗАДАЧИ ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

I

Глубокая внутренняя ложь, разъедающая нашу жизнь [России] [1] и могущая погубить нас тою же гибелью, какою погибла Византия, состоит в следующем извращенном рассуждении, которое обманчиво пользуется верными посылками для установления совершенно фальшивого и безнравственного практического правила. «Россия обладает истинною формою христианства — православием, наиболее могущественного и неограниченного государственною властью,— самодержавием и, наконец, своеобразным и превосходным национальным характером; вся наша задача состоит в том, чтобы сохранять, усиливать и распространять эти наши преимущества, поглощая или подавляя все инородные элементы — вероисповедные, исторические, национальные — в пределах нашей империи; в этом заключается истинная национальная политика, для торжества которой все позволено, всякие способы обмана и насилия, которые в других случаях взывают негодование, становятся хорошими, когда служат *русскому делу*».

Это совершенно то же, как если бы кто-нибудь сказал: «Я обладаю истиною, сверх того пользуюсь необыкновенно крепкой организацией и к тому же у меня отличный характер. Ввиду таких несомненных преимуществ мне, конечно, позволительно то, что запрещено прочим смертным: для поддержания своего высокого достоинства я не стану стесняться с теми, кто мне мешает, я могу их бить, грабить, лишать свободы; такие поступки дурны, когда их совершают другие, но я-то ведь не чета другим, и все, что делаю с целью ограждения и утверждения своего превосходства, может быть только превосходным».

Всякий встречал людей с подобным образом мыслей. Они обыкновенно называются негодяями, иногда попадают на скамью подсудимых. Должна ли истинная национальная политика быть только увеличенною в размерах политикою негодяев и преступников?

II

Та лженациональная политика, которая считает позволительным насиловать совесть и естественные права ни в чем не повинных людей во имя православия, самодержавия и народности, очевидно, берет эти принципы как какие-то внешние вещи, лишенные нравственной сущности и духовного смысла. Но в чем же тогда их содержание и их значение? Не превращаются ли они в пустые слова для прикрытия дурных страстей и зверских инстинктов? Если я во имя своего высокого достоинства и превосходного характера начинаю хватать за горло и душить моих ближних, то не ясно ли я этим показываю, что мои предполагаемые преимущества суть только словесные претензии, а что на деле у меня характер самый скверный, соответственный моим действиям и достаточно их объясняющий, хотя нисколько не извиняющий. Если я утверждаю, что обладаю христианством в совершенной форме, и вместе с тем систематически действую в прямом противоречии с духом Христовым, то яснее дня, что я никаким христианством не обладаю, а лишь кощунственно злоупотребляю его именем.

Православие как совершенная форма христианства не может быть только внешним состоянием, унаследованным или навязанным постороннею силою, оно есть духовное начало жизни, выражающееся необходимо и в соответственном нравственном образе действий. Где-нибудь в Седлецкой или Люблинской губернии мирно живут белорусские или червонорусские мужики. Они считают и заявляют себя христианами римско-католического вероисповедания. Собственно в религиозном отношении существенной разницы между ними и православными нет: и те и другие верят и поклоняются одному и Тому же [2].

[1] В квадратных скобках даны слова, вычеркнутые В. С. Соловьевым.— **Ред.**

Но вот являются вооруженные ревнители православия и так как разыскано, что прадеды этих католиков были униатами, т. е. в сущности тоже католиками, выводится изумительное заключение, что ныне эти люди должны быть православными. Некоторые из них, более счастливые, благочестивые и мужественные, не хотят в духовном деле подчиняться чужому произволу, их объявляют *упорствующими* (в чем? в верности нравственному долгу!) и после предварительных грубых насилий и истязаний разделяют семьи, как в худшую пору крепостного права,— мужа ссылают в один отдаленный край, жену — в другой, детей — в третий, причем [мешают всякой религиозной помощи, так как] у всех отнимается возможность исполнять религиозные обязанности, так как не хотят признавать их католиками, а они не могут признать себя «православными». Другие, менее сильные нравственно, под страхом этих административных кар наружно подчиняются, и их оставляют на месте как православных. Но в чем же, однако, состоит их православие, в чем их отличие от их «упорствующих» земляков, как не в одной только слабости духа перед материальным насилием?

Образ действия, который приводит одних к мученичеству за духовную свободу, а других к невольному, лицемерному отступничеству, не имеет ничего общего с христианством. Итак, одно из двух: или православие не есть совершенная форма христианства, а нечто вполне ему чуждое, или мнимые ревнители православия, вгоняющие в него людей насильно, суть на самом деле его враги и изменники.

III

В формуле: православие, самодержавие, народность,— как она доселе понималась сторонниками нашей лженациональной политики, нет никакого внутреннего единства. Эти три начала находились между собою лишь в фактической случайной связи и сравнительное значение каждого из них определялось различно, смотря по личным взглядам и вкусам. Для одних самым важным представляется православие, оно одно только имеет принципиальное значение, а два прочие члена формулы признаются лишь в качестве исторических носителей истинного начала; так Хомяков и Самарин превозносят православие как единственную истину и святыню, утверждая, что самодержавная монархия благословляется только как предержащая власть и что Церковь сама по себе безразлично относится ко всем формам правления и общественного устройства; а некоторые иные ревнители православия не придают исключительного значения русской народности, ценя ее только как самую могущественную опору восточной церкви.

С другой стороны, на первый план выдвигается наше государственное начало, единым на потребу признается самодержавие как постоянная крепкая власть и лучшее ручательство общего блага, православие же ценится главным образом за то, что оно отреклось от самостоятельной власти в пользу государства, а русский народ возвеличивается как создатель этого государства. Есть, наконец, сторонники третьего начала — народности, видящие в православии и в самодержавии только атрибуты русского народа, выражение народной веры и народной воли [3].

Таким образом формула русского самосознания в обыкновенном ее понимании распадается, по крайней мере, на три различных точки зрения, приводящие и в теории и на практике к неразрешимым противоречиям. Но истина одна, и в нашей формуле, если только она выражает истину, ее три члена должны быть внутренне связаны воедино.

IV

Единство русского самосознания, разрываемого на части православниками, государственниками, народниками, само собою восстановляется, если только в первом начале православия мы перестанем отделять форму от содержания, если мы будем твердо помнить, что православие может иметь значение как соответственная вера, учение христианства, если мы под православием в смысле практического принципа будем разуметь именно только истинное христианство и ничего более. Этим естественно определяется и характер нашей государственности и политики. Исходя из христианства как всеобщей истины, а не как местного интереса, мы можем единодержавие государственное понимать только как делегацию власти Христовой для [блага людей] воспитания народов к Царству Божию; это единодержавие, [ничем] не ограниченное [снизу], никакими внешними учреждениями, внутренне обусловлено высшим нравственным законом, исключающим всякий произвол и неправду и не допускающим никакой другой политики, кроме христианской. Христианская политика, впервые возвещенная у нас Владимиром Св., есть та, которая *боится греха*, которая все отношения и дела — внешние и внутренние, вероисповедные и национальные, пенитенциарные и экономические — подчиняет безусловным нравственным требованиям, устрояя все в духе Христовом — духе мира и свободы, правды и милости.

Если под православием до́лжно разуметь истинное христианство, и под самодержавием христианское царство, то народность в смысле принципа может означать только светлую сторону народной души и характера — ту сторону, которая восприимчива к истине христианства и соответствует задачам христианской политики.

Пока мы не отреклись от христианства, мы не можем поклоняться ни церковности самой по себе, ни государству самому по себе, ни народности самой по себе — это было бы явным идолопоклонством. Безусловное значение могут иметь для нас только истинно христианская Церковь, истинно христианское государство, истинно христианская народность. В этом смысле наша тройственная формула становится триединым выражением одной и той же истины, лежащей на падение и восстание народов — истины страшной, о которую сокрушались великие царства. Никто не спасается помимо своей воли, и судьба России в наших руках. То, что нам было завещано на заре нашего... [4]

Публикация и предисловие священника МАРКА СМИРНОВА

[2] В рукописи дан указатель сноски и оставлено место для нее, однако она отсутствует.— **Ред.**

[3] Говоря о народности, одни разумеют совокупность национальных особенностей, народный тип или характер, а другие имеют в виду значение народной массы или ставят идеалом *народовластие*; у этих, естественно, является стремление демократизировать как государственный, так и церковный строй.— **Прим. автора.**

[4] На этом рукопись обрывается.— **М. С.**

НАРКОМАФИЯ С «БОРОДОЙ»

КОГДА ПОЯВИЛАСЬ У НАС «ЧУМА XX ВЕКА»?

Как-то привычной стала для многих из нас такая вот позиция: проблема наркомании возникла перед нами неожиданно, чуть ли не вчера, в крайнем случае в так называемый «застойный период». Так ли это?

Уже в самом начале 20-х годов отмечался рост числа потребителей наркотиков (в основном кокаина) среди несовершеннолетних (от 9 до 17 лет) в Москве, Ленинграде, Киеве... По оценкам специалистов того времени, среди ста городских детей насчитывалось 35—40 кокаинистов. Другие же источники утверждают: практически каждый беспризорник хоть раз, но попробовал наркотик. А если учесть, что на улице оказалось свыше семи миллионов детей (из них более девяноста процентов в возрасте 13—16 лет), то нетрудно себе представить размах деятельности торговцев дурманом...

Денег на борьбу с наркоманией катастрофически не хватало. Материальная помощь от Деткомиссии при ЦИК моментально расходилась на текущие медицинские нужды.

Первые же социологические и иного рода исследования, проведенные учеными-энтузиастами по своей собственной инициативе в 20—30-е годы, показали настораживающую закономерность: очаги наркомании наиболее ярко проявлялись в городах, через которые проходили железнодорожные пути, связывающие центральную часть России с Закавказьем и Средней Азией. Выявленные факты незаконной деятельности распространителей наркотиков давали основания говорить о существовании организованной преступности.

Так, на одной из станций Ташкентской железной дороги агенты ГПУ задержали двух женщин, подозреваемых в том, что они везут анашу из Средней Азии. Их обыскали и действительно нашли указанный наркотик. На следующий день в том помещении, где содержались арестованные перевозчицы, обнаружили взломанные замки: обе преступницы и наркотик из хранилища исчезли... В другой раз наткнулись на «бесхозные» жестяные банки, в которые фабричным способом был закатан гашиш: вероятно, ему предстояла дальняя дорога.

Проявляла себя и коррупция. Случалось, что арестовывали и отдавали под суд несовершеннолетнего за найденные у него полграмма гашиша, а ранее судимого отпускали восвояси с двумя килограммами наркотика. Но даже и с такими «издержками» только за 1927—1928 годы в одной Самаре изъяли столько гашиша, что хватило бы на четыреста тысяч человек. Так подсчитали специалисты.

Не обделяли торговцы наркотиками и Москву. Если в 1926 году на десять тысяч населения столицы приходилось 37 больных наркоманией (исходя из официального учета), в 1930-м — 38 человек, то в 1932-м — уже 90. Лишь с середины 30-х годов волна наркомании резко пошла на убыль: в 1940-м — 9, в 1946-м — 2 наркомана на десять тысяч.

Надо сказать, что опыт борьбы у правоохранительных органов — ВЧК, позднее ОГПУ, уголовного розыска — с распространением наркотиков уже был, хотя только в 1924 году в УК РСФСР появилась первая норма, предусматривающая уголовную ответственность за незаконные манипуляции с наркотиками с целью сбыта, а следовательно (и это подтвердила многолетняя практика), преступник всегда мог оправдать присутствие у него наркотического вещества: для себя, без умысла на его

продажу, дарение и пр.*. Таким образом, по неизвестным причинам законодательные органы власти с регламентацией необходимых для практики правовых положений по борьбе с названным видом преступности особенно не спешили.

Только через четыре года свободное обращение наркотиков на территории СССР было запрещено, а в 1934 году прекращены посевы опийного мака и индийской конопли. К этому времени распространители наркотиков добрались до Украины: отмечались факты высевания опийного мака выходцами из Туркестана...

Основательно подрубила щупальца наркомафии Великая Отечественная война. Жесткие порядки военного времени, расстрелы на месте, комендантский час и ряд других крайних мер привели к тому, что распространители наркотиков не имели возможности свободно перемещаться по стране, а наркоманы, отлученные от опасного зелья как на фронте, так и в тылу, самоизлечились.

Но в Средней Азии, не затронутой прямыми военными действиями, дела обстояли по-иному. Масса беженцев, мигрировавших туда из оккупированных или угрожаемых регионов страны, в какой-то своей части приобщилась к нездоровым местным обычаям и привычкам, кои они и прихватили с собой, возвращаясь в родные края.

Весомый вклад в распространение наркотиков и наркомании внесла большая амнистия уголовников, проведенная Берией. «Птенцы Берии» — это часть тех миллионов подверженных наркомании подростков-беспризорников, на воспитание и перевоспитание которых не хватило денежных средств, педагогов вроде Макаренко и многого другого. Именно тот тяжелый для нашей страны период дал толчок тому, что из неустроенных детей выросли к началу 50-х отпетые рецидивисты, понимающие толк в наркотиках и вынесшие страсть к ним из тюрем и лагерей ГУЛАГа на волю.

Закон перехода количества в качество и принцип причинно-следственных связей применимы для любого социального явления, они универсальны, но постоянно «забываются», что всякий раз ставит общество перед свершившимся фактом (как происходит и сегодня), а явление требуется контролировать непрерывно, менять тактику борьбы с ним, так как и оно меняется, приспосабливаясь к окружающей среде, мимикрируя...

Так что проблема наркомании возникла не сейчас, она была и не исчезала ни в 50-е, ни в 60-е, ни в последующие годы.

Изучение исторических документов показывает: чем интенсивнее ведется борьба с распространителями наркотиков, особенно в регионах с историческими предпосылками (Средняя Азия, Закавказье, а в последнее время и Украина, и Краснодарский край, и Поволжье), чем доходчивее осуществляется пропаганда вреда наркомании, чем плотнее занят досуг молодежи общественно полезным трудом или увлечениями — при стабильности воспитательного процесса в семье, учебных заведениях, на производстве,— тем значительней сокращение числа потребителей наркотиков. И наоборот.

Замечено и другое. Никакой, даже самый строгий закон не способен устранить наркотическую опасность до конца, пока люди не возьмутся за нее всем миром.

БОРИС КАЛАЧЕВ

* Подобная негодная практика законодательства, несомненно, способствующая незаконному обороту наркотиков, продолжалась в нашей стране еще пятьдесят лет, вплоть до 1974 года.— **Прим. авт.**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВЗРЫВАТЬ ЛИ

АНДРЕЙ ФАДИН,
публицист

Закончилась ли гражданская война в России? Есть ощущение, что нет. Ибо в сознании современников вопрос «красные или белые?» все еще не утерял своей трагической остроты. Разница с днем вчерашним лишь в том, что маятник общественных симпатий качнулся от одного полюса к другому и поют сегодня песни одних, как вчера пели других. Одни выносят бюст Ленина из зала заседаний Совета и образуют комиссию по расследованию его преступлений, другие предлагают принять закон о защите его чести и достоинства. На улицах продают портреты монархов и лидеров белого движения, но время от времени можно встретить и митинг с лозунгами типа «Социалистическое Отечество в опасности!».

Символы времен «гражданки» все еще продолжают быть важными, достойными борьбы. Сам способ восприятия исторической реальности практически не изменился: «Истина — одна, и мы знаем, где она». Многомерная, объемная историческая реальность, чреватая множеством вариантов развития, по-прежнему воспринимается как поле битвы добра со злом, меняется только их «цвет».

Между тем в реальной жизни человеческие ценности оказываются расслоенными, поделенными между политическими полюсами.

С той же непреложностью встает вопрос и об исторической ответственности за кошмары отечественной истории. Возложить ответственность только на победившую альтернативу означало бы просто уйти от вопроса о том, откуда эта альтернатива возникла, что за общество ее породило. Ведь нельзя же всерьез воспринять тезис о том, что большевиков с Запада ветром надуло...

В малоизвестной, к сожалению, у нас повести Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», созданной еще в разгар военного коммунизма, описывается памятник, воздвигнутый в Москве «в недалеком будущем». На постаменте — стоящие, взявшись за руки, спиной друг к другу Ленин, Милюков и Керенский. Они не видят, не понимают друг друга, но образуют некое целостное единство — зримое преодоление гражданской войны. Увы, подобное отношение ко вчерашней вражде осталось в нашей стране лишь мечтаниями одиночек; понимание взаимосвязи судеб и социальных проектов всех участников исторической драмы не пришло. Хотя в принципе опыт стран, переживших страшные гражданские войны и действительно изживших их (Франция, Испания, Мексика), говорит о неизбежности осознания общности исторической судьбы вчерашних смертельных врагов. Кто в сегодняшней Франции поставил бы вопрос: «Дантон или Робеспьер»? В Испании созданная для увековечения

памяти героев «крусады» по распоряжению Франко «Долина павших» превратилась в сознании современников в памятник всем жертвам гражданской войны, павшим с обеих сторон. В Мексике боровшиеся друг с другом вожди и герои грандиозной драмы революции объединены общим понятием «единая революционная семья». У нас же вопрос «или — или», произрастающий из самого духа непримиримой гражданской войны, все еще определяет отношение не только к прошлому, но и к будущему.

Между тем предчувствие грядущих катаклизмов (социальных, национальных, экологических) все чаще вызывает разговоры о грядущей новой гражданской войне. Сам страх перед «бунтом бессмысленным и беспощадным», перед всеобщей катастрофой обнаруживает коренной порок нашего общества — отсутствие подлинного гражданского мира. Ибо гражданский мир — это ведь не просто отсутствие войны, не просто состояние, когда люди не режут друг друга. Это некий надежный, многократно обкатанный механизм диалога, разрешения конфликтов путем торга и компромиссов, механизм, дающий уверенность в ненасильственном разрешении столкновений групп интересов — даже в эпоху всеобщей нестабильности, когда одни теряют, а другие приобретают.

...Трагический парадокс нашего исторического бытия заключается, как представляется, в том, что мы должны, чтобы выжить как общество, сделать то, чего сделать не могли в прошлом, не можем и сейчас. Это выбор между невозможностью и смертью. Ибо, не создав гражданского мира, мы неизбежно скатимся в ад гражданской войны, которая в ядерной державе, начиненной чернобылями, будет означать просто гибель, может, для всего мира.

Создать его только по одному своему желанию тоже не получится. Но выход все-таки есть. Он в попытке ввести дикую ошибку заподало (и потому неадекватно болезненно) осознавших себя интересов в рамки законов и институтов, возвышающихся над всеми группами интересов. И по идее в этом должны быть заинтересованы прежде всего существующие властные структуры, ведь в случае взрыва именно им придется «платить за все». И, однако, именно они пытаются по мере возможностей заставить «правила игры» служить им инструментом и тем непоправимо дискредитируют и сами правила, и любую возможность «fair play» — честной игры. В то же время лишь правила, устанавливаемые «моральным большинством» могут ввести выяснение отношений между социально-политическими блоками, группами, партиями в русло цивилизованного общежития.

Решения последнего съезда правящей партии о сохранении партийных организаций в армии, КГБ, МВД в условиях многопартийности (а этого повернуть назад уже невозможно) неминуемо будут означать перенос межгрупповой, межпартийной борьбы в институты — хранители государственного единства.

Проблема мирного пути реформации сегодня — это проблема удержания конфликта интересов на уровне идеологическом и политическом, не допуская прорыва его в сферу общих, надгрупповых интересов. Однако для этого необходимо, чтобы ни одна из участвующих в борьбе сил не обладала монополией контроля над этой сферой.

...Рассказывают, что в 1919 году, когда войска Юденича наступали на Петроград, некий рабочий предложил при обсуждении создавшегося положения взорвать весь город, чтобы он не достался врагу. Этот дух непримиримой вражды, которая по своей внутренней логике оказывается сильнее любых причин, ее вызвавших, все еще пульсирует в нашем обществе. И все же некоторые основания для надежды есть: ведь город так и не был взорван.

КОМУ ЖИТЬ В КИТАЙ-ГОРОДЕ?

В 1989 году, к глубокому огорчению посетителей ГУМа, закрылся его продовольственный отдел. Никаких объяснений, как водится, не последовало, и общественное мнение рассудило так: торговать стало нечем, решили не позориться. На самом же деле прекращение торговли продовольственными товарами в главном магазине столицы было первым шагом в реконструкции Китай-города по проекту мастерской № 7 Моспроекта-2.

Частный случай с «исчезновением» продуктового отдела может породить тревогу: не будет ли и вся реконструкция московского центра осуществляться так же тихо, без совета с общественностью? В июле прошлого года начальник мастерской № 7 Всеволод Кузьмин рассказал на страницах журнала «Родина» о предстоящем преобразовании Китай-города и призвал читателей высказаться по этому поводу. На гласном обсуждении проекта реконструкции московского центра настаивали в седьмом номере «Родины» историк Юрий Афанасьев и художник Олег Гроссе. После публикации редакция стала получать письма. Многие высказанные в них замечания не, поздно учесть. Мастерская закончила первую стадию работы — технико-экономические расчеты, но еще не приступила непосредственно к проектированию. Но, как считают сами архитекторы, заказчик — генеральная дирекция «Центр» исполкома Моссовета — не торопится давать ход их идеям. Почему? Может быть, городские власти в кои-то веки ждут мнения народного? Если так, то, прежде чем принимать решение, Моссовету необходимо прислушаться и к мнениям, высказанным участниками «круглого стола» по проблемам Китай-города. Это заседание было проведено Московским отделением Советского фонда культуры. Некоторым из участников дискуссии мы предоставляем слово.

СКОЛЬКО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ СТУПЕНЕК?

В. И. Кузьмин, начальник мастерской № 7 Моспроекта-2.

Во время первого «круглого стола» полтора года назад мы, архитекторы, выслушали много критики в свой адрес. Это нас не обидело, а, напротив, очень помогло в работе. Так, говорилось о том, что необходимо сохранить в Китай-городе Историко-архивный институт как центр просвещения и культуры. Мы нашли выход: два факультета этого вуза (архивного дела и музееведения) будут размещены в Чижевском подворье. Оно, кстати, куда лучше приспособлено для институтских нужд, чем Печатный двор, где МГИАИ находится сейчас. Во-первых, площадь в четыре раза больше. Во-вторых, не понадобится, как в нынешнем помещении, перегораживать большие сводчатые залы и искусственно превращать их в аудитории. Зато прекрасный памятник архитектуры — Печатный двор, где расположится Музей Москвы, откроется для посетителей.

Уточнили мы и будущую функцию Большого Гостиного двора. Сейчас намечается передать его Всероссийскому и Московскому фондам культуры для организации выставочных и концертных залов, проведения праздников, аукционов.

О. И. Гроссе, художник.

Хорошо, конечно, что в планах архитекторов произошли изменения. И все-таки меня не оставляет ощущение, что, пока проект делает шаг, жизнь совершает десять. Меняется наше общество, и многие идеи проекта становятся откровенно утопическими. Сегодня в отличие от прошлого обсуждения уже не идет речь о грандиозном Доме дружбы народов в Гостином дворе. Прекрасно. Но сохраняется, например, предложе-

ние создать в тесном Шевалдышевском подворье крупный комплекс общепита. Остается и замысел расширения Музея В. И. Ленина, хотя сама эпоха высказывается против парадности, помпезности, против каких бы то ни было культов.

П. Б. Розентуллер, архитектор мастерской № 17 Моспроекта-2.

О каких бы частных изменениях, внесенных в проект, здесь ни говорилось, общее впечатление такое: коллеги из седьмой мастерской уже несколько лет топчутся на месте. Который раз мы видим одни и те же рисунки! Как бы красивы они ни были...

С. О. Шмидт, доктор исторических наук.

Я хотел бы на простом примере показать, насколько точно на этих рисунках отражена реальность. Вот двор Синодальной типографии. В этом здании, в Историко-архивном институте, я работаю сорок лет, и у меня было время сосчитать ступеньки, по которым часто приходится подниматься. Их пять. А здесь, на картинке, их двадцать. Да и сам двор выглядит во много раз просторнее настоящего. Так что трудно, по-моему, на основании таких изображений судить о реальном положении вещей.

50 ТЫСЯЧ, КОТОРЫЕ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ

А. А. Дмитриев, заместитель председателя Московского отделения Советского фонда культуры.

Мы опять начинаем критиковать проект 7-й мастерской, который был и остается *единственным.* Хочу напомнить: больше года назад, во время предыдущего «круглого стола» по проблемам Китай-города, Московский фонд культуры вместе с другими общественными организациями предложил обеспечить финансирование альтернативного проекта реконструкции района или отдельных его кварталов. Но, как ни поразительно, никто не решился взять эти деньги. И проект мастерской № 7 Моспроекта-2 так и остался единственным.

Г. В. Лазарев, архитектор мастерской № 7 Моспроекта-2.

По-моему, если за такое долгое время не нашлось претендента на 50 тысяч, уже хватит ждать. Тем более что даже если сейчас, когда нашей мастерской пройдены многие стадии проектирования, все-таки создать творческий коллектив для подготовки альтернативного решения, он столкнется с огромными и, боюсь, непреодолимыми сложностями. Поэтому хочу предложить использовать выделенные деньги иначе. Предстоящая реконструкция Китай-города потребует значительных капитальных вложений (то, что мы сделали до сегодняшнего дня, стоит 300—400 тысяч). Дело движется недопустимо медленно, сроки переносятся. Не пустить ли «ничьи» 50 тысяч на подробную разработку одного фрагмента района, например, Гостиного двора? Причем пусть это будет решение не сугубо архитектурное, а, так сказать, социальное — определение будущих функций здания или территории.

З. В. Харитонова, заведующая сектором института генерального плана города Москвы.

Я тоже думаю, что надо немедленно объявить конкурс — абсолютно для всех: историков, архитекторов, социологов, деловых людей — на *программу развития Китай-города.* Обобщив такие материалы, мы получим концепцию, с которой уже можно будет идти в Моссовет.

КТО В РАЙОНЕ ХОЗЯИН?

Ю. Н. Жуков,
сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Все разговоры о реконструкции останутся пустыми, пока за дело не возьмется хозяин. Я имею в виду Моссовет и четыре районных Совета — Ленинский, Свердловский, Бауманский и Пролетарский, в ведении которых находится Китай-город. Сколько можно жаловаться, что нет средств? Есть средства, потому что уже есть Закон о земле. Районный Совет вправе получать арендную плату за землю, которую занимает то или иное учреждение. Причем аренда разных зданий может стоить неодинаково. Пора понять, что многие памятники архитектуры просто бесценны и плата за них должна быть астрономической.

Существует и еще один путь получить средства на нужды Китай-города. Надо строго спросить с тех организаций, которые десятилетиями ведут себя варварски. Обратите внимание на семнадцатиэтажное здание, выстроенное Центральным Комитетом КПСС около двух лет назад и нарушившее облик района.

А. А. Клеменко, председатель клуба «Москва».

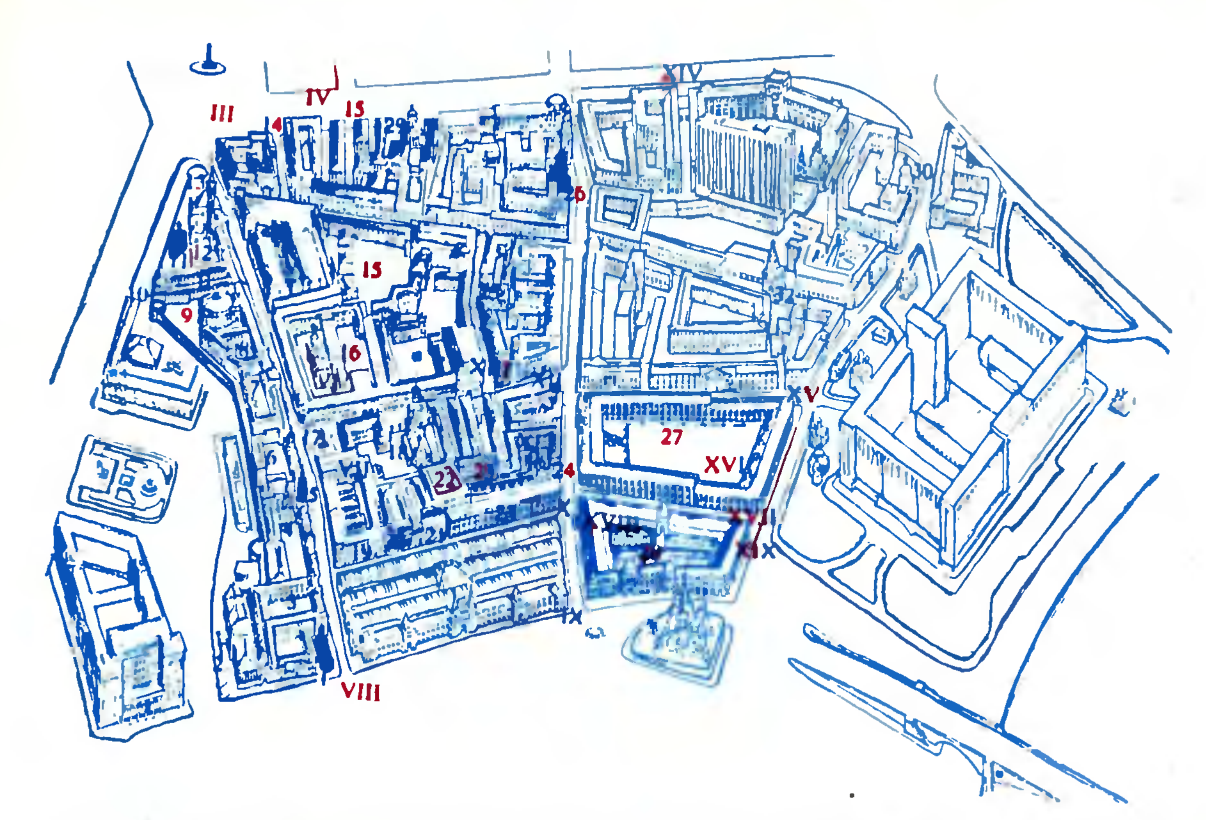
Это далеко не все. Что происходит в новом Гостином дворе и вокруг него, там, где на нынешнем плане реконструкции белое пятно? Почему там всегда так много черных автомобилей? Все просто: в этих зданиях расположены сапожные мастерские, ателье, магазины, которые обслуживают высокопоставленных руководящих работников. Но далеко не один Центральный Комитет подобным образом обходится с историческим центром Москвы.

Китай-город десятилетиями искажали, ломали и загрязняли и такие мощные организации, как Министерство обороны и Комитет государственной безопасности. А крупная торговая фирма ГУМ не сумела наладить не только нормальное питание для своих посетителей, но и элементарный сбор мусора и завалила всяческим хламом всю прилегающую территорию. По моему мнению, плату за все эти безобразия с таких «гигантов» надо брать не рублями (на них сейчас немного купишь), а рабочей силой и материалами. Пусть строительные управления крупных и богатых организаций потрудятся на очистке и восстановлении того, что пострадало от «горе-хозяев».

Совершенно согласен: земля в Китай-городе — золото. И этим надо пользоваться, помня, что район традиционно был центром торговой, деловой активности. Предлагаю создать здесь акционерное общество, сдавать в аренду верхние этажи тех домов, где внизу помещаются магазины. Любой думающий бизнесмен заплатит втридорога за метры такой площади. Но чтобы разговор стал конкретным, опять же необходима сильная местная власть.

Л. В. Вавакин, главный архитектор Москвы.

Четыре хозяина, конечно, не дело. В руководстве города, в том числе на сессии Моссовета, уже ставился вопрос о новом административном делении, по которому центр составит самостоятельный район. Думаю, что пора осуществить эту идею, причем вне зависимости от

I. Площадь Свердлова (б. Театральная)
II. Третьяковский проезд
III. Площадь Дзержинского (б. Лубянская)
IV. Новая площадь
V. Шереметьевское подворье. XIX
VI. Чижевское подворье. Сер. XIX
VII. Шевалдышевское подворье. XVIII—XIX
VIII. Ул. 25 Октября (б. Никольская)
IX. Ул. Куйбышева (б. Ильинка)
X. Проезд Сапунова (б. Ветошный)
XI. Новгородское подворье. XIX
XII. Площадь Куйбышева (б. Карунинская, б. Биржевая)
XIII. Старопанский переулок
XIV. Старая площадь
XV. Рыбный переулок
XVI. Гостиный двор
XVII. Хрустальный переулок
XVIII. Средние торговые ряды
XIX. Ул. Разина (б. Варварка)

1. Казанский собор. 1630 (не существует) 2. Центральный музей В. И. Ленина (Городская Дума). 1890—1892 3. Монетный двор. Конец XVII — 1730 г. 4—7. Музей истории Москвы: Заиконоспасский монастырь. XVII—XIX; Золотые ворота. XVI—XIX; Николо-греческий монастырь. XVI—XIX; Печатный двор. 1587.

8. Гостиница. 9. Ресторан «Славянский базар», 1872. 10. «Книжные ряды», 1870. 11. Церковь Троицы в полях. 1639. 12. Аптека и магазин «Оптика», 1894. 13. Мемориал жертв незаконных репрессий в здании XVII — XIX. 14. Культурно-коммерческий центр, здание XVIII. 15. Гостиница. 16. Московский историко-архивный институт. 1587. 17. Памятник Ивану Федорову, 1909. 18. Богоявленский монастырь, 1693—1696. 19. Ресторан «Мартьяныч», XVI—XIX. 20. Центр туризма и экскурсий, XVI—XIX. 21. Центр театрально-зрелищных касс, XVI—XIX. 22. Центр дизайна и моды, XVI—XVIII — 1930. 23. ГУМ. 1894. 24. Церковь Ильи Пророка, 1626. Музей истории Москвы (филиал). 25. Церковь Косьмы и Домиана в старых Панях. 1803. 26. Церковь Николы Большой Крест. 1680—1689. 27. Центр культуры (Министерство культуры РСФСР), 1791—1830. 28. Филиалы музеев Московского Кремля, XVI—XVIII — 1891. 29. Церковь Иоанна Богослова, что под вязом, 1825—1837. 30. Церковь Иоанна Предтечи (1741) с приделом Климента, папы Римского и Петра Александрийского (1882). 31. Церковь Троицы в Никитниках, 1631—1634. 32. Церковь Николы Красный Звон, 1858.

амбиций сегодняшних районных властей, которым кажется престижным владеть пусть кусочком территории, зато у самого Кремля. Интересы Москвы надо ставить выше местных.

А. С. Трофимов, председатель Московского городского общества по охране памятников истории и культуры, член президиума Московского отделения Советского фонда культуры.

Особенно важно, чтобы новая власть московского центра приняла и поддержала идею *восстановления* древнего города. Нередко приходится слышать: зачем, мол, отстаивать старое? Убежден: выбор таков — или возрождение утраченного, или окончательная гибель исторического облика Москвы. Никаких компромиссов тут быть не может. К чему они приводят, мы все прекрасно знаем: новые, чуждые городу сооружения всерьез грозят вытеснением исторической застройки. Гостиницы «Россия», «Интурист», упоминавшееся уже здание ЦК... Мало того, что во время рытья котлована под «Россию» безвозвратно утрачен Подол Зарядья (археологам удалось раскопать 150 квадратных метров, остальное было уничтожено). А построено в результате здание, которое искажает лицо района. Думаю, что общественности надо добиться решения Моссовета о полном прекращении строительства в историческом центре Москвы.

Л. В. Вавакин.

Действительно, нельзя спасти Китай-город, не возродив хотя бы части утраченного. Огромной потерей был уничтоженный в 30-х годах XX века Казанский собор. Он располагался в начале Никольской улицы. Решение о его восстановлении принято. Строился он в XVII веке в память о погибших при изгнании из Москвы польских завоевателей. Но возродится этот храм как памятник всем погибшим патриотам нашей Родины. С такой новой его концепцией был согласен и митрополит Питирим, участвовавший в разработке проекта восстановления. И я бы добавил: пусть Казанский собор постоянно напоминает нам о вечности духовной жизни народа.

О. И. Гроссе.

Конечно, нужен такой действующий мемориал-памятник Неизвестному солдату. Наверное, и строить его надо на всенародные пожертвования. Но вот вопрос: должен ли он точно повторять очертания здания XVII столетия? По-моему, нет. У каждой эпохи свой стиль, и пусть Казанский собор нашего века строится по мотивам прежнего, а не копирует его.

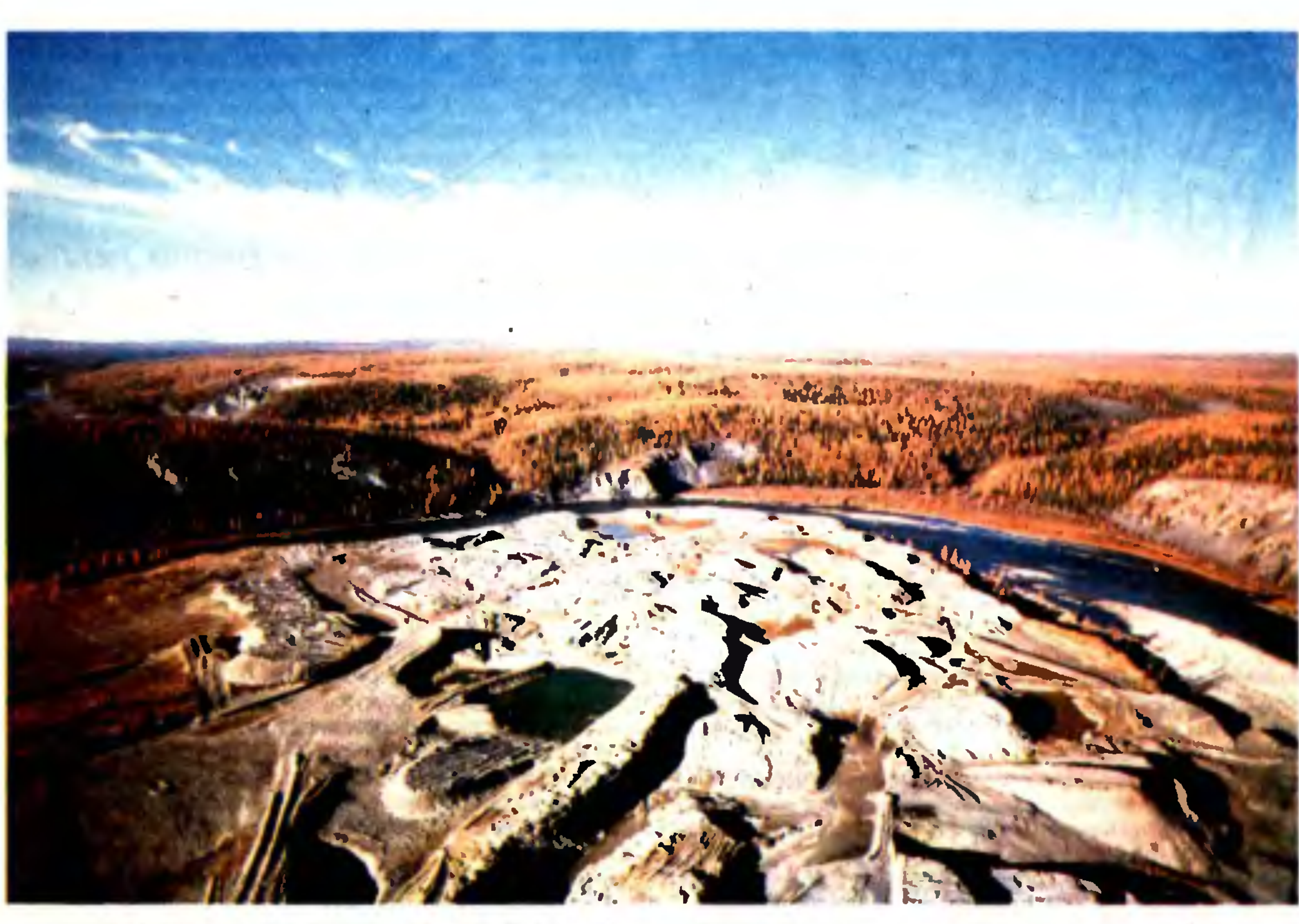
С. О. Шмидт.

Мне очень близка эта мысль. Создавая подобный храм памяти павших, мы решаем наконец весьма спорную и дорогостоящую проблему мемориала, так и не выстроенного на Поклонной горе. Как видим, духовное начало и экономия средств отнюдь не противоречат друг другу.

Л. В. Вавакин.

Реконструкция московского центра должна стать нашим первым шагом к цивилизованному городу. Подход здесь может быть только комплексный. Экологические проблемы неотделимы от социально-эстетического дискомфорта, восстановление памятников архитектуры — от налаживания нормального быта. Наш «круглый стол» показал, что возрождение Китай-города волнует не одних только архитекторов. Хотелось бы, чтобы это стало делом всех москвичей.

ЗОНА

«Придет время, когда на том берегу Печоры будет построен город, а здесь разбит прекрасный парк. И этим изумительным зрелищем будет наслаждаться рабочий люд» — слова на ветхом памятнике читаются с трудом, время уже почти стерло их. Мечта исследователя этих мест В. А. Русанова сбылась. Вернее, почти сбылась. Город есть — Печора (большой, разросшийся поселок Печорлага в 1949 году получил статус города). Парк тоже есть. Скромный такой парк, в несколько деревьев. Вряд ли рабочий люд наслаждается этим зрелищем: Канин Нос (так называется место на горе, где стоит памятник) выходит на пристань, и люди, обремененные своими заботами, в привычной спешке уже давно не замечают окружающего пейзажа... И только тысячи трупов репрессированных, лежащих под этой горой, способны оценить горькую иронию оптимистичной надписи. Но они уже никогда не расскажут об этом.

Так уж случилось, что слово «Коми» неизменно ассоциируется с лесоповалом и зоной. Неудивительно, ведь долгое время это был один из крупных островов огромного и такого жестокого к своим туземцам Архипелага. Многие города здесь выросли из лагерей: Воркута, Ухта, Инта, Княжпогост, Сосногорск... Вспомните, сколько раз вы встречали их на страницах книги А. Солженицына?

И своим промышленным развитием, и освоением природных богатств республика во многом обязана именно густой сети лагерей на своей территории. Говоря языком докладов и справок, производственная структура Коми АССР исконно формировалась в народнохозяйственном комплексе страны как сырьевая база. Может быть, как элемент хозяйства это кого-то и устраивает, но жить на такой «базе» сегодня трудно. А завтра? С думой об этом мы отправляемся в небольшое путешествие по республике. И вот наши беглые, но, думаю, красноречивые заметки.

ЖЕЛТЫЙ СНЕГ

...Где-то хлопнула дверь, легко прошелестело под окнами. Словно на прогулку отправился не детский садик, а вереница маленьких молчаливых эльфов. Чуть припухшие ребячьи рожицы — печальные и настороженные. Только усилием воображения можно представить этих детей смеющимися, бегающими, озорничающими.

Тяжело шаркая по дощатому полу, вошла тетя Маша, нянечка. Украдкой достала из шкафчика таблетку и, словно стесняясь, проглотила.

— Уж, видать, так...— объяснилась старушка, заметив мой взгляд.— Мы тута без лекарства никак — голова дурманная, спать хотца, лица отякают. Зачем так?

— Ты бы, дочка, весной приехала,— продолжает перечислять местные беды тетя Маша.— Снег стает, а вокруг пленка желтая. Ну, по виду ил сохлый или тина какая. Огород-то копаешь — ее и лопатишь. Разви что сделаешь? А белье вымоешь, так коль на двор-то повесишь, хоть опять стирай. Как ржа поела. Тряпок не напасесси. Неделя — и новая. А старая-то уж желтая, рукам противно. Зачем такая вода? Все мрет. Коми мало стало. Тихо, мирно жили — по рекам. Рыба, зверь — все было. Лес был. Тайга коми любила. Тайга коми кормила. Зачем все подряд рубят? Тайгу порубят — как люди жить будут? Умирать будут?

Она ждет от меня ответа.

Но мне нечего ей сказать. Я могу только попросить у нее прощения. За всех.

ДОМ НА ОКРАИНЕ

Горе не терпит свидетелей. Может, поэтому островок глухой скорби примостился на окраине Сыктывкара, подальше от людских глаз. Сюда, в Кочпонский детский дом, привозят маленьких инвалидов со всей республики.

Наверх. Туда, где поселилась боль. Пропустив нас, дверь захлопывается. Кажется, что навсегда... Привычный мир, еще недавно такой реальный, остается где-то очень далеко. Да и существует ли он? Вокруг мычат, плачут дети... Многие, обрадовавшись гостям, тянут к нам руки. Говорят, что только четверть из них — дети алкоголиков. А остальные? Чью вину искупают они своей жизнью?

СКВОЗЬ ГОДЫ...

Ухту лихорадило. Тихий, спокойный город, за время своей странной — полуссыльной, полулагерной — истории привыкший ко всему... Не так-то просто здесь удивить кого-нибудь. Оказалось, что ажиотаж вызвала публикация в городской газете, где рассказывалось о том, что в этих местах заключенные, еще до войны, добывали радий. Шахту законсервировали, но, как водится, не очень качественно. И радиоактивная вода через подземные ручейки проникает в реку (из которой город берет питьевую воду). В газете также было написано и про любимое место отдыха ухтинцев, известное своей буйной растительностью. Там неподалеку есть деревенька, у жителей которой... мягкие кости. Представляете, человек поднимает ведро, а у него ломается рука... Это уже верная смерть. Кости у местных жителей не срастаются, и ампутации следуют одна за другой, до конца...

Вот так сквозь годы находит свои жертвы ГУЛАГ.

Кого, где и когда настигнут мины, заложенные сегодня? Как влияет экологическая обстановка республики на здоровье жителей? Этого не знает никто. Целенаправленных исследований в нашей стране не проводилось. Однако замечено, что, к примеру, за 1988 год в Коми АССР «снизилась заболевае-

мость туберкулезом, отдельными инфекционными заболеваниями. Вместе с тем зарегистрировано 119 тысяч случаев хронических заболеваний с впервые установленным диагнозом». Может быть, это — предостережение?

Эжва — индустриальный район Сыктывкара, напичканный различными вредными предприятиями и окутанный парами метилмеркаптана — основного продукта выброса

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО

Усть-Вачерга. Вслушайтесь! Тут и хруст льдин, сталкивающихся по весне в бурлящих грязно-серых водах, и хрупкость подснежника, и нежное журчание бегущего из-под снега ручейка... Ничего этого больше нет. Осталось лишь слово. Речка обмелела — корова вброд перейдет. Впрочем, коров тоже не видно. В деревне живут одни лишь старики. Она медленно умирает. А на вид и не скажешь: дома все новые, крепкие, справные. Словно не доживает Усть-Вачерга свои последние годы, а, наоборот, строится. Молодые — это здесь те, кому сейчас под пятьдесят и больше,— уезжают в соседнее Благоево. Там советско-болгарский леспромхоз и, следовательно, работа. А что делать в тихой Усть-Вачерге? Почта через день открывается на два часа, фельдшера едва-едва раздобыли для медпункта. В местный магазин продавец из Благоева на работу ездит. Тоже еле уговорили. А до него замок висел на дверях сельмага...

И не поверишь сейчас, что забытая богом деревушка была когда-то бойким местом. Стояла она на старинном Вологодском торговом тракте. Не только стояла, но и сама не терялась: снаряжала купеческие подводы, возила на продажу лес, дичь, зверя... Быльем порос уже тот тракт (пробовали мы по нему проехать на «уазике» — куда там!), и осталась Усть-Вачерга умирать. Недавно, правда, подвели к ней дорогу. Только не поздно ли? Возродится деревня или исчезнет с земли звучное ее имя?

На окраине деревни какая-то бабуля копалась в огороде. Подошли, попросили напиться. Оказалось, она из Лоптюги. Переехала сюда, в Усть-Вачергу, лет двадцать назад, последней из своей родной деревни. Нет больше Лоптюги. Одно только название и осталось в памяти старожилов. Мы благодарим хозяйку за вкусную холодную воду, собираемся уходить... Она отваживается и на прощание делится с нами своим «планом». Конечно же, по поводу леса — это здесь у всех самое наболевшее.

— Вот срубил дерево, так сразу на вертолет — подцепил да увез. Вы бы в Москве рассказали. Чай, там не знают, сколько леса зазря гибнет.

Золотым, отвечаю, то дерево выйдет. Стоит ли?

— А нешто не золотое? Ты погляди, погляди на него. А земля наша — она не золотая? Спасать ее надо! И быстрее...

сыктывкарского гиганта — ЛПК. Детишки, особенно самые маленькие, болеют там по 8—12 раз в году. В основном легочными заболеваниями. У них отекают лица, болит голова, им постоянно хочется спать (у взрослых те же ощущения, но это здесь считается нормой). Может быть, это — предупреждение?

...А медики почему-то даже не обращают внимания на факт, что в тот же Кочпонский детский дом-интернат больше всего детей попадает из Инты, Ухты, Воркуты... То есть именно из тех мест, которые по документам Госкомприроды Коми АССР значатся как наиболее гиблые с точки зрения экологии. Кажется, цифры в отчетах по-прежнему значат больше, чем генофонд народа, его здоровье.

ЧЕХАРДА

Все наши «Мин», «Трест», «Глав» и т. д. оказались достойными наследниками славы, методов и традиций незабвенного в Коми ГУЛАГа. Они приняли эстафету и за 35 лет «активного антропогенного воздействия» (так стыдливо теперь принято называть то, что натворили апологеты директивных и встречных планов, повышенных обязательств, перевыполненных заданий...) умудрились подорвать весь природный потенциал республики.

Однажды Ганди сказал, что у природы есть предел терпения. Он имел в виду, что непременно придет возмездие, когда варварство людей, нарушающих законы природы, переполнит чашу ее терпения. И это может случиться тем скорее, чем дольше мы будем упорствовать в своем стремлении произвести лишь косметический ремонт нашего дома, лукаво оставив все на прежних местах. Надо менять сущность нашего отношения к себе, к людям, к природе, к земле, на которой мы живем, к государству, наконец. Только тогда наши усилия могут увенчаться успехом. А пока... Вот какой забавный разговор произошел у меня с «главным хранителем» природы в Коми АССР товарищем Балиным Н. Н.

— В Эжве сейчас сложилась кризисная ситуация. И вы, как председатель Госкомприроды Коми АССР, держите ее под контролем. Но эта ситуация возникла не вчера. Не вы ли, как бывший генеральный директор Сыктывкарского ЛПК, являетесь ее виновником? — спросила я напрямик Николая Николаевича.

Он возмущен:

— Вы думаете, что вора поставили ревизором? Я такой вины за собой не знаю. Хотя некоторые мне это инкриминируют. ЛПК был построен с полным соблюдением всех требований, и я ни разу не привлекался ни к уголовной, ни к партийной ответственности. У нас сейчас что ни проблема — все не решена. Можно ли говорить, что все общество преступно относилось к своим обязанностям? Решать эту ситуацию я не должен. Это должен делать новый директор...

Попробуйте поспорить с этой логикой. Видеть ее несостоятельность — одно, переубеждать — совсем другое. Скажу только, что Николай Николаевич клятвенно меня заверял, что и первая, и вторая очереди ЛПК введены в строй с действующими очистными сооружениями, а на экологическом митинге в Эжве (цитирую республиканскую газету «Красное знамя») убеждал жителей, что «третья очередь будет возможна только тогда, когда завершат все природоохранные работы на первой и второй очередях комплекса». Так какому же Балину верить?

Как мы можем доверять разработкам и заявлениям руководителей ведущих лесотехнических институтов страны, если большая их часть (я имею в виду ректоров) не лесовики, а специалисты других отраслей?

Как мы можем рассчитывать на то, что положение с рубкой леса и его переработкой изменится во всей стране, если во главе Минлеспрома СССР был поставлен товарищ В. И. Мельников, который за несколько лет своего пребывания на посту первого секретаря обкома партии Коми АССР не смог решить эту проблему даже на территории одной автономной республики?

Мы так увлеклись своим мнимым величием, так упиваемся присвоенным себе титулом царя природы,

так кичимся своими «достижениями», многие из которых не что иное, как глупая сиюминутная выгода, полученная ценой экологических и нравственных преступлений, что не заметили, как создали вокруг себя одну большую зону. И гордо водворились в нее — заключенными без конвоя и колючей проволоки.

Есть, пожалуй, единственный выход: каждому из нас уничтожать в себе самом, выдавливать по капле гулаговскую рабскую мораль. Разрушить тот страшный лагерь, который долгими годами воздвигался в наших душах. В этом — путь к Возрождению.

ЕЛЕНА СКВОРЦОВА
Фото ВЛАДИМИРА ОРЛОВА

Послесловие к репортажу

Когда материал уже готовился к печати, мы узнали, что трудовые коллективы и руководство Коми АССР с помощью Союза объединенных кооперативов разработали концепцию экономического возрождения республики. Ее цель — соединить интересы всех уровней управления. При этом республике предоставляется долгожданная самостоятельность. Новая концепция одобрена сессией Верховного Совета Коми АССР и поддержана Председателем Верховного Совета России Б. Н. Ельциным.

Кроме того, внеочередная сессия Верховного Совета приняла Декларацию о государственном суверенитете республики. Теперь она будет называться Коми Советская Социалистическая Республика. Декларация провозгласила собственностью республики ее недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные богатства, памятники культуры... Отныне после разработки и принятия новой Конституции суверенной республики на ее территории будут верховенствовать только собственные законы.

Итак, республика получила картбланш на Возрождение. Впереди нелегкое дело. Но появилась надежда. И это уже немало...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НЕ БУДЕМ КЛИКАТЬ БЕДУ

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ,
писатель

В самую гущу войска, вставшего из зубов дракона, Ясон швыряет могучею рукой тяжелый камень, и воины обращают свои копья друг против друга, а покуда сильная рать уничтожает саму себя, Ясон бегает по полю и помогает ей в этом кровавом деле.

Это древний миф о гражданской воине.

Сейчас никого не удивишь страшными пророчествами. «Мы живем в смутное время». «Скоро будет гражданская война». «Придет время, и наши скудные восьмидесятые годы мы будем вспоминать как райскую жизнь». Говорят об этом легко и весело, с жутковатой улыбкой. Говорят как о чем-то неминуемом, но глубоко в душе надеясь, что гром грянет не завтра — хотя бы послезавтра.

Но так ли все безнадежно в России, как кому-то, может быть, хочется? Так лн неминуема гражданская катастрофа?

Да, крах нашей экономики не прикрыть уже никакими декларациями никаких партсъездов. О крахе господствовавшей семь десятилетий идеологии и говорить не приходится; какой хаос надо иметь в голове, чтобы верить, будто новосозданная РКП спасет русский народ от его бедственного положения. Радоваться надо было, что мы, русские, единственные, кто не имеет своей компартни! Нет, захотелось. Видно, далеко еще до истинного покаяния.

Но все же для гражданской войны всего этого недостаточно. Нужно еще, чтобы кто-то заинтересованный в нашей гибели бросил камень Ясона. Кому же придет в голову бросать его в наши недружные ряды? Зачем?

В легендарное Смутное время таким камнем становился всякий ложный царь, будь то Отрепьев или Лжедмитрии второй и третии. Но тогда монарх на Руси что-то да значил.

В начале нашего столетия в самую гущу огромной русской рати был брошен камень убийственный — революция. Но для того чтобы по его падении рать принялась саму себя уничтожать, необходимо было чуть ли не два столетия развращать ее, готовить к самоистреблению пропагандой атеизма, внушением неприятия любого начальства, приучением к обожанию нерусского и охаиванию своего, кровного, нужио было долго создавать декабристов, чтобы те, в свою очередь, разбудили Герцена и тьму других послушников «прогресса», которые развернут революционную агитацию. Короче, надо было, чтобы это сильное воинство, именуемое Российской Империей, с нетерпеннем ждало: ну когда же будет брошен камень, чтобы в одно мгновение разделиться на два лагеря и, отдав своего Царя изуверам, броситься брат на брата, отец на сына, сын на отца.

Скажут: сейчас тоже революционная ситуация, потому что добрый дядя некогда четко определил характерные черты такой ситуации. А доброму дяде в свое время нужно было просто подвести теорию под свою чудовнщную практику, дать хоть какое-нибудь оправдание народу своего грехопадения.

Итак, сейчас, для того чтобы началась гражданская война, необходим камень Ясона — революция. Но возможна ли она теперь в России? Ведь для того чтобы какой-то кровавый акт назвать революцией, нужно, чтобы в итоге этого акта произошла смена одного общественного строя другим. Однако смело можно говорить, что за семьдесят лет своего существования наш социалистический, а точнее, тяготеющий к социалистическому строй полностью развалился, растаял, как кусок сахара в стакане горячего чая. Так что никакого и строя-то у нас теперь нет, чтобы говорить о его замене другим. В отличие от 1917 года. Тогда строй был, и, сломав его, можно было добнться заветной цели — упрятать в землю несколько десятков миллионов людей России.

В свое время Тютчев писал, что в мире есть в конце XIX века две взаимоисключающие силы — Россия и революция. Победа одной означает поражение другой. Он верил, что победит Россия. Но уже вскоре тот, кто и теперь «живее всех жнвых», писал: «Россия завоевана большевиками!» То есть констатировал факт победы революции и поражения России.

А сегодня? Есть Россия? Есть революция? Есть и та, и другая. Но первая, как Гулливер, привязанный к земле лилипутами, еще только-только разрывает первые узы, чтобы хоть чуть-чуть приподняться. Вторая разъелась, насосалась кровушки, ей леиь даже как следует прикрикнуть на поваленного исполина, чтобы тот не шевелился и не пытался встать.

Нет, господа, то есть товарищи, до гражданской войны еще, слава Богу, очень далеко. Для нее нужно, чтобы исполин медленно, долго вставал, чтобы он вновь сделался силой, способной выйти на битву в чисто поле со змием. Надо его готовить, воспитывать, внушать ему, что он русский, сильный, светлый и что Небо ждет от него христианского подвига.

Разруха, голод, хаос — это более реальные вещи. Да и то вон уже по радио и телевидению говорят, что не нужно шарахаться от фразы Остапа Бендера: «Запад нам поможет». Да, голубчики, не плачьте, Запад нам поможет, накормит, одеиет, обогреет, усыновит нас, безродных, бесфамильных, безнаследных, даст нам свое имя. Пусть мы будем на положении приемных детей, но ведь нам многого не надо, только бы не околеть на обочине от холода и голода. Как говорится, живы будем — не помрем. Но это будет гражданский мир, а точнее сказать — гражданское умиротворение. На каждом шагу «Макдональдс» с пивом, в кармане сносное пособие по безработице, за которое раньше надо было на службу ходить и по семь-восемь часов в конторе штаны протирать, а дома — худо-бедно — видюшник с порнушкой. Попросту сказать, коммунизм, да и только!

Есть в святоотеческих пророчествах о России такое: по прошествии многих времен безбожия и смуты, во времена царствования Антихриста, Русь Святая воскреснет на малой территории и будет крепко стоять до самого второго пришествия. Многие воинства будут идти на нее, но всех их отразит она молитвами Пресвятой Владычицы нашей, Матери и Приснодевы Марии. Это и будет последняя гражданская война в России, и потомки наши будут петь тогда слова старой песни, приспособленной и переиначенной большевиками:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую
И как один прольем
Кровь молодую.

Надобно только верить в свои грядущие силы, верить в могущество слова русского, пророческого, ибо как по-русски сказано будет, так тому и быть. Только не нужно кликать беду. Кликуш у нас хватает.

Ген. ДЕНИКИНУ.
Декабрь 1919 года.

Господии Генерал!

Вы слишком много сделали для России. Это дает мне право говорить с вами откровенно.

С большой надеждою и с большой тревогою следил я в течение года моего пребывания за границей за успехами Вашей Армии и за деятельностью Вашего Правительства.

Я преклоняюсь перед величием подвигов Ваших, и я был смущен безрезультатностью их.

Я спрашивал себя: чем объяснить, что честность, храбрость, любовь к родине и беззаветное самоотречение не могут до сих пор сокрушить силу людей нечестных, малодушных, не любящих отечества и заботящихся лишь о своей личной выгоде?

...Желая Вам всей душой победы, по мере моих слабых сил способствуя Вам здесь, за границей, но, конечно, нисколько не берясь оценивать положение дел в России, я находил лишь один ответ. Ответ этот заключается в следующем: Вы слишком далеки от Европы, Вы не можете знать и видеть, что делается здесь, а между тем без помощи Союзников победить большевиков невозможно.

Вся Европа расшатана. Сила большевиков не в мощи их армии, она в слабости тех, кто желает бороться с ними. Почти все еврейство с большевиками. Почти все социалисты с большевиками. Почти вся народная масса в Англии, во Франции, в Италии, в Бельгии, даже в Сербии, темная, как везде, смущаемая большевистской пропагандою, колеблется и не знает, с кем ей быть — с Лениным или с Вами.

Ленин для нее враг. Друг ли Вы? Темные люди в этом не могут себе дать отчета. Они сказали бы, что Вы им друг, если бы Правительство Ваше было *определенно демократично* и не на словах лишь, но и на деле.

Демократическим флагом и демократической программой Вы выиграли бы сочувствие народных масс всей Европы.

Для чего оно нужно Вам?

Ныне Союзные Правительства, считаясь с общественным мнением своих стран (а не считаться с ним они не могут), не в силах Вам помочь, так как они этого бы желали и как Вам это необходимо. Они не могут Вам дать достаточно оружия, достаточно денег, достаточно товаров, ибо если бы они их дали, они вынуждены были бы выйти в отставку и их заменили бы полубольшевики. Даже Черчилль, испытанный друг России и Ваш, быть может, единственный человек, понявший, что помогать России выгоднее всего *бескорыстно,* не может делать больше того, что он делает, ибо иначе завтра он не будет у власти.

Таково положение. Такова его объективная сущность. Демократическому Правительству, возглавляемому Вами, Союзники готовы и могут помочь. Правительству, подозреваемому в так называемой реакционности, даже возглавленному Вами, они помочь много не могут, даже если того и пожелают...

...Чтобы добиться победы и взять Москву — что-то надлежит изменить у Вас. Вы ответите за Россию перед Богом и историей, ибо на Вас тягчайшее бремя власти. Только Вы один можете решить, что и как и когда надлежит изменить.

...Верьте мне, Господин Генерал, что то, что написано здесь, отвечает истинному положению вещей. Верьте мне, что только моя любовь к родине дает мне смелость утруждать Вас этим письмом. Верьте мне, высказываемое мною мнение не диктуется никакими партийными или иными соображениями и что вся моя надежда на Вас, на Вашу мудрость, на Вашу преданность России, на Вашу твердость и на Вашу решимость.

С глубоким уважением и преданностью

БОРИС САВИНКОВ

Открытое письмо
генералу ВРАНГЕЛЮ.
1920 год.

Господин Генерал!

Ко мне явились казаки-терцы армии генерала Бредова. Они мне высказали то, что давно тревожило мою мысль, что тревожит мысль всех русских людей, любящих родину и твердо верующих в ее возрождение.

Мы, русские патриоты без различия партий, монархисты, республиканцы и социалисты — видим в Вас носителя русского национального флага. Мы желаем Вам и Вашей доблестной армии полного успеха в святом деле освобождения родины от большевиков.

...Мы верим, что Вы не пойдете по дороге ген. Деникина. Мы верим, что Вы учли ошибки прошлого и проникли в глубокую сущность событий, происходящих ныне не только в России, но и во всем мире. Старого не вернешь. Его и нельзя пытаться вернуть. Царя не восстановишь. Россия построится как великая казачья и крестьянская демократия через Учредительное Собрание, или она не построится вовсе. Мы верим, что Вы пытаетесь воссоздать Россию не царскую, не помещичью, не чиновничью, а Россию «третью», ту Россию, где все будут равны перед законом, где будет порядок, где каждый казак и каждый крестьянин будет иметь свою землю, будет мирно трудиться на ней и мирно обогащаться, ту Россию, которая не будет ни теснить, ни насиловать никого — ни эстонца, ни латыша, ни украинца, ни еврея, ту Россию, которая утвердит свободу и мир — мир всему миру.

Окровавленные годы международной войны оставили тяжкий след. Честный и доблестный ген. Деникин не понял, однако, что такое свобода. Он воевал с Грузией и Украиной, он восстановил против себя и Польшу, и Финляндию, и Латвию, и Эстонию, и, главное, он восстановил против себя крестьян, т. е. самое Россию. Коленопреклоненные, с пением «Христос Воскрес» встречали крестьяне его добровольцев, и он доходил до Орла — почти до ворот Москвы. Как провожали его? За ним шли помещики, исправники, губернаторы, генерал-губернаторы, контрразведки, бесчисленные тылы — за ним шло старое, истлевшее, иеспособное возродить Россию. Не большевики одолели его, не в бою проиграл он свое святое дело, не самоотверженные бойцы виноваты в его поражении. Его одолели расстрелы и грабежи, в его поражении виноваты «Осваги» и те несчастные люди, которые не уразумели до сих пор, что красноармейцы — такие же русские, как и добровольцы, что красноармейский офицер — человек, вынужденный подчиняться большевистскому комиссару, но не идущий своей охотой, что красноармейский солдат не ведает, что творит, и скован пулеметной дисциплиной. Ген. Деникина погубили те безумцы, которые вместо прощения несли с собой беспощадную месть, ибо на мести не выстроишь ничего.

Мы верим, я верю, и явившиеся ко мне казаки верят так же, как и я, что Вы, Генерал, увидели эти гнилые язвы, что Вы уврачуете их, что Вы поняли, что такое свобода, что Вы сумеете заслужить любовь и доверие казаков и крестьян, что для Вас Россия — не пространство на географической карте, а родная, исстрадавшаяся, замученная, поруганная и жаждущая освобождения мать. Мы верим, что Ваша армия даст России и землю, и волю, и мир. Да укрепится эта наша горячая вера.

БОРИС САВИНКОВ

Публикация ВАЛЕРИЯ САВИНА

СТАНЕТ ЛИ ЕДИНАЯ ГЕРМАНИЯ УГРОЖАТЬ СОСЕДЯМ?

Всякое событие имеет свою историю. Это утверждение вдвойне верно, если речь заходит об объединении Германии. Его невозможно отделить от логики исторического бытия государства, которое совсем не вчера появилось на карте Европы. С этой целью мы с некоторыми сокращениями перепечатываем статью из журнала «Тайм», точка зрения которого на происшедшее, думается, будет небезынтересной для наших читателей.

Глубокое, холодное недоверие, которое каждый раз вызывает немец, как только в его руки попадает власть,— это следствие чудовищного ужаса в течение столетий, переживаемого Европой перед яростью белокурой тевтонской бестии.

ФРИДРИХ НИЦШЕ

Летом 1990 года груженные миллиардами и миллиардами новеньких западных марок примерно тридцать бронированных спецмашин пересекли Восточную Германию из конца в конец. 120 миллиардов марок, или 70 миллиардов долларов,— вот цена германского объединения.

Вступил в силу 115-страничный договор, целиком меняющий общество ГДР. Вся структура экономики, сложившаяся за полстолетия коммунизма, исчезла. ГДР целиком перешла на принятые в ФРГ стандарты производства, собственности, страхования и социального обеспечения, профсоюзной деятельности. 1 июля знаменовало исторический момент, который не многие из сегодня живущих надеялись увидеть: мирное единство Германии (3 октября единство было закреплено политически.— **Прим. ред.**).

Все свои экономические проблемы немцы решат сами. Но среди их соседей объединение рождает совсем другие заботы. Возродит ли объединенная Германия такие мертвые уже словосочетания, как «жизненное пространство» и «дранг нах остен»? Короче говоря, станет ли единая Германия националистической, угрожающей соседям?

Значительная часть беспокойства в связи с объединением Германии идет от широко распространенной, но сомнительной теории, что у разных народов особые национальные характеры, что немцы в силу их истории и воспитания не только агрессивны, но и подобны роботам, уважающим порядок и дисциплину, работу и войну. Подобно стереотипам о высокомерных англичанах, аморальных французах или невежественных американцах эти примитивные карикатуры, как правило, создавались врагами этих народов и чаще всего во время войны. «Да, такая вещь, как национальный характер, существует,— говорит профессор истории университета Уэсли Уильям Манчестер, автор книги «Оружие Круппа».— Но он меняется. Изменился и национальный характер немцев. Это общепризнанный факт: ФРГ сегодня объединена ужасом перед вторым и третьим рейхом».

Конечно, истинный источник подозрений по поводу будущего Германии — ее прошлое, главным образом преступления, совершенные во время 12-летнего правления Адольфа Гитлера. Гитлер не совершал их сам: другие немцы пилотировали бомбардировщики над Варшавой, другие немцы загружали газовые камеры в Освенциме. Хотя большинство современных немцев еще не родилось, когда совершались эти злодеяния, народ остается запятнанным ими. И все же верит ли кто-нибудь всерьез, что Германия втайне мечтает снова вторгнуться в Польшу или перестроить Освенцим?

Складывается впечатление, что, хотя миллионы людей помнят об ужасах гитлеровского «третьего рейха», многие забыли, что история Германии начинается не с 1933 года. И не с 1871-го, когда Бисмарк создал «второй рейх».

В ГЛУБИНЕ ВЕКОВ

Стоит поразмыслить над германской историей в целом. Она уходит более чем на 2000 лет в прошлое, когда различные германские племена жили в стране, по словам Тацита, либо «щетинившейся лесами, либо курившейся болотами». Еще тогда германцы заслужили репутацию грозных воинов. Огромное значение для будущей истории Европы получила победа этих племен, уничтоживших три римских легиона в Тевтонбургском лесу в 9-м году нашей эры, проложив тем самым границу между римским и германским мирами по Рейну. Римляне первыми вторглись в эти леса, чтобы «умиротворить» германцев, как до этого они «умиротворили» галлов и бриттов.

Германские племена начали вторгаться на территорию Римской империи в третьем столетии до нашей эры, но не как «варвары»-захватчики, согласно распространенной легенде, а в качестве иммигрантов и беженцев. Даже вестготы, захватившие Рим в 410 году, поначалу переселялись в пределы империи мирно, многие из них добровольно служили в римской армии.

Римская империя окончательно умерла в 476 году, когда германский вождь по имени Одоакр отклонил предложение сената принять пурпурную императорскую мантию как не имеющую цены — он уже правил как король Италии. Через три столетия идея реставрации империи вдохновила Карла Великого отправиться в Рим и короноваться из рук папы. После смерти Карла Великого его империя была разделена между тремя его внуками.

Германцы по традиции избирали своих вождей, и королем был выбран правитель Саксонии. Его сын Отто, известный как Отон Великий, получил признание, отразив несколько вторжений венгров и славян. В 962 году он отправился в Рим и короновал себя в качестве римского императора. Это выглядело триумфом. Наконец, Римская империя сменилась Германской священной Римской империей.

Когда в позднем средневековье Франция и Англия превратились в централизованные монархии, Германская империя оставалась удивительным винегретом из королевств, герцогств, епископств, свободных городов и прочих обломков. Территория, на которой проживало около 21 миллиона человек, управлялась более чем 2000 различных правительств. В конце XIII столетия императорская корона перешла в руки династии Габсбургов, но их богатство и влияние зависели главным образом от их семейных владений в Австрии и Богемии, над империей у императора было не больше власти, чем у современной Организации Объединенных Наций.

Позже, в 1517 году, к политическим противоречиям прибавились религиозные, что сделало и те, и другие еще более кровавыми. Уже через столетие значительная часть Германии лежала в руинах, а ее обитатели были доведены до нищеты.

2. После окончания Тридцатилетней войны Священная Римская Империя распалась на множество автономных образований.

В одной из лучших пьес Бертольта Брехта, «Матушка Кураж», он так описывает происшедшее: «Религиозная война длилась 16 лет, Германия потеряла половину своих обитателей. Те, кто уцелел в битвах, гибли от чумы. Голод свирепствовал в когда-то цветущей стране. Города были сожжены. Волки выли на пустых улицах».

Ришелье, опасаясь, что уход шведов приведет к миру, подписал с ними договор и отправил в Германию французскую армию. И это продолжалось еще 14 лет. Как обычно при таких катастрофах, никто точно не знает, сколько было погибших. Вероятно, наиболее точной оценкой будет цифра 8 миллионов. Война сократила население Германии с 21 до 13 миллионов и нанесла глубокую рану коллективной памяти немцев.

К этому времени едва ли можно говорить о существовании Германии вообще иначе как в чисто географическом смысле. Вестфальский договор, которым закончилась Тридцатилетняя война, провозгласил суверенитет примерно 300 королевств, герцогств, маркграфств и епископств, составлявших Священную Римскую империю.

Гордон Крейг, почетный профессор истории Стэнфордского университета и автор книги «Немцы», суммируя этот трагический период следующим образом, сказал: «С древнейших времен немцы были свободным и независимым народом. В этот период произошли страшные события, подорвавшие в них эти и породившие другие качества. Со времени Тридцатилетней войны привычка к авторитаризму и зависимости проникает в психику среднего немца. Ты должен делать то, что местный правитель тебе приказывает. Результатом было то, что один немецкий писатель называет «отсталой нацией». Народ не имел возможности получить политическое образование, как это было с английским и американским Просвещением».

Слабость суверенитета Габсбургов над раздробленной Германией провоцировала не только агрессивность Франции, но и новую силу в Европе — Пруссию. Славянское племя пруссов было покорено и обращено в христианство еще в XIII веке крестоносцами Тевтонского ордена. В XV веке крестоносцам пришлось покориться Польше. Только в 1525 году Пруссией завладели Гогенцоллерны, курфюрсты Бранденбурга. Бранденбург-Пруссия была бедной страной, ее столица Берлин являла собой не более чем пыльный гарнизонный городок. Но сами Гогенцоллерны были людьми целеустремленными, делая все, чтобы прирастить богатство, владения и армию. Когда король Фридрих Великий унаследовал трон в 1740 году, когда Мария Терезия стала австрийской императрицей, он атаковал Австрию и овладел провинцией Силезия. Мария Терезия провела две тяжелые и неудачные войны, чтобы взять реванш, а затем присоединилась к России и Пруссии в разделе Польши. Таким образом впервые Гогенцоллерны объединили свои владения от Восточной Пруссии до Рейна.

Пруссия Фридриха претендовала не без оснований на роль одной из главных держав Европы, но наследники короля не обладали его талантами, и, когда французы вновь показались на горизонте, Пруссия пала перед Наполеоном под Йеной. Австрия была разбита у Аустерлица. В конце концов Наполеон прекратил существование Священной Римской империи в 1806 году, оставив титул императора для себя. Он отрезал все германские земли к западу от Эльбы и создал под французским господством Рейнскую конфедерацию, сделав своего брата Жерома королем Вестфалии. Пруссия должна была подчиняться французской оккупации до тех пор, пока не выплатит огромную контрибуцию.

Русская зима и вооруженные русские крестьяне — вот что покончило с Наполеоном в 1812 году. Но когда император отступал на запад из Москвы с остатками Великой армии, неоднократно битые им немцы — Пруссия и Австрия — встали снова, чтобы довести до конца то, что они называли войной за освобождение. Союзные армии разбили войска Наполеона у Лейпцига и выдворили его в Париж, а затем и в изгнание.

Европа, реконструированная Венским конгрессом, включала в себя новую Германскую конфедерацию во главе с австрийскими Габсбургами, но состоявшую из 38 других королевств, герцогств, свободных городов и различных осколков. Здесь процветала великая культура — это был век Бетховена и Шуберта, Гете и Гегеля. Но это по-прежнему не было одной страной. Сама идея германского единства была не более чем абстрактной концепцией, мечтой либеральных интеллектуалов.

НОВАЯ СТРАНИЦА

Новая страница в истории Германии начинается с того момента, как король Пруссии Вильгельм I назначил Бисмарка канцлером в 1862 году. Через четыре года Бисмарк был готов к пробе сил с Австрией. Он не был уверен в победе, не понимал до конца, что блестящий начальник генштаба Пруссии граф Гельмут фон Мольтке оживил армию Фридриха Великого, снова сделав ее лучшей в Европе. Мольтке вооружил пехоту скорострельными винтовками и разработал стратегию, опираясь на возможность переброски войск по железным дорогам.

Через две недели после начала войны Мольтке атаковал австрийцев возле деревни Кениггрц, известной также как Садовая, и разбил их наголову. Три столетия бесконечной гражданской войны в Германии между севером и югом, протестантами и католиками, Гогенцоллернами и Габсбургами закончились. Каким бы ни было будущее Германии, его теперь решала Пруссия.

Бисмарк был уверен, возможно, справедливо, что Франция никогда не смирится с единой Германией

под господством Пруссии. Да и сохранявшиеся германские государства, такие, как Бавария, Саксония, Вюртемберг, все еще не хотели, чтобы ими правили из Берлина. Бисмарк, мастер реальной политики, нашел решение для обеих проблем: ему нужна была решительная война с Францией. Случай представился, когда кучка испанских генералов, оппозиционно настроенных к распущенной королеве Изабелле, предложила испанский трон младшему принцу из семьи Гогенцоллернов. Французы были возмущены. Гогенцоллерны уступили и отклонили предложение. Французы неосторожно потребовали дальнейших гарантий. Вильгельм заявил французскому послу, что ему нечего добавить к уже сказанному. Бисмарк хитроумно дал знать об этом инциденте прессе, Франция сочла себя оскорбленной и объявила войну. Толпы высыпали на улицы Парижа с криками: «На Берлин, на Берлин!»

И снова Бисмарк не был уверен в успехе своей игры. Имя Наполеона все еще обладало какой-то магией, и французская армия ошибочно считалась многими лучшей в Европе. Мольтке вторгся с 300 000 солдат, создал для противника ловушку у Седана, и Наполеон после долгого боя сдался с 100 000 уцелевших от его армии. Бисмарк мог бы вернуться домой триумфатором, но в Париже правительство провозгласило Третью республику и решило продолжать войну. Мольтке настаивал на том, чтобы двигаться к Парижу и осадить его. Теперь для германских государей, которые участвовали в этой войне, было ясно, что их будущее — в единой Германии под руководством Пруссии. И последний штрих: Бисмарк устроил коронование Вильгельма в качестве кайзера (цезаря) в январе 1871 года в Версале — бастионе Бурбонов.

Бисмарк закончил свои войны. Следующие 20 лет он с присущим ему политическим искусством поддерживал мир в Европе с ее постоянно маневрировавшими правителями. В некоторых отношениях Германская империя была поразительно прогрессивным государством, предоставившим, например, своим гражданам первую в мире систему социального страхования. Но она же была глубоко антидемократической. Бисмарк презирал законодателей в рейхстаге, перед которыми он не был ответственен. Он отвечал перед кайзером, которого он умел заставить делать то, что считал нужным.

Пока Бисмарк был канцлером, он все держал под своим контролем. Все надеялись, что, когда старый Вильгельм умрет, его относительно либеральный сын Фридрих возглавит империю и приведет ее в более просвещенную эпоху. Но когда Вильгельм умер в 1888 году, Фридрих уже был смертельно болен: у него был рак горла. Трон перешел к его темпераментному и воинственному сыну Вильгельму II, которому тогда было 29 лет и о котором его мать сказала: «Мой сын — это гибель Германии».

Не желая терпеть превосходство 73-летнего Бисмарка, Вильгельм вынудил его уйти в отставку, сам занялся военными и международными делами, поручив остальное помощникам. «Когда вы доберетесь до сути высокоорганизованной страны, вы увидите не просто беспорядок, а хаос»,— заметил посетивший тогда Германию лорд Хэлдейн.

Другой вид хаоса царил в отношениях великих европейских держав. Это был век так называемого баланса сил, что означало постоянные угрозы, увертки, атаки и договоры, чтобы избежать внезапного нападения. Когда группа сербских националистов убила австрийского кронпринца Фердинанда в Сараеве в 1914 году, разразилась первая мировая война.

Современные историки потратили немало усилий, чтобы доказать «военную вину» Германии, но в действительности это было в большей мере трагедией ошибок. Если в Германии существовал военный энтузиазм, то он шел от ожиданий, что война будет недолгой, как в 1866 и 1870 годах. У немцев не было ресурсов для длительной войны, и ее руководители вступили на военную тропу с некоторой долей фатализма.

План Шлиффена предусматривал непрерывное наступление на Париж, а затем окружение его защитников. План осуществлялся не так энергично, что позволило французам остановить наступавших в 50 километрах от Парижа, на Марне. Затем наступили годы ужасов окопной войны с тысячами жизней, положенных за несколько сот метров болота в колючей проволоке. Через четыре года на полях сражений осталось 3 миллиона немцев и австро-венгров, 1,7 миллиона русских, 1.4 миллиона французов, 900 000 англичан, 650 000 итальянцев и 126 000 американцев. Это был цвет поколения. Германская, Австрийская и Российская империи перестали существовать.

В то время, как восставшие немецкие солдаты нападали на своих офицеров на улицах Берлина, социалисты провозгласили с балкона императорского дворца рождение Веймарской республики, получившей название от города Гете, где была создана ее конституция. Физически единая — за исключением Западной Пруссии, отданной вновь образованной Польше,— Германия была разделена внутри. Традиционалисты не верили в республику. Правые экстремисты, среди них и молодой австрийский демагог по имени Адольф Гитлер, попробовали совершить переворот в 1920 и 1923 годах. Другие саботировали политический процесс, совершая убийства неугодных. Мощная коммунистическая партия периодически устраивала забастовки и уличные баталии. Репрессивный Версальский договор обязывал выплачивать большие военные репарации (из-за них в 1923 году развилась чудовищная инфляция, когда доллар стоил 4,2 триллиона марок). Она смела и сбережения, и доверие среднего класса.

Существенная помощь Соединенных Штатов помогла Германии найти себя в конце 20-х годов: стабильность и благосостояние вернулись. Но это было хрупкое восстановление, над которым тенью нависали расколотый рейхстаг и престарелый президент Гинденбург, потерпевший поражение в прошедшей войне.

6. В разгар гитлеровского наступления власть нацистов простиралась от границ оккупированной Франции до советского Кавказа.

Крах на Уолл-стрите 1929 года начал мировую депрессию, и новое благополучие Германии рассыпалось. Число безработных подскочило с 1,5 до 2,5 миллиона только за январь 1930 года. Те, кто сохранил работу, должны были согласиться на снижение зарплаты. В стране послышались новые голоса, утверждавшие, что все это вина системы, иностранцев, евреев. «Германия, проснись!» — кричал Адольф Гитлер, и напуганные, обнищавшие, травмированные люди начинали прислушиваться.

Гитлеровская национал-социалистическая партия, насчитывавшая всего 17 000 членов в 1926 году, выросла до 120 000 в 1929-м и до 1 миллиона в 1930-м. Богатые промышленники начали делать в ее пользу крупные взносы.

Центральным вопросом для понимания того, что случилось с Германией, остается вопрос: был ли приход к власти Гитлера неизбежным? Был ли какой-то заложенный порок в истории и эволюции Германии, который привел к свастике и газовым камерам? В каком-то смысле все, что произошло, кажется неизбежным просто потому, что это случилось. И все-таки поражает, как много было вариантов, как много случайностей, как много было против того, чтобы Гитлер выиграл.

В последних перед приходом Гитлера к власти выборах в ноябре 1932 года наци начали терять силу, получив 196 мест вместо 230. У партии было 5 миллионов долларов долга. Платить штурмовикам, которые устраивали уличные беспорядки, было нечем, и штурмовики даже выходили с консервными банками в руках собирать деньги. «Будущее выглядит мрачным и неопределенным»,— записал глава нацистской партии в Берлине Йозеф Геббельс в начале 1933 года.— «Все шансы и надежды испарились».

Вдруг на первой неделе января шансы и надежды вернулись. Старый аристократ фон Папен, которого оттеснил от места канцлера другой аристократ — генерал Курт фон Шлейхер,— произнес речь, настаивая, что нацисты должны быть включены в консервативную оппозицию. Банкир, слушавший его, пригласил Папена и Гитлера к себе в Кельн, чтобы обсудить идею. Папен предложил, чтобы он и Гитлер возглавили коалицию в качестве соканцлеров. Гитлер продолжал настаивать на том, что он должен быть единоличным лидером. Когда об этом донесли Гинденбургу, он ответил: «Не думаете же вы, что я назначу австрийского капрала канцлером Германии!» Затем состоялась тайная встреча между Гитлером и сыном Гинденбурга Оскаром. Гитлер пообещал Оскару хорошее вознаграждение за помощь, а с другой стороны, угрожал разоблачить его перед отцом, если он откажется. Возвращаясь домой, Оскар заметил спутнику: «Ничего нельзя сделать. Наци должны быть в правительстве».

Президент Гинденбург поручил Папену вести переговоры о консервативной оппозиции, а затем одобрил план: Гитлер — канцлер, Папен — вице-канцлер, и только два других наци в кабинете из 11 членов. «Таким образом,— говорил министр экономики (не наци),— мы возьмем Гитлера в коробочку». Фатальная ошибка. Через месяц рейхстаг был в огне, и Гитлер убеждал Гинденбурга приостановить конституционные свободы: слова, прессы, собраний.

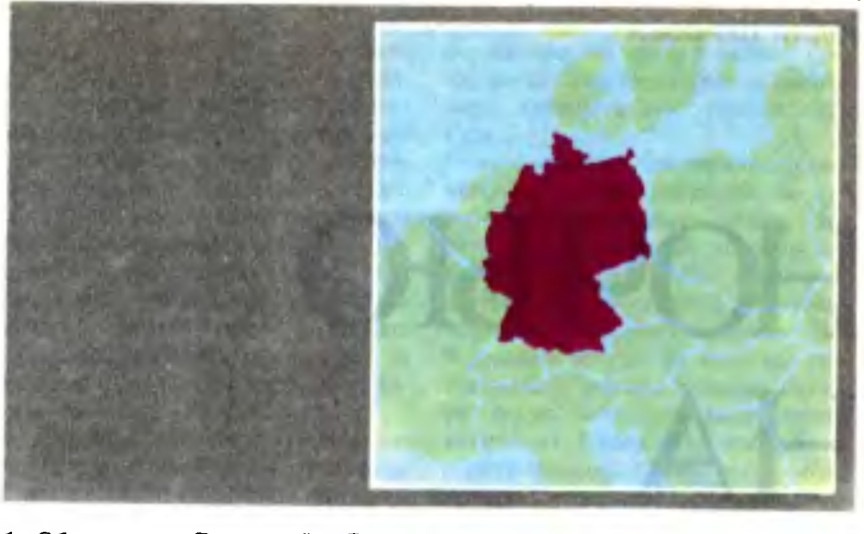
«Гитлер — это ошибка истории»,— утверждает известный немецкий философ Эрнст Кассирер. «Он не принадлежит германской истории. Поэтому он и исчез». Странным образом Кассирер прав. В равной мере враждебный традиции Мольтке и Моцарта, Гитлер действительно был ошибкой истории и... исчез. Но история осуществляет себя странным образом: прежде чем это случилось, погибло 50 миллионов человек.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

«Не существует европейской страны, которая бы в тот или иной момент истории не пыталась проглотить своего соседа, и я не думаю, что в этом смысле Германия хуже какой-нибудь другой страны,— считает почетный профессор истории Принстонского университета Карл Шорстке.— После войны Германия стала европейской страной. Даже в понятиях персонального поведения — как люди ходят, как приветствуют вас, как говорят на своем языке — во всем этом произошли огромные перемены со времен нацизма. И я не вижу на горизонте нового нацизма. Меня больше беспокоит создание новой стабильности, пока Европа не преодолеет последствия ужасных лет раскола».

Немцам дан второй шанс. Это редчайший дар, и можно только надеяться, что он будет использован по достоинству. У немцев должны быть друзья, которые хотя и ощущают бремя прошлого, но сочувствуют народу с такой богатой и страшной историей.

■

1. Объединение Восточной и Западной Германии — всего лишь последнее из многочисленных территориальных изменений.

ЮЛИЯ ПЕРВОВА

НОЧЬЮ НА СТАРО-КРЫМСКОМ КЛАДБИЩЕ

Как было выполнено завещание вдовы АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Нина Николаевна Грин скончалась в Киеве 27 сентября 1970 года.

Еще в 1965-м она составила духовное завещание, начинавшееся словами: «Прошу похоронить меня в ограде Александра Степановича в промежутке между могилой А. С. Грина и могилой моей матери Ольги Алексеевны Мироновой... Прошу моих душеприказчиков — Юлию Александровну Первову и Александра Аркадьевича Верхмана выполнить пункты настоящего завещания».

30 сентября наш поезд остановился в Симферополе; заплаканные друзья вынесли гроб из специального вагона. А затем началась фантасмагория: местные власти отказались исполнить волю покойной. Председатель старокрымского горисполкома Поздеева сказала нам: «Она ведь была пособницей фашизма и бросила Грина за год до его смерти».

Информация эта не имела к истине ни малейшего отношения. Во время войны эвакуации из Крыма не было. Чтобы кормить больную мать, Нине Николаевне пришлось устроиться на работу корректором в бюллетень «Старый Крым», печатавший объявления. За эту «измену Родине» она отсидела 10 лет в сталинских лагерях. И то, что Нина Николаевна бросила Грина,— обыкновенная ложь. Эти слухи опровергаются дневниковыми записями, которые жена писателя вела в течение года, до самой его смерти. Документы хранятся сейчас в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

У чиновников были свои причины мстить вдове Грина при жизни и после смерти. Вернувшись в Старый Крым, застав могилу мужа разрушенной, а дом его — превращенным в сарай первого секретаря райкома, Нина Николаевна начала борьбу. В течение десяти лет попытки сделать Домик Грина официальным музеем натыкались на упорное сопротивление всех инстанций, от которых это зависело. Лишь в 1960 году при поддержке Союза писателей она получила домик в частное владение и сделала из него музей. Незадолго до кончины Нины Николаевны мы от ее имени передали его государству.

Вопрос о похоронах решался масштабно: было созвано четыре совещания на всех уровнях, от районного до областного, а решение всякий раз одно — не разрешать похороны в семейной ограде. Мы позвонили в Союз писателей СССР, главному юристу А. И. Орьеву; он очень хорошо относился к Нине Николаевне и тем не менее посоветовал: «Не вмешивайтесь. Пусть хоронят сами». На наши протестующие возгласы ответил: «Тогда можно будет подать на них в суд, а это легко сделать: ограда семейная». Обратились к третьему душеприказчику покойной, литературоведу В. М. Россельсу; он пообещал поговорить в СП, а кроме того, добиться, чтобы опубликовали некролог.

Прошло четыре дня. Все мы (Верхман с женой и я) отпросились с работы, сроки кончались, а вопрос все еще не был решен. Гроб с фотографией Нины Николаевны стоял в домике, в ее комнате. Люди шли проститься и несли цветы; везде были букеты осенних хризантем. Старушки крестились и удивлялись: «Как это Валька Поздеева не побоялась нарушить волю покойной? Что ж это делается?»

Наконец третьего октября за Верхманом прислали газик из района — приглашали на переговоры. Председатель райисполкома Планетов сказал, что мы им смертельно надоели и они решили похоронить вдову Грина сами. Саша ответил, что к вооруженному сопротивлению мы не готовы и в черное это дело вмешиваться не станем. Договорились о времени похорон — четыре часа дня. Но машина горкомхоза подъехала к домику в полдень. Собрались жители улицы. Слышались негодующие голоса: «Почему не подождали людей? Нарочно раньше приехали? Дети из школы пошли за цветами!» Некто в штатском вытащил блокнот: «Кто послал?»

Яма на кладбище была выкопана метрах в пятидесяти от ограды Гринов. Рабочие опустили на веревках гроб. Все происходило в полном молчании. Мы стояли поодаль; никто из нас не бросил горсти земли, не сказал ни слова. Те же люди из горкомхоза насыпали холм и водрузили сверху деревянную тумбу кирпично-красного цвета...

Когда мы, подавленные, вышли с кладбища, в киоске на автостанции продавался номер «Литературной России» с некрологом. Правда, подписан он был «частными лицами» — В. Россельсом, С. Смирновым и В. Ковским. Иначе руководство Союза писателей не осмелилось почтить в печати память вдовы Грина. В траурной статье говорилось: «...Нина Николаевна, сопутствовавшая Грину последние одиннадцать лет его жизни, собирала, хранила и сохранила все, что могла. Ей мы благодарны за архив писателя, переданный в ЦГАЛИ. Ценность его огромна, он насчитывает 400 рукописей, документов, писем.

Совсем недавно Нина Николаевна передала государству Домик Грина, где она сумела создать для десятков тысяч посетителей ту атмосферу «присутствия Грина», о которой так много написано в книгах отзывов музея».

Время шло. Невыполненная воля Нины Николаевны лежала на душах тяжелым грузом. Орьев на звонки отвечал: «Сейчас не время, запаситесь терпением». А вот терпения-то как раз и не хватало. Каждая встреча с Верхманом становилась совещанием. Мы решили перезахоронить Нину Николаевну тайно. Задумали сделать это под двадцать третье октября — день ее рождения. Проконсультировались у юриста. Выслушав, он посоветовал отказаться от замысла. Самочинные перезахоронения легко подвести под статью УК об осквернении и ограблении могил. Правда, это только в том случае, если поймают до перенесения гроба к могиле Грина, когда цель будет ясна. «Значит, надо спешить»,— резюмировал Саша.

Как инженер, он занялся технической стороной операции; по его расчетам, требовалось человек десять — двенадцать. Я, конечно же, была не в счет — силы не те.

Начались переговоры с потенциальными «соучастниками», но у каждого из тех, на кого мы рассчитывали, именно в конце октября были дела, не позволявшие уехать из Киева. Не набиралось и пяти человек. Обязательно хотел поехать младший сын В. М. Россельса Феликс, но накануне заболел тяжелым гриппом. «Я догоню»,— хрипел он.

Все шло кувырком. В Москве, откуда мы вылетали в Крым, выпал ранний снег, аэропорт был закрыт. Часа два мы бродили по этажам, не зная, что предпринять. И вдруг — долгожданный вылет. Крым встретил нас солнцем, синим небом и яркими красками цветов в саду нашего друга Виктора Падалко. Это была надежда, резерв — двое симферопольских ребят, два Виктора — Падалко и Павленко, один — экскурсовод, другой — студент-историк. Оба давно ждали этого момента и обещали, что поможет один из друзей Павленко, Николай. Договорились, что ребята приедут вечером двадцать второго и будут ждать нас ровно в семь на автостанции, около кладбища. Мы же, как всегда на попутках, отправились в Коктебель. Расспрашивали знакомых: что в Старом Крыму, чего ждать, чего опасаться? Оказалось, в прошлом году, когда мы уехали, по ночам у могилы Грина целый месяц дежурили дружинники. Сейчас как будто все спокойно. Решили, что мне стоит поехать вперед, привлечь к себе внимание, посидеть вечером на кладбище, посмотреть, что из этого выйдет.

В Старом Крыму я остановилась у нашей знакомой, Субботиной, доброй старухи, которая догадалась: «Могилку Нины Николаевны поправлять? Доброе дело!» и отвела мне лучшую комнату в доме — «гостиную». Я пошла показываться в общественных местах — в книжном магазине, библиотеке, столовой и, конечно, в Музее Грина, которым ведала вдова поэта Петникова. Очень пристально посмотрел на меня при встрече сотрудник отдела культуры райкома, который присутствовал год назад на

похоронах. Остальные задавали все тот же вопрос: «Могилку Нины Николаевны поправить приехали?» И радовались: «Вот хорошо! Не забываете!» В сумерках я подошла к воротам кладбища — и замерла: за ними белела высокая куча гравия. Саша рассчитывал, что понадобится четыре ведра, а здесь было не меньше сорока. Может, в самом деле все будет как задумано? Зайдя в ограду Грина, села под деревом. Сколько раз мы приходили сюда с Ниной Николаевной! Однажды она постучала палочкой около могилы Александра Степановича: «Здесь я буду лежать». А месяц назад, в годовщину ее смерти, мы были тут с Анастасией Ивановной Цветаевой, которая совершенно тем же движением стукнула палочкой по земле и решительно произнесла: «Здесь она должна лежать. Рядом с ним».

Осенью прошлого года Анастасия Ивановна со своей подругой Евгенией Филипповной Куниной освятила землю с могилы Нины Николаевны, а на горкомхозовской тумбе начертала белой краской аккуратный крест...

Все было спокойно. Никто не заинтересовался моим приездом.

Утром следующего дня шел беспросветный, проливной дождь. Я места себе не находила: Феликс не вырвется, а если кто-то из ребят приедет, какая работа под дождем? Не знаю, как прожила день. Вечером пошла на автостанцию. В помещении, конечно, никого не было. Я присела на скамью. Так и есть: не приехали. И вдруг, прямо из стены, как в гриновском «Фанданго», вышли двое и сели рядом. Это были Феликс и Виктор Падалко. «А Саша где?» «Пошел лопаты добывать у жителей. Виктор и Николай обещали приехать к девяти». Прибежал запыхавшийся Саша: «Теперь у нас пять лопат и ледоруб». «Откуда он взялся?» «Выпросил на турбазе в Коктебеле. Пригодится». Падалко привез несколько громадных листов целлофана: «Для земли, чтобы не наследить». Я рассказала про гравий. «Ну, это уже мистика какая-то»,— удивился Верхман. Впоследствии оказалось, что гравий привезли для ремонта кладбищенской стены.

Около девяти Саша поднялся: «Пошли. Ребята найдут нас». На улице Феликс схватил меня за руку: «Взгляните на небо». В черном небе сверкали огромные звезды и — ни облачка. Выходит, дождь лишь помог нам — промочил землю, чтобы легче было копать, отпугнул тех, кто мог случайно зайти: смотрительницу кладбища, влюбленных, а может быть, патруль.

Около ворот кто-то тихо разговаривал. Это были наши ребята — Виктор Павленко и Николай. Все вместе — как хорошо! Два человека стали раскрывать могилу Нины Николаевны, трое копали в ограде Грина. Внезапно поднялся сильный ветер, он заглушал стук лопат о камни, грохот камней, падавших в ведра, шаги, голоса...

На рассвете, ложась спать в доме Субботиной, Николай пробормотал: «Самые счастливые похороны в моей жизни». Я пошла поделиться радостью к Марии Васильевне Шемплинской. Она жила неподалеку, в доме, который был первым жильем Гриновых в Старом Крыму, очень их любила и не раз говорила с укором: «Как вы могли это допустить? Я ночами не сплю из-за того, что Грины врозь». Сейчас она встретила меня у калитки — маленькая, седая, согнутая годами. Вглядываясь в мое лицо, спросила: «Что-то случилось?» «Хорошее, Мария Васильевна! Нину Николаевну перезахоронили к Александру Степановичу. Сегодня ночью». Она вспыхнула и расплакалась. «Бандиты! Головорезы! — восклицала она, смеясь и обнимая меня.— Наконец-то! Я так счастлива! Ну, аферисты!» Я ушла от нее с громадным букетом цветов.

Когда мы с ребятами вновь появились на кладбище, там было так много людей, что сперва даже стало страшно. Но оказалось, что это родственники: суббота и день погожий. Могилы Гринов выглядели просто парадно — прибранные, засыпанные белым гравием. Мы расставили цветы. Приехала экскурсия из Коктебеля. Когда экскурсовод, наш добрый знакомый, закончил рассказ о Грине, я спросила: «Ты ничего не замечаешь?» Он растерянно рассматривал могилы: «Ну, прибрали. Ну, цветы поставили». «Так ты забыл,— сказала я укоризненно,— какой сегодня день?» Он стукнул себя по лбу: «Вот дурень! Как я мог забыть? Ведь вы потому и здесь! Товарищи! — остановил он разбредавшуюся группу.— Одну минуту! Сегодня день рождения Нины Николаевны».

Когда вернулись ребята, разносившие по местам лопаты, я рассказала об этой встрече. «Значит, чисто сделано»,— обрадовались они. Мы пошли на почту — надо было позвонить в Москву, узнать, как долетел Феликс. Он сам взял трубку и на наш вопрос весело ответил: «Грипп прошел. А у вас?» «А у нас работу приняли»,— сказал Саша.

Разговоры о перезахоронении Нины Николаевны дошли наконец до «главного уха»; вскрыть могилу не рискнули, но представители КГБ приезжали на кладбище, прозондировали почву и установили — гроба там действительно нет. Возникло решение: перенести его «на место». Для этого нужен был предлог. Он нашелся в 1980 году, который был объявлен годом Грина в связи со столетием со дня рождения. Среди других мероприятий наметили смену мемориала на могиле. Мы догадывались, с чем это связано. Новый мемориал не порадовал — чужой, безликий. Ограду убрали, сделали высокий настил, выложили плиткой. Белая мраморная плита с именем Грина показалась холодной. Правда, над местом захоронения Нины Николаевны стоял осколок колонны из раскопок Херсонеса, а на нем — фигурка Бегущей.

Пошли к смотрительнице кладбища Ольге Попченко. «Что тут было! — запричитала она.— Когда приехали менять памятник, милиция все кладбище оцепила, людей не пускали. Меня как под конвоем повели: «Смотри, найдем гроб Грина, уволим». Я знала, что гроба никакого нет, все это выдумки, а ноги подкашиваются». «Это фактически невозможно,— вмешался стоявший рядом Леня Попченко, муж Ольги, местный специалист по памятникам.— Если бы что было, как не заметить? Земли бы насыпали, могила бы просела». «Так они искали?» — спросил Саша. «Еще бы нет! Все перекопали, а ничего не нашли». «А как в могиле стояли?» «Вот так»,— Ольга показала: по пояс.

«А вы как стояли?» — спросила я Сашу, когда мы возвращались на кладбище. Он провел рукой по бровям. «Да они бы все равно не нашли, это иемыслимо». Мы вновь осмотрели памятник, обойдя его вокруг. Нет, взрывать не станут, это уже навечно. Теперь можно спокойно говорить о том, что Грины похоронены рядом.

ОБМАН ЗРЕНИЯ

Два года назад москвичи Дмитрий Дмитриевич Проценко и его жена Светлана Николаевна, инженеры-программисты, решились на шаг отчаянный — уехали в село и взяли в аренду 250 породистых телок. В общем, стали селянами. Одному богу известно, сколько пережили и перетерпели они, пока не пошло у них дело.

Наш путь и тернист, непосилен и долог,
Но мы перестройку толкаем вперед.
Вот взяли в аренду одних только телок
И с ними мытарим который уж год.

Земли не дают: пустыри да болота.
Какой председатель отдаст чернозем?
Ему ведь пожить тоже малость охота,
И надо кормить всех, кого мы везем.

Так писали в своих самодельных стихах новоявленные арендаторы. Когда мы побывали у них в гостях этим летом, еще была надежда, что все образуется. Но вот осенью руководство опытного хозяйства «Красная пойма» неожиданно расторгло договор. Вышло — не аренда, а обман зрения...

Но вот и «финита». Опять обманули...
Не платит контора за каторжный труд.
Затраты подняли, с расчетом надули —
Катись, арендатор, авось подадут...

Что ждет семью Проценко?

АЛЕКСАНДР БОМЗА
Московская область,
Луховицкий район

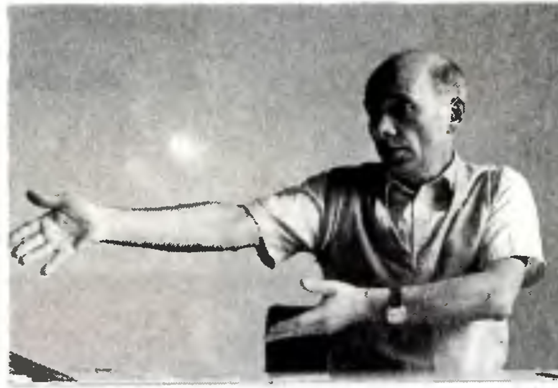

Председатель
Сахалинского облисполкома,
профессор
ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВ:

«ВЫКУПИМ СВОБОДУ!»

1. В ЧЕМ СМЫСЛ РЕФОРМ

Переживаемый нами экономический кризис устрашающе специфичен. Если в условиях рыночного (западного) хозяйства экономический кризис является следствием перепроизводства товаров, их избытка над спросом и потому содержит в себе механизм самопреодоления в сжатый срок, то **мы столкнулись с ситуацией, которая не известна ни мировой науке, ни опыту.** Она может развиваться **но принципу от плохого к худшему и растянуться** на длительный период. Положение почти безвыходное. Наше союзное правительство пребывает в растерянности, предпринимает противоречивые меры: одной рукой создает, другой — разрушает, делает капитальные ошибки. Это не столько его вина, сколько наша общая беда.

Ныне я представляю Сахалинскую область и от имени ее населения заявляю: **мы не можем больше ждать. Не можем ждать, пока в Москве разберутся, что такое рыночная экономнка, пока здесь поймут, что рыночная экономнка не может быть плановой и что понятне «регулируемая рыночная экономика» порождает путаннцу, нбо неизвестно, в чьих интересах она регулируется.** Никто не знает, сколько нужно времени, чтобы наши академики, блуждающие по коридорам власти, осознали то, что нам нужна **социально иаправленная рыночная экономика, короче говоря, нам нужна социальная рыночная экономика.**

Мы не можем больше ждать, пока падет система неразумных юридических законов, подзаконных актов, инструкций, пока министерства ослабят свою мертвящую хватку.

Свободу либо завоевывают, лнбо выкупают. Мы предпочнтаем второе. Но **мы бедны.** Сахалин, некогда остров сокровищ, разорен и уничтожается, опутан долгами — в рублях и в валюте. На нем нет экономики в достойном значении этого слова. Экономика — это совокупность естественных связей между предприятиями и регионами на основе эффективного разделения труда, но отнюдь не произвол центра в отношении места, структуры и объемов производства.

Разбойная деятельность центра на Сахалине привела к тому, что нвселение лишено даже того, что оно добывает и производит,— рыбы, нефти, газа, древесины, пушнины. Все эти виды продукции, можно сказать, конфискуются, иногда почти на 100 процентов.

Вместе с тем плановые обязательства в отношении поставок фондовых товаров с материка не выполняются ни по объемам, ни по срокам.

Центр не готов позаботиться даже о том, чтобы пресечь в наших водах иностранные браконьерства, хищения, нарушение международно признанных правил. Не следует ли запустить в космос на 10 спутников меньше, зато увеличить флот на 10 судов, экономическая отдача от этого только возрастет.

Остров испытывает нв себе все минусы нашего строя, но ощущает мало плюсов. В связи с обострившейся нехваткой товаров в январе 1990 года в области был создан временный комитет по продовольствию. Излишне говорить о развитии каких-то отраслей будущего на острове.

Некоторые реформаторы из состава центрального правительства настаивают на том, чтобы им не мешали делать реформу, к которой они не знают, как подступиться. У нас ие меньше оснований потребоаать: не мешайте нам, оставьте колонизаторскую логику, уходя — оставаться. Мы купим свободу, правда, в рассрочку, и это будет выгодно и центру, и так называемой периферии. **Первый шаг к свободе — это право распоряжаться своими ресурсами на коммерческой основе. Это обеспечит иам первоначальное накопление капитала.** Если Россия отстает от зарубежного Запада минимум лет на 30, то Сахалин отстает от Востока на все 50, и надо предпринимать решительные меры, чтобы не отстать навсегда.

Сахалинская область в силу своих географических особенностей наиболее приспособлена **для первоочередного перехода к рынку.**

При поддержке населения Советы приступают к коренным преобразованиям экономики областн на основе разработанной концепции. Ее суть состоит в следующем.

Единственно правильный путь — это создание условий для появления и наращивания **параллельной структуры хозяйства, которая в скором времени вытеснит преобладающие сейчас неэффективные экономические формы. Это есть созидающая, а не разрушающая революция, революция эволюционным способом.** Насколько непростительно было бы попытаться сейчас переставить сразу всю экономику с одних рельсов на другие, ибо ничего другуго, кроме экономического катаклизма, мы не получим, и просматриваемые за этой роковой чертой сияющие горизонты предстанут печальным миражом, настолько настоятельна **политнка «выращивания подлеска»,** который естественным образом устранит потерявшее способность ко всякому развитию окружение. **Мы одобряем любые нововведения, какими бы неожиданными н спорными на первый взгляд оин ии казались.** Это — во-первых. Во-вторых, речь идет не просто о стимулировании новых видов экономической жизни и пассивном наблюдении их борьбы со старыми, одновременно нужно сознательное обескровливание последних, не тотальное, а выборочное, отвечающее потребностям обстановки. Вот здесь скажется, насколько мы овладели искусством возможного и в состоянии ли оградить население от кратного повышения цен, расширяющегося дефицита, массовой безработицы и нравственной деградации. Либо мы это сделаем, либо возьмет верх неуправляемая стихия. В-третьих, в процессе хозяйственной перестройки **мы рассматриваем внешнеэкономические связи как важный, но все-такн второстепенный фактор**. Полагаясь на иностранную помощь, **нельзя выйти из кризнса, зато можно усугубить его.** Привлеченне иностранного капитала имеет высокую цену. **Создавая иллюзнн прогресса, оно консервирует наши пороки.** Мировой опыт показывает, что при слабой внутренней экономике **нужна особая осторожность прн выходе на внешний рынок.** Низкая конкурентоспособность продукции при внешнеэкономической **либерализации ведет к лавинообразному росту финансовой задолженности.** Между тем романтические представления о внешнем рынке как надежном и скором средстве решения проблем советской экономики дают о себе знать довольно отчетливо. **Масштабы экономнческого сострадания заграницы к нам также не помогут выбраться из кризиса.**

Установление новой системы — это советский внутренний вопрос с большими международными последствиями его решения или нерешения. Нужно четко сознавать соподчиненность внутренних и внешних факторов.

В отличие от тех, кто не верит в свой народ, кто ищет для себя алиби в том, будто русские люди не хотят работать, мы рассчитываем на собственные силы. Раскрепощение народа выразится в росте пронзводительности освобожденного труда.

В условиях неоспоримой и вечной принадлежности к России Сахалин со всеми островами провозглашается особой территорией с исключительными правами на самоуправление. Оно предполагает самостоятельное решение свободно избранными Советами всех местных проблем — экономических, социальных, политических. К компетенции Москвы относятся вопросы общегосударственного значения, такие, как оборона и дипломатия. Сахалин, однако, сохраняет за собой право доводить до правительства свои рекомендации по этим вопросам. Вся административная власть переходит в руки Советов. Они действуют на основе общесоюзного законодательства. Вместе с тем специфика Сахалина как региона с автономным самоуправлением требует соответствующего изменения ряда действующих законодательных актов или принятия новых. Эти шаги должны быть согласованы с центром по настойчивой иницнативе сахалннского руководства и народных депутатов. В целях предотвращення бюрократизации Советов следует освободить их от функций, не свойственных государственной власти, например, от тотальной регламентации и мелочной опеки по отношению к предприятиям, дать последним нужную экономическую свободу, возложив на них ответственность за результаты своей деятельности.

2. КАК БУДЕМ ЖИТЬ С СОСЕДЯМИ?

Предложения о создании свободной внешнеэкономической зоны в Сахалинской области (на Сахалине или на Курильских островах) следует отвергнуть. В поисках путей развития нужно ориентироваться преимущественно не на иностранный капитал, а на внутренние возможности. Они огромны, но пока остаются втуне, не могут быть использованы в силу существования административно-командной системы. При свободном притоке японского и другого иностранного капитала и зарубежной рабочей силы и прн слабости местной экономики сразу же начнется превращенне советской территории в иностранную колонию с необратимыми последствиями. Конечно, нужно сотрудничать с соседними странами во всех областях, это — веление времени, однако следует учитывать, что мы не поставим свою экономику на ноги с помощью иностранцев.

Внешние связи не могут рассматриваться как решающий рычаг для преодоления внутренних трудностей. Никто в мире не будет решать за нас наши собственные проблемы. Если исходить из презумпции взаимной выгоды международного сотрудничества, то мы можем поднять эффективность производства в той же мере, что и партнеры. Следовательно, даже в лучшем случае о ликвидации разрыва в этой области через внешние связи не может быть и речи, можно лишь надеяться на сохранение нынешнего статус-кво в отставанни. А на мировом рынке эксплуатируется всегда слабый. Между тем романтические представления о внешнем рынке как надежном и скором средстве решения проблем советской экономики дают о себе знать отчетливо в политике и экономической науке. Впрочем, следует сделать одну оговорку. Ориентация на заграницу может разрубить гордиев узел наших проблем, если мы создадим совместное предприятие «Советский Союз — Запад» и 51 процент голосов отдадим Западу. Но на это не согласятся, думаю, даже самые безудержные льстецы мирового рынка, заигрывающие с ним в самовнушенной надежде на бесплатность его услуг по созданию нашей экономики.

А раз так, то надо развивать рыночные отношения в собственном хозяйстве, которые будут стимулировать научно-технический прогресс и исключат из нашей жизни такие постоянные явления, как незаинтересованность внедрения отечественных новинок в производство, горы закупленного новейшего иностранного оборудовання, лежащего в течение долгого времени под открытым небом. Тогда проблема сотрудничества с японскими и другими иностранными фирмами предстает перед нами самими в другом свете, а именно не как вытекающая из нашей беспомощности неизбежность, а как выгодное разделение труда.

На Сахалине предлагается также ввести иной порядок валютных расчетов. С разрешения правительства сейчас по всей стране допускается иностранная валюта во внутренний денежный оборот: на советской территории в долларах оплачивается почти все — отели, ресто-

раны, покупки в магазинах, такси, авиабилеты, деятельность совместных предприятий, даже сверхплановое зерно. Не имеющие валюты советские граждане чувствуют себя людьми второго сорта. Начало такого уродливого развития можно видеть уже и на Сахалине. Между тем в странах с нормальной экономикой чужая валюта не имеет параллельного хождения. Она обменивается на национальные деньги и остается в банках. Иностранцы должны оплачивать на Сахалине все товары и услуги в рублях. Накапливаемая в банках валюта должна продаваться на аукционах местным предприятиям. Эти аукционы должны стать регулярными, и после определенного времени можно перейти от них к валютной бирже.

3. ЧЕТВЕРТЫЙ ПУТЬ

Политику территориальных претензий следует признать в нашу эпоху несовременной и неконструктивной. Ссылки на историю не могут служить убедительным аргументом, поскольку принадлежность территорий к тем или иным государствам зависит от глубины хронологического среза, а смена национального суверенитета находит разное, порой противоположное объяснение затрагиваемых сторон.

В этом плане нужно рассматривать вопрос о «северных территориях», то есть островах Шикотан, Кунашир, Итуруп и других более мелких островах, с целью их отторжения от Советского Союза и передачи Японии. О масштабах агитационной работы, проводимой в Японии в данном направлении, свидетельствуют следующие факты, которые мы заимствуем из соответствующих японских материалов:

— неоднократно в японском парламенте были приняты резолюции с требованием возвращения названных территорий;

— во всех префектуральных ассамблеях и многих городских и поселковых собраниях страны были приняты решения с тем же самым требованием;

— к февралю 1990 года было собрано свыше 50 млн. подписей за возвращение «северных территорий»;

— во всех префектурах Японии созданы общественные организации под названием «Гражданские советы за возвращение «северных территорий».

Японская сторона подчеркивает, что обязательным предварительным условием для установления дружественных отношений на основе истинного взаимопонимания является разрешение проблемы «северных территорий».

В настоящее время японская сторона с некоторым удовлетворением отмечает размягчение советского подхода. Оно усматривается в том, что если раньше Советский Союз вообще не признавал существования территориальной проблемы, то в последние годы он изменил свою позицию и не отказывается от обсуждения этой проблемы.

Созданию такого впечатления способствовали предложения ряда советских представителей о третьем пути, суть которых при всем их разночтении сводится к совместному использованию южных Курильских островов. Вряд ли можно сомневаться в том, что авторы этих предложений руководствуются добрыми и искренними намерениями сдвинуть дело с мертвой точки. Они, возможно, рассчитывают на большой экономический эффект от сотрудничества с Японией, которое в этом случае приняло бы гораздо большие размеры. Однако третий путь неприемлем. Продажа Аляски должна нас многому научить, она не сделала нас богаче и не улучшила навсегда отношения между двумя странами. Если кто-то завороженно смотрит на крупный экономический потенциал Японии и ради крох с барского стола готов пожертвовать советской территорией, то им следует осознать неизмеримо более мощный потенциал Советского Союза при перемене способа хозяйствования, а именно при переходе от административно-командной системы к рыночной. Правилен тезис о том, что для Советского Союза неразумно упускать выгоды от возможного расширения связей с Японией. Но правилен и другой тезис: для Японии столь же неразумно упускать выгоды от возможного расширения связей с Советским Союзом. В трактовках третьего пути заключен еще один отрицательный пункт. Расшатывая статус южных Курильских островов как советской территории, мы сеем семена, которые вырастут в серьезную проблему для последующих поколений.

Курильские острова — советская территория и таковой останется. Для нас здесь нет проблемы, она существует для другой стороны, и если мы учитываем озабоченность японской стороны и ищем взаимоприемлемый выход из положения, то это должно соответствующим образом оцениваться нашими соседями.

Я выступаю за такой пересмотр концепции третьего пути, что от него остается только половина. Я предлагаю идти по четвертому пути. Давайте возьмем обозначенные южные Курильские острова, которые навсегда принадлежат нам, а также близлежащую японскую территорию, выбранную по взаимному согласованию, объявим эту соединенную территорию свободной экономической зоной и будем сообща ее развивать. Чтобы не оставалось никаких неясностей, следует еще раз специально подчеркнуть: обе территории остаются по-прежнему соответственно в сфере советского и японского государственного суверенитета, но в экономической плоскости они образуют единое целое и используются сообща. Понятно, что эта зона должна быть открыта для третьих стран, которые могут создавать там свои интересы как в форме совместного участия, так и в форме образования своей собственности.

Такое взаимодействие имело бы далеко идущие положительные последствия и в плане демилитаризации данного региона. Нам нужно учиться у Европы, где сейчас происходят грандиозные изменения, но территориальные претензии никем не предъявляются.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВОЗВЕДЕНИЕ ХРАМА!

РАВИЛЬ ГАЙНУТДИНОВ,
имам-хатыб
Московской соборной мечети

В прошлом году в Уфе закладывали Храм — большую соборную мечеть в честь 1100-летия с начала распространения Ислама на нынешних землях татар, башкир и других народов Поволжья и Сибири. На торжественную церемонию, которой руководил главный духовный пастырь мусульман европейской части СССР и Сибири муфтий Талгат Таджуддин, собрался народ — верующие и неверующие. Но отличить их друг от друга в те прекрасные мгновения праздника человеческого духа было невозможно...

А на следующий день обнаружили, что кто-то остервенело разбил камень, что был положен в основание Храма. Возмущение и горькое чувство стыда охватило тогда не только верующих. Ведь испокон веков строительство дома, тем более — Храма, было для человека не просто мерилом его созидательной способности, но еще и мерилом нравственного здоровья коллектива, общества, в которых он живет. Разгневанные воинствующим святотатством люди готовы были сурово покарать тех, кто осмелился оскорбить Храм, оскорбить человеческий дух. И можно не сомневаться в том, что ждало бы виновников, попадись они под горячую руку возбужденных людей. Но муфтий призвал всех к спокойствию, больше того, предложил даже не возбуждать уголовного дела, подчеркнув, что покусившиеся на Храм уже наказаны своим духовным ослеплением, которое сделает для них дорогу к нему особенно мучительной и долгой. Беда их уже заключена в том, что причины собственных проблем они склонны искать вне себя — в других.

Не разрушь Храма! Кому, как не нам, собственноручно уничтожившим и осквернившим тысячи и тысячи Храмов, знать, к каким тяжелым последствиям ведет отступление от этого священного принципа.

Говорят, что у японцев, например, если даже вдруг и бывают вынуждены снести какой-нибудь Храм, непременно восстанавливают его затем в виде копии-макета на крыше воздвигнутого на его же месте сооружения. В нашей стране сегодня с присущим ей размахом и масштабностью всерьез собираются восстанавливать не макеты, но сами Храмы. И это весьма показательно. Ведь у тех, кто принадлежит к таким генетически близким культурам, как мусульманская, христианская или иудейская, неприкосновенная святость Храма отражена даже в исконном и общем для всех них значении самого этого слова, восходящего к корню «хрм», который несет в себе идею «заповедности, святости, запретности (для греха)».

Вот почему общее для всех трех культур понятие «Путь к Храму» не просто красивое, образное выражение, но воплощение целого мировоззрения, исполненного глубокого смысла и человечности. Вот почему, когда благодаря перестройке начался великий процесс духовного пробуждения людей, они вновь занялись истовым поиском дороги к Храму — делом, не простым и не легким, но зато всегда благословенным и благодарным, движимым праведной надеждой всякого здравомыслящего человека на счастье, на примирение с самим собой и с себе подобными.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда встает практический вопрос о том, каким пойти путем — наводить ли порядок в собственном доме и испытывать чувство искренней радости от того, что и соседи занялись тем же самым и готовы к всемерному сотрудничеству. Или вновь сосредоточиться на том, чтобы прикрывать свое нерадение, некомпетентность и совершенно очевидную зависть их мнимыми кознями и, исходя из такой ложной и греховной посылки, жить по принципу «не важно, как живу сам, важно, чтобы соседу жилось не лучше»? Людям, которым в течение нескольких поколений монопольно прививался именно этот второй принцип, очень непросто отрешиться от него, очень трудно внять неоднократно повторяемой в Священном Писании истине о том, что «Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними» (Коран, глава 13, стих-знамение 11).

К сказанному уместно, очевидно, напомнить об опасности еще одного весьма распространенного вольного или невольного заблуждения, которым нередко злоупотребляют те, кто в борьбе за умы и сердца людей демонстрирует по всякому поводу свою подчеркнутую готовность «советоваться» с народом, особенно когда недостает веских и убедительных аргументов в споре со своими оппонентами. Сущность подобного заблуждения хорошо вскрыл недавно народный депутат РСФСР православный священник отец Глеб Якунин, который подчеркнул, в частности, следующее: «Бытует представление, что народ — святой. На самом деле бывает и коллективное грехопадение народа, нации. Мы знаем такие примеры». Об этом идущем от самого сердца нелицеприятном предупреждении человека, своим мужественным подвижничеством заслужившего всеобщее уважение верующих и неверующих, нельзя забывать в обстановке, когда народ, находившийся на протяжении десятилетий практически в состоянии перманентной гражданской войны, начинает пробуждаться и обретать волю для переоценки того нелегкого пути, который выпал на его долю. Первое, что он обнаруживает при таком пробуждении,— это острый дефицит знания и практических ориентиров по многим фундаментальным вопросам подлинно цивилизованной жизни, жизни, достойной человека и его высшего назначения. Всякие попытки заигрывать с таким народом и льстить ему как носителю высшей истины по всем без исключения проблемам современного бытия не только безнравственны, но и крайне опасны, поскольку они не упрочивают перемирия, пришедшего с перестройкой, не приближают подлинного и прочного гражданского мира. Они дезориентируют людей, на протяжении десятилетий отлучавшихся от возможности свободного развития своей духовной и политической культуры, не дают им органично приобщиться к ней и в конечном счете способствуют сохранению далеко еще не затушенных очагов гражданской войны. Покончить с ними — святая обязанность всех здравомыслящих и честных людей.

Начало оформлению такой позиции было положено, как известно, М. С. Горбачевым во время широко отмеченного тысячелетия крещения Руси. Большое впечатление на всех верующих произвели и недавнее личное присутствие Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина на торжественном открытии для верующих знаменитого Исаакиевского собора в Ленинграде, и его соответствующее публичное заявление по этому замечательному поводу.

Совместным трудом да способствуем быстрому и всестороннему возрождению нашего народа и его консолидации на пути служения высшей истине, ради общих для всех нас интересов Отечества! Аминь!

«КТО В ТВЕРИ У НАС БЫВАЛ...»

Не станем заниматься противопоставлением, что, мол, рок — плохо, а фольклор — хорошо. Уже не требуются доказательства возможности их «мирного сосуществования». Важно другое: могут ли артисты зажечь сердца зрителей своим искусством. К примеру, самодеятельный ансамбль «Тверичане» работает так, что на его концертах яблоку негде упасть. Вот уже четверть века «немодный» коллектив любим и почитаем зрителями городов и всей нашей области. Бывали «Тверичане» и в столице, и за рубежом. Финны и венгры восхищались «Тверской масленицей», «Тверскими ложкарями» и другими танцами, хореографическими картинками в исполнении самодеятельных артистов. И их земляки стали с любопытством узнавать собственные традиции и старину. Ведь почти все успели позабыть.

— Мы, тверяки, родились и живем на Верхней Волге,— говорит Евгений Иванович Комаров, художественный руководитель и балетмейстер ансамбля.— Наша задача — добыть, сохранить, собрать воедино россыпи народного искусства и, дав ему новую сценическую жизнь, вернуть народу. Мы ездим по деревням, беседуем со стариками, узнаем, как и что они пели, плясали, чем платья, костюмы расшивали — тысячи мелочей, самобытных деталей, из которых потом складываются наши танцы и картины.

Е. ЯКУШЕНКО

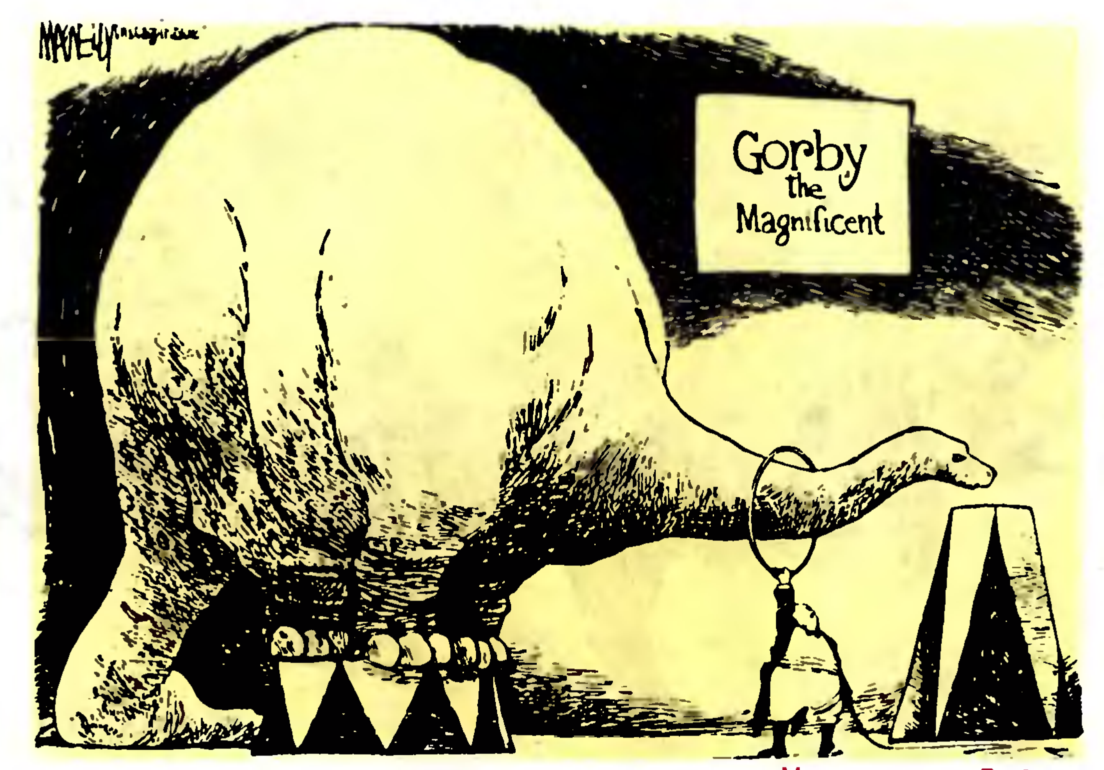

Фото Дмитрия Ухтомского

ОНИ О НАС

СЕГОДНЯ ПОД ЭТОЙ ТРАДИЦИОННОЙ РУБРИКОЙ МЫ ПОМЕЩАЕМ СЕРИЮ КАРИКАТУР, ВЗЯТЫХ НАМИ ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ.

Маг-дрессировщик Горбачев.

Welcome to Boris Yeltsi' Russian circus

Добро пожаловать в Русский цирк Бориса Ельцина.

General Secretary Mikhail Gorbachev
His party, his conference, his speech

Михаил Горбачев: Его партия, конференция, речь.

Newsweek
THE INTERNATIONAL NEWSMAGAZINE

Why Gorbachev Is Failing

SPECIAL REPORT

HOUSTON ECONOMIC SUMMIT

DIRE STRAITS PLEASE AID

DROP A HORSE SHOE IN THAT BORSALINO

После встречи видных экономистов: «Подайте, пожалуйста...»

Жизнь Владимира Николаевича Ильина (1890—1974), магистра философии, доктора богословия, была сплошным мартирологом. Самоубийство отца, тяжелейшие семейные обстоятельства, отъезд из России в 1919 году, эмиграция, нужда, нищенство, скитания по городам Европы, ссора с Бердяевым на почве защиты последним марксизма, к которому тот вернулся в конце жизни, и во многом сбывшееся пророчество Бердяева, что карьера Ильина кончена.

Вышедшие книги «Шесть дней творения и происхождение живых существ», «Серафим Саровский», «Пасха нетленная» расходились плохо. Ильин терял место за местом, лишился кафедры, его словно по чьему-то наущению не брали на службу.

Однако дух, как и мысль, убить нельзя. Несмотря на тяжелые материальные условия, отсутствие рабочего кабинета, он продолжал творить, писал богословско-философские труды, литературную критику, сочинял музыку. Ильиным написаны история русской музыки, история русской точной науки, история русской философии, история средневековой философии. Главный труд его жизни — общая морфология, в области которой он создал новую систему философии, богословия и научной методологии. Ильиным создана новая наука — «Статика и динамика чистой формы», задача которой методологически продвигать и обосновывать современные науки, точные и гуманитарные. В философии он создал систему диалектического материологизма, представлявшего диаметральную противоположность так называемому «диамату».

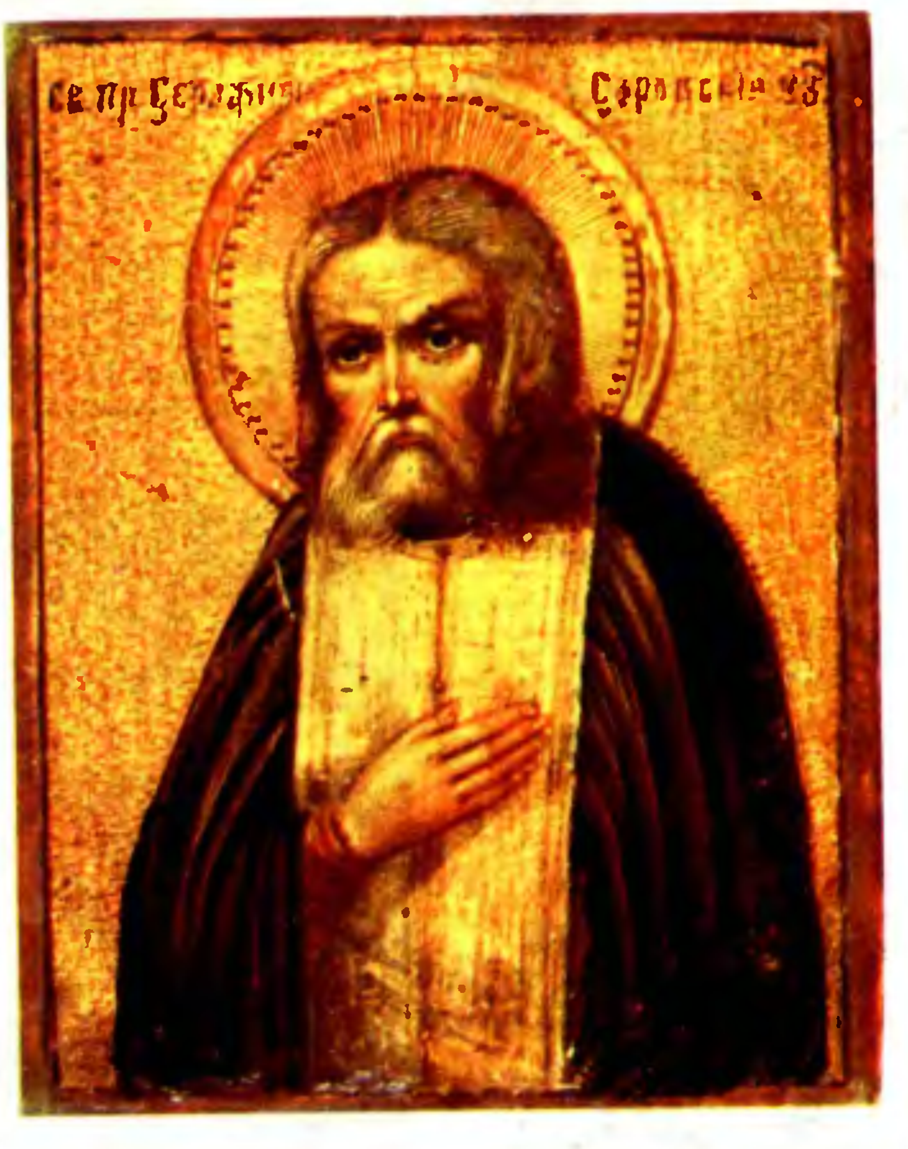
Всем этим интереснейшим трудам, представляющим новый вклад в мировую науку, не суждено было увидеть свет при жизни автора.

Материалов об Ильине мало. Собрать сведения о нем и о его трудах нелегко. Нам помогла это сделать, за что мы приносим ей искреннюю признательность, вдова В. Н. Ильина—Вера Ильина, проживающая на Западе.

Одним из немногих свидетельств о нелегкой жизненной и творческой судьбе талантливого ученого, философа, композитора являются короткие воспоминания Кирилла Померанцева. Вот отрывки из них: «Безумствуешь ты, Павел. Большая ученость доведет тебя до сумасшествия»,— сказал ап. Павлу правитель Фест (Деян. 26, 24). Этот знаменитый упрек великому апостолу можно было бы отнести и к Владимиру Николаевичу Ильину. Но тут сразу же напрашивается и другое. Основывая свою систему преподавания, Р. Штейнер советовал будущим педагогам учить детей не только «запоминать», но и «забывать». Но забывать Ильин не умел. Стоило ему хоть бегло прочесть книгу, он запоминал ее навсегда. А своего любимца Гоголя знал чуть ли не наизусть...

Всматриваясь в его человеческий облик таким, каким он представлялся мне и другим, часто над ним подсмеивавшимся, мне думается, что Ильин не удался. Гениально, но не удался. Он был воистину гениальной неудачей. Но, по мне, одна такая неудача стоит в сотни раз больше сотен окружающих нас посредственностей, заполняющих книжные магазины, страницы газет, экраны телевизоров и радиоприемники».

Печатая фрагменты из книги «Серафим Саровский», редакция открывает новое, почти неизвестное русскому читателю имя: Владимир Ильин.

Целая долгая жизнь превышающих всякие силы человеческие подвигов, но зато и стяжание сокровища выше всех земных мерок.

В. Ильин

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

В миру преп. Серафима звали Прохором. Он родился 19 июля 1759 года в городе Курске и происходил из купеческой семьи Мошниных, отличавшейся благообразием и благочестием. Жизнь родителей его — отца Исидора и матери Агафии — прошла под знаком храмостроения. Последним делом жизни Исидора Мошнина было построение в Курске известного Казанско-Богородицкого собора. Смерть застала его на этой работе. Он оставил на руках своей жены Агафии маленького Прохора, которому было тогда три года. Две заботы наполняли жизнь благочестивой женщины после смерти ее мужа — воспитание сына, будущего великого подвижника, и постройка упомянутого храма, продолжавшаяся около 15 лет.

С 10 лет началось обучение его грамоте. Оно шло вперед с необычайной легкостью и быстротой, но должно было скоро прекратиться по причине тяжелой болезни. Во время этого недуга он в первый раз увидел во сне Пресвятую Деву, обещавшую ему исцеление, и рассказал об этом своей матери. Через несколько дней после видения был крестный ход с Чудотворною иконой Знамения. Благодаря случившемуся в это время проливному дождю икону пришлось пронести двором Мошниных. Агафия вынесла больного мальчика к иконе; он приложился к ней, и самое икону пронесли над болящим. После этого скоро выздоровел и возобновил занятия.

Находясь еще в миру и будучи еще совсем юным, Прохор тем не менее ни в каком смысле не был мирским. Торговое дело, которым занимался его старший брат Алексей, совершенно не привлекало его, и занимался он им до поры до времени, исключительно повинуясь старшим. Все существо его было поглощено чтением святых книг, стремлением постоянно — и в праздники, и в будни — посещать храм; уже в это время наблюдалась у него склонность и к уединенному богомыслию.

Духовное созревание юного Прохора подвигалось необычайно быстро, уже к 18-му году у него сложилось твердое решение вступить на путь иноческий. Мать вполне сочувствовала Прохору в его благочестивом намерении и с радостью отпустила сына, благословив тем самым медным Распятием, которое он всю жизнь носил поверх одежды на груди.

Предварительно он решил идти в Киев на поклонение святым мощам Печерских угодников. Окружавшие Прохора друзья и знакомые не только поощряли избранный им путь, но некоторые из них решили вместе с ним уйти из мира и посвятить себя Богу. Из этих пяти паломников впоследствии четыре стали монахами.

Ввиду этой необычайной легкости вступления будущего Саровского Чудотворца на путь монашеской жизни, такой легкости, как будто он никогда не покидал монастырских стен, невольно вспоминается трагическая борьба преп. Феодосия Печерского с матерью, болезненно-страстная, но вполне мирская любовь которой причинила столько страданий и ей, и ему, прежде чем обоих приняла и навсегда успокоила иноческая келья. Не знал молодой подвижник также и борьбы с плотью, борьбы, наполнявшей неоднократно всю жизнь отшельников (напр., Иоанна Многострадального).

Прожив два года в Курске после киевского паломничества и уже в этот период своей жизни находясь в состоянии полной отрешенности, Прохор вступил в Саровскую обитель, в вечер накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы (20 ноября 1779 г.). В это время ему было 19 лет, этим заканчивается первый период его жизни.

Приняв Прохора в число послушников, строитель Пахомий поручил его руководству иеромонаха Иосифа, казначея обители. Последовательно исполнял новопринятый послушания в хлебне, в просфорне и столярне. В свободное от молитвы и послушания время он занимался чтениями Священного Писания, святоотеческой, аскетической и житейной литературы. Заметим, что сам способ, манера его чтения облегчала проникновение в читаемое и способствовала усвоению его в соответствующем направлении. Это было не простое чтение, а именно особый духовно-молитвенный метод вникания, внедрения в читаемое, особого рода аскеза, так как читал он в молитвенном настроении, стоя перед образами.

Исключительное воздержание в пище и сне составляет уже в этот период отличительную особенность его жизни. Он ел один раз в день, да и то мало. По средам и пятницам ничего не ел. В этот же период для него наступило испытание, давшее ему возможность проявить силу и красоту столь рано созревшего духа. 1780 год ознаменовался для молодого подвижника началом тяжкого недуга, мучившего его около трех лет. Большую часть этого времени ему пришлось пролежать. Он отклонил предложение старцев — Пахомия и Иосифа — призвать врача, но попросил молитв о себе. Были отслужены Всенощная и Литургия о здравии больного; его исповедали и причастили. Последовало быстрое выздоровление (конец 1782 г. или начало 1783 г.). Лишь незадолго до своей кончины подвижник рассказал о тайне своего исцеления: оно, которое было чудом, явленным на нем, как и в первый раз, Божьей Матерью. Пресвятая Дева явилась ему со словами *«этот — нашего рода»* (слова, обращенные к ап. Иоанну Богослову, который сопровождал Ее вместе с ап. Петром в чудесном посещении больного). Коснувшись рукою головы его, а жезлом, бывшим у Нее в руке,— бока, Она исцелила его.

Нося еще мирское имя, Прохор был уже инок в самом глубоком смысле слова. Наконец, однако, наступила для него пора принять внешние, видимые знаки «равноангельского чина». 13 августа 1786 года Прохор был пострижен в иночество и наречен Серафимом.

«Серафим» — слово еврейское; в единственном числе можно перевести его как «жгучий», «сжигающий», «пламенеющий», «пламенный», «зажигающий»; а по толкованию т. наз. Дионисия Ареопагита — «согревающий».

Имя свое рукоположенный оправдал полностью. Теперь наступили для него дни непрерывного молитвенного горения и совершенно исключительного прилежания и ревности о храме Божием, из которого он уходил только для краткого ночного отдыха, сведенного к тому же до совершенно непостижимой малости.

+ + +

В 1793 году 2 сентября преподобный прибыл в Тамбов, где 34 с лишним лет был рукоположен в иеромонахи. Таинство священства совершил над ним преосв. Феофил Тамбовский. Год продолжалось усердное служение в этом сане с ежедневным причащением Св. Таин. Скоро начинается и пустынножительство, с последовавшим затем затвором.

Дремучий, вековой сосновый бор, окружавший обитель, в которой «ангельски пожил» святой, как бы сам звал его для того, чтобы дать возможность до конца уйти в богомыслие, собрать свою личность для всецелой, ничем не прерываемой и не развлекаемой службы Богу, для непрерывного предстояния ему в дневной и ночной молитве.

Это была так называемая «дальняя пустынька» — небольшая келия-хижина в лесной глуши в верстах пяти от Саровской обители.

Отдавая почти все время молитве, остававшееся он посвящал труду в расположенном около «пустыньки» небольшом огороде, что давало ему возможность питаться исключительно от трудов рук своих, правда, в величайшей скудости. Впоследствии он, однако, перестал питаться и овощами, поддерживая свое существование одною травой — «снитью». Многие дни (в том числе каждую среду и пятницу) он вовсе оставался без пищи.

Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякой от нее помощи более двух лет с половиной. Братия удивлялась, недоумевая, чем мог питаться старец все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно скрывал свои подвиги от взоров людей. Но перед смертию, в разговоре 20 мая 1832 года с одною доверенной особой, которая тогда же и записала свою беседу, преп. Серафим открыл это, начавши так: «Ты знаешь снитку? Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы — славное выходит кушанье».

Молитвенный подвиг, бывший главным содержанием его отшельничества, имел в своем основании длинное и трудное правило св. Пахомия Великого. К нему присоединялось чтение Св. Писания, а также, как и раньше, святоотеческой, аскетической и житийной литературы.

Велико было совершенство, достигнутое преподобным в это время. Живя на земле, среди лесов и дебрей, в наше грешное время, он превращал пустыню «в рай сладости»... Благодатные токи исходившей от него святости осеняли не людей только, но и зверей. Многочисленные свидетельства из самых разнообразных источников все говорят за то, что отношение преподобного к зверям было совершенно особым, выходящим за пределы как дикой свирепой войны, так и рабского приручения. Совершалось какое-то частичное и временное возвращение в райское состояние. Звери, оставаясь дикими, никем и ничем как будто в своей свободе не ограничиваемые, тем не менее «добровольно» приходили к хижине подвижника, чтобы получить от него корку хлеба. Медведи, зайцы, волки, лисицы и прочее зверье прибегало и приползало к келье святого, окружало преподобного. Но не капкан и не оружие, не страдание и смерть — хлеб и ласку получали они от него. Старица Дивеевской обители матрона Плещеева сама видела, как преподобный Серафим из своих рук кормил пришедшего к нему медведя. Она свидетельствует:

«Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого старца: оно было радостно и светло, как у ангела».

Труден путь пустынножительства, тяжек этот подвиг. Неверно думают те, которые издали считают его легким, а то и праздным времяпрепровождением, мечтательством на досуге. Пустынножительство, как и вообще христианский подвиг, не идиллия, а трагедия.

И преподобному Серафиму пришлось испытать это на себе в полной мере — прежде всего в виде противоборства злых сил, которые до бесконечности разнообразят свой вид в зависимости от времени и места, стараясь где только возможно мешать росту добра. Мешали они как только могли и подвигу преп. Серафима.

...Подвижник был занят работой в лесу, недалеко от своей «пустыньки», когда подошли злодеи и стали требовать денег. Все возможности самообороны были в его руках: большая физическая сила, топор — этого было более чем достаточно, так как нападавших было всего двое. В ответ на требование денег и угрозы он опустил топор на землю, сложил крестообразно руки на груди и покорно отдался на их волю. Далее последовала расправа над безоружным пустынником. Его стали бить по голове обухом его же собственного топора. Кровь полилась у него изо рта и из ушей. Он упал на землю. После этого его принялись избивать поленом, топтать ногами; таща по земле и продолжая бить, приволокли к келье и там уже потерявшего сознание связали по рукам и ногам. Все было разломано, разбито, перерыто в убогом жилище пустынника. А единственным сокровищем преподобного была икона. Совершив злое дело, разбойники удалились, оставив подвижника избитым, израненным, истекающим кровью и связанным. Нападение произошло 12 сентября 1804 г., на 46-м году жизни преподобного. Это обстоятельство лишь на время прервало его пустынножительство. После недели жесточайших страданий, понесенных им от повреждений, признанных врачами смертельными, после недели мучительной бессонницы, опять, как и в дни его послушничества, удостоился он видения Божией Матери, пришедшей к нему в сопровождении ап. Петра и Иоанна с теми же словами: *«этот — нашего рода»*. Быстрое выздоровление при отсутствии медицинской помощи (святой отказался принять ее от приглашенных врачей) снова обличило истинную, подлинную реальность этого посещения.

Знаком жестокой борьбы со злом, из которой он вышел полным победителем, стала его сгорбленность от понесенных повреждений; получив их, он уже навсегда стал ходить согнувшись и постоянно опираясь на палку и свой рабочий топор либо мотыгу. Страдальческая сгорбленность «убогого Серафима» (так называл он себя) как бы, видимо, символизировала его смирение; последнее сказалось не только в мужественном и кротком перенесении «злостраданий» от насильников, но и в прощении их, в молитве за них (придя в себя после избиения, он первым долгом помолился за своих обидчиков) — в духе слов Христовых: «молитеся за обижающих вас» (Мф. V, 44). Мало того, он горячо заступился за злодеев, после того как спустя некоторое время они были случайно обнаружены.

Этою «жизнью во Христе», этим «облечением во Христа», кажется, была достигнута высшая мыслимая для человека ступень совершенства — во всех смыслах: целомудрие, бдение (т. е. непрерывная память о Боге), пост, непрестанная молитва, кротость, смирение, послушание, совершенное незлобие, наконец, и видимое, наружное возложение и ношение «язв Господа Иисуса Христа на теле» — по слову апостола.

Но для совершенства нет пределов, и изощренный в опыте духовности, как молния, озаряющий в глубине своей и чужой души взор подвижника видел ступени, по которым еще надлежало ему восходить.

Начинается столпнический период его жития. Днем на одном камне — ближе к «пустыньке», а ночью на другом — в самой гуще леса посреди пути между «пустынькой» и обителью, почти без перерыва, стоит он с поднятыми к небу руками.

Днем и ночью гудит вековой бор древнего Саракльча. Вслушаемся благоговейно в этот шум могучих сосен, и в вековечном гуле-стенании наше сердце уловит молитву мытаря, которую взывал преподобный: «Боже, милостив буде мне грешнику».

В 1807 году умер Саровский «строитель» о. Исаия. Вследствие решительного отказа преп. Серафима принять начальство над обителью его взял на себя о. Нифонт. Игумен этот, приятель темного лжемистика и прелестника, печальной памяти архимандрита Фотия, не любил саровского подвижника, завидовал ему и утеснял его самым недостойным образом в этот последний период жизни, период затвора и старчества. Он, очевидно, принадлежал к числу тех, которые считали старчество «опасным новшеством». Но всего печальнее были гонения, которым подвергался святой от братии монастыря. Преподобного донимали чем только могли; однажды, например, разобрали у него и испортили печь.

Он перестал выходить к посетителям своей «пустыньки». Если встречал кого-нибудь в лесу — падал лицом на землю и находился в таком положении, пока встреченный не удалялся. Так как к концу этого подвига он вследствие болезни ног не в состоянии был сам приносить себе из обители пищу, то ему приносил ее кто-нибудь из братии. Но ни слова не говорил он брату, приносившему из обители скудное питание (хлеб и капусту). Даже не благословлял пришедшего, про себя произнеся «аминь», когда последний давал о себе знать произнесением молитвы Иисусовой.

Молчание, как дознано всеми углубленно мыслящими и чувствующими, есть вообще одно из самых мощных средств устроения души и усовершенствования ее жизни. Христианство окончательно осмысливает его, придавая обретенным его помощью дарам полновесную положительную и абсолютную ценность.

Молчальничество продолжалось и в затворе — последнем подвиге святого.

Возвратился он 8 мая 1810 года, посетил больницу, выстоял Всенощную в Успенском соборе и раннюю Литургию на следующий день. Отстояв ее и взяв благословение у «строителя» о. Нифонта, преподобный затворился в келии, находившейся в братском корпусе. В это время ему шел 51-й год.

Затвор был очень суровым. Лишь изредка и случайно видел его кое-кто из братии. Уединение свое он не нарушил даже при посещении в 1815 году Саровской обители епископом Ионой — не вышел к нему. Образ жизни был также до крайности суров. Огонь горел только в лампадке перед единственной иконой, находившейся в его келии,— иконой Божией Матери «Умиление» (святой называл ее «Радость всех радостей»). Келия не отапливалась никогда, несмотря на то, что святой носил во всякое время года одну и ту же одежду с холщовым легким балахоном наверху, с уже известным нам медным Распятием, материнским благословением. Постели в келии не было, и спал он на мешках с камнем. Впрочем, вообще ложился он редко, а дремал обыкновенно сидя или на коленях ничком, и то недолго.

Сентябрь 1815 г. ознаменовался ослаблением затвора. Он благословил пришедших к его келии супругов Безобразовых — келейную дверь открыл. В это время посещать и видеть его могли все желающие. Но молчальничество все еще продолжалось. Вскоре, однако, он стал вступать в душеполезные и наставительные беседы с приходившими к нему за советами и поучениями членами братии.

+ + +

Этим он вступил на путь старчества, т. е. деятельного служения на духовную пользу ближним. Старчеством и закончилась земная жизнь подвижника.

Теперь ясными делаются смысл и цель этой святой жизни: достигнув непрестанными аскетическими трудами и суровой борьбой со злом исключительной близости к Богу, «сокрушив главы невидимых змеев», созрев для Царствия Божиего и Небесного, он в то же время стал близок по-новому и к людям. Получив власть над миром духовным, получил он ее и над миром материальным. Вместе с наставлениями и утешениями полился обильный ток чудесных исцелений и удивительных предсказаний и прозрений.

Первым был исцелен М. В. Мантуров еще за два года до полного открытия затвора. Болезнь была настолько сложная и безнадежная, что врачи отказались от него. Знаменуя болящего елеем, святой сказал: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую».

Это исцеление имело решающее значение в судьбе М. В. Мантурова. Исполняя послушание, возложенное на него преподобным, он принял добровольную нищету, отдав все свое состояние на храмостроение. Сестра его, Елена Васильевна, впоследствии стала замечательной подвижницей и прославилась своей кончиной по послушанию. Вообще вся семья Мантуровых как бы вошла в небесную область благодатного старца, в послушании ему найдя новую вечную и блаженную жизнь.

Многие тысячи народа из самых разнообразных слоев и состояний посещали теперь старца, который рассыпал им без конца сокровища подвигом добытого небесного клада. Надо здесь отметить еще одну особенность его старчества (и всякого другого подлинного старчества); особенность, которая тоже пропастью отделяет его от светского учительства. Всякий приходящий видел и чувствовал в нем не общее место святости, не благочестивую пропись (для этого достаточно и книги), а особое, к нему только обращенное и для него только существующее живое лицо. Старчество и состоит ведь в полноте духовного участия и в попрании, преодолении всякой прописи, всякой схемы, всякой самости, которая и приводит к безжизненной схеме. Идеальным старцем всех старцев является Сам Господь Иисус — как Прообраз, входящий в каждую личность. Ибо ведь по образу Христову она создана и, принимая Его, возрастает «в меру возраста Христова». Слова апостола Павла «уж не я живу, а живет во мне Христос» означают не подавление личности, а, наоборот, ее высочайший цвет, устранение общих мест, участие в одной из живых граней Абсолютной Личности. Христос Старец есть Христос Творец. И образ Его отношения к человеку можно усмотреть в насыщении немногими хлебами тысяч и особенно в таинстве Евхаристии.

Преподобного Серафима знают кротким, радостным, вдумчиво-задушевным, всегда христосующимся, всем говорящим «радость моя», знают его как подающего мудрые советы прозорливца и милостивого чудотворца, напоившего своей благодатной силой названный его именем источник. Это именование «радостью» и «сокровищем» не есть только выражение общей радости просветленного подвигом духа: для преп. Серафима в этот период его жизни открывался образ Божий в каждом человеке, и этот образ был для него действительно подлинной «радостью о Господе». Такова настоящая христианская любовь.

Но редко вспоминают, а еще реже задумываются над тем, каким тяжким крестным путем достиг святой этого «убеления паче снега». Целая долгая жизнь превышающих всякие силы человеческие подвигов, но зато и стяжание сокровища выше всех земных мерок. Святое и божественное происхождение чудного дара было удостоверено 25 марта 1832 г. последним и славным явлением Божией Матери наяву в присутствии благочестивой свидетельницы этого страшного и нес-

лыханного события, старицы Дивневского монастыря Евпраксии (умершей в 1865 г.).

Шли года́, и преподобный стал приближаться к концу своего земного пути. Все более и более просветляясь духом, он изнемогал телесно. По поводу постигавших его в это время многочисленных неприятностей и огорчений он однажды сказал: «Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни».

Уже давно в сенцах его келии стоял сработанный им самим дубовый гроб-колода. Теперь он около него стал часто предаваться молитвенным размышлениям. Думы о часе смертном часто сопровождались горькими слезами. Приемы сократились и стали реже. Со многими из своих почитателей он, расставаясь, стал прощаться навсегда. Некоторым из братии он говорил многознаменательные слова: «Жизнь моя сокращается, духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

Оканчивался декабрь 1832 года; это были последние дни праведника. Они ознаменовались двумя чудесными самовозжениями лампады перед иконою Божией Матери в его келии и предсказанием братии, что кончина «откроется пожаром». Наступило 1 января 1833 г.— канун его кончины. Праведник отстоял в больничной церкви раннюю Литургию и причастился св. Тайн.

Приложившись к Распятию, к иконе Божией Матери и обойдя вокруг престола, святой удалился в свою келию. Приближались последние часы. Из келии преподобного доносились пасхальные песни.

Рано утром 2 января 1833 года, обеспокоенные дымом, пробивавшимся из щелей запертой двери келии преподобного, и полным безмолвием, монах Павел и послушник Аникита сорвали дверь с крючка. Тлевшие от упавшей свечи вещи были сейчас же потушены снегом.

Когда внесли свечу — увидели преподобного, стоящего на коленях перед иконой «Умиления» Божией Матери со сложенными крестообразно руками. Глаза почившего праведника были закрыты; выражение лица полно молитвенного покоя.

Все возраставшая высота духовного подъема заключалась этой блаженной, славной и радостной кончиной, к которой в полной мере своего значения могут быть отнесены наименования «успения» и «преставления».

К такой кончине надлежит относиться с такой же, если не большею радостью, как и к земному рождению, потому что оно есть действительное рождение в свет незаходящего солнца, начало «невечереющего дня».

«Когда меня не станет — вы ко мне на гробик ходите! Как вам время, вы и идите — и чем чаще, тем лучше. Все, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне да все горе с собой-то и принесите на мой гробик! Припав к земле, как живому, все и расскажите, и услышу я вас, вся скорбь ваша отлетит и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть и буду вовеки!»

■

НАКОПИЛИ...

ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ, И НАКОПИЛИ ОНИ БОГАТСТВО. БОГАТСТВО?

Фото ЕВГЕНИЯ КАШИРИНА

F. Mühlbach

ОЛЕГ КАЛУГИН

перерождение

«Население должно знать, что в ВЧК оно встретит самую живую отзывчивость к каждому делу, где попрана справедливость, где совершено или готовится совершение преступления».
(Из воззвания ВЧК к населению Москвы в марте 1918 года.)

С выходом книги Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему» на литературной и издательской карте страны появилось новое название: ПИК. Исходно, по изначальному смыслу — аббревиатура, означавшая: писатели и кооператоры. В метафорически расширительном, образном значении — горная вершина, самая высокая точка развития, движения, полета, момент наивысшего напряжения духовных сил, гражданских страстей. И еще — пик жизни, пик удачи, даже час пик. На то и образ, чтобы толковать его многозначно...

ПИК — издательство независимое, никому, кроме собственного правления, руководимого писателем Александром Рекемчуком, не подчиненное и не подотчетное. К конструктивной идее его создания одновременно пришли два встречных движения, обостренно почувствовавших назревшую потребность в таком издательстве: писатели, входящие в ассоциацию «Апрель», и представители Союза объединенных кооперативов, возглавляемого народным депутатом СССР, академиком ВАСХНИЛ В. А. Тихоновым.

По замыслу устроителей, став твердо на ноги, ПИК будет издавать до ста книг в год. Новинки советской прозы, поэзии, публицистики и современной зарубежной литературы, бестселлеры мирового книжного рынка. Литературу русского зарубежья и библиотеку возвращенной литературы: изъятых, запрещенных, репрессированных произведений русской и других литератур народов Советского Союза. Стотомную библиотеку лауреатов Нобелевской премии и библиотеку классической и современной, русской и зарубежной философии, отечественной и мировой истории. Замыслы, что и говорить, грандиозные. Но ведь и название, взятое издательством, обязывает...

«Исповедь на заданную тему» — первая книга ПИКа. Она же положила начало оригинальной серии, которая сложилась в потоке продукции, намеченной к изданию на конец 1990-го — 1991 год. Речь идет о «депутатской» серии книг, посвященных актуальным проблемам политики и экономики, истории культуры, современному состоянию национальных отношений и опыту парламентаризма. Их авторы — широко известные общественные деятели и признанные ученые, народные депутаты СССР Юрий Афанасьев, Олег Калугин, Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Сергей Станкевич, Галина Старовойтова, Владимир Тихонов.

Часть этих книг уже готова к производству. Среди них и книга народного депутата СССР О. Калугина «Вид с Лубянки», одна из глав которой (в сокращении, в авторской редакции) предлагается вниманию читателей журнала «Родина».

ВАЛЕНТИН ОСКОЦКИЙ,
главный редактор издательства ПИК

Кажется, Наполеону приписывают хлесткие, как пощечина, слова: «Революцию замышляют герои, делают дураки, а плодами ее пользуются сволочи».

Эта эпатирующая характеристика глубинного среза революционного процесса не выглядит старомодной, с какой бы исторической колокольни мы ее ни рассматривали.

Независимо от нашего отношения к Ленину сегодня многие согласятся, что он и его когорта принадлежали к числу героев, озаренных великой мечтой о всемирном братстве. Бессребреники, они были разными людьми, но их объединяла искренняя вера в посюсторонний рай, страстное желание сделать сказку былью. Их коммунистический идеал — царство свободы, справедливости и разума — вырос на почве европейской философии, но он же нес на себе глубокую печать библейских пророчеств о неминуемом пришествии Спасителя и грядущем Избавлении...

В конце 70-х годов на одном ведомственном юбилейном торжестве, при весьма узком составе участников, Ю. Андропов выступил с речью, в которой, в частности, сказал: «Это великое счастье, товарищи, что партию нашу и государство возглавляет Леонид Ильич Брежнев». Слова эти не предназначались для публикации, и, вполне возможно, председатель КГБ был искренен в своем откровенном признании в любви к увядавшему лидеру, тем более что уже после его смерти на Пленуме ЦК Андропов славословил усопшего в не менее красочных выражениях.

Думается, Андропову было за что хвалить Леонида Ильича: при нем, с его благословения органы госбезопасности полностью отреставрировали механизм подавления, частично демонтированный Хрущевым; при нем они не только восстановили утраченные после XX съезда позиции, но и набрали огромную силу и влияние, выходившие за рамки их официального статуса; при нем КГБ получил щедрые ассигнования, позволившие перевооружить и заново оснастить технические службы, возвести десятки новых административных зданий в Москве и на периферии. Как из рога изобилия на сотрудников КГБ посыпались ордена и медали.

Сам Андропов был мастером компромисса. Он остро чувствовал конъюнктуру и попеременно выступал в роли то либерала, то консерватора. Он мог поддержать товстоноговского «Балалайкина и К°», когда спектакль был на грани запрета, но он же выступил за лишение гражданства Ю. Любимова, когда тот не подчинился диктату надсмотрщиков от культуры. Андропов был против ввода советских войск в Афганистан, но он стал одним из главных организаторов афганской авантюры, и вклад его ведомства в затянувшуюся на многие годы трагедию не менее весом, чем боевые действия на чужой территории так называемого «ограниченного контингента». Андропов был против физического уничтожения политических оппонентов, но он довел до совершенства аппарат политического сыска, сделавшего моральный террор нормой.

При Андропове органы КГБ проникли практически во все поры нашего общественного организма.

Особенно пагубную роль сыграло некомпетентное вмешательство КГБ в дела культуры, искусства, науки, религии, спорта. Под предлогом «защиты советской интеллигенции от подрывных акций спецслужб противника и находящихся на их содержании центров идеологической диверсии» органы госбезопасности проводили тотальную проверку на предмет выявления лояльности к Советской власти тысяч работников умственного труда.

Поводом для таких проверок служили доносы о критических высказываниях в адрес отдельных руководителей или порядков, царивших в наших ведомствах, сетования по поводу житейской неустроенности, ограничений на выезд, дискриминации при приеме на работу.

Не любивший читать «литератор» Брежнев ослабил железную хватку и контроль над духовной жизнью общества, но заведенный однажды механизм тайного надзора за потенциальными смутьянами продолжал по инерции безотказно действовать.

Думается, не только страх перед вольномыслием побуждал КГБ бесцеремонно вторгаться в частную жизнь многих ученых и писателей, музыкантов и художников, спортсменов и служителей церкви.

Наша печать писала о «культе посредственности», который складывался в стране в семидесятые — начале восьмидесятых годов, когда на руководящие посты выдвигались по принципу личной преданности и оттеснялись люди со способностями и собственным мнением, политическими, деловыми, моральными качествами руководителя.

Эти «баловни судьбы» редко интересовались политическими убеждениями интеллектуальной элиты. Их раздражали независимость, отчужденность недоступной их пониманию среды, всегда сторонившейся пылких объятий аппарата. С помощью же КГБ они как бы проникали в творческую лабораторию и личную жизнь художника, приобщались к его таланту и возвышали тем самым свое «я». Они испытывали немалое удовлетворение, если «звезда» мировой величины вдруг оказывалась на уровне их представлений о порочной природе человека («Он такой же, как все!»). Еще бы, разве не щекочут нервы подробности любовной связи знаменитого поэта с журналисткой из Мексики или роман не менее знаменитой балерины с итальянским актером!

Одним из неизбежных последствий непомерного роста влияния госбезопасности стало болезненное, почти параноидальное пристрастие нашей бюрократии к секретности. За два десятилетия, предшествовавших перестройке, инстанциями с подачи КГБ было принято несколько постановлений об ужесточении режима секретности в стране. Под грифом «совершенно секретно» шли практически все документы партаппарата, начиная от проектов резолюций партийных пленумов и конференций и кончая решениями о местах и времени проведения субботников.

В ведомствах один за другим создавались режимные отделы и управления. Под предлогом секретности зачастую скрывались серьезные провалы в работе, разгильдяйство, некомпетентность, расточительство. Для усиления режима безопасности на границе у колхозников были изъяты сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Яхты и парусники перестали бороздить морские просторы. Пропускная система превратилась в абсурд, когда проход в гостиницу приравняли к посещению военного объекта.

Унизительная процедура ограничений и запретов господствовала во всем, что было связано с выездом советских граждан за рубеж. В собственной стране советские служащие имели право встречаться с иностранцами только вдвоем. Побывавшие в гостях у иностранцев не могли ответить взаимностью у себя дома.

Что бы ни говорили сегодня об Андропове его апологеты, он никогда не был демократом. При нем общество жило в атмосфере запуганности внешним врагом, шпиономании, подозрительности в отношении каждого, кто вел себя неординарно, выделялся своими суждениями и внешним видом. Маразм достиг апогея, когда истребители ПВО расстреляли пассажирский авиалайнер, заподозренный в шпионских намерениях, а на улицах начали отлавливать граждан, выбежавших в рабочее время купить кусок колбасы в магазине. Страна приближалась к последней черте.

И вот грянула перестройка. Значение ее для раскрепощения духа народа огромно, может быть, в чем-то сравнимо с февралем 1917 года, именно с февралем, потому что он не решил до конца вопрос о народовластии, не обеспечил перелома в экономике, породил нетерпение и новые антагонизмы. Но февральская революция разогнала царскую охранку, освободила людей от страха, открыла невиданный в России простор для плюрализма политических мнений и течений.

Наша перестройка началась неспешно. На первых порах ее руководители говорили скорее о преемственности, чем о разрыве с прошлым. Это потом она набрала скорость, приобрела звонкий голос. Но вот уже позади пять лет, налицо признаки растущей озлобленности, апатии, безверия. Призраки прошлого, инерция покоя и окостеневшие структуры по-прежнему довлеют над нами, тянут назад, в трясину застоя.

На пятом году перестройки на свет проклюнулся и КГБ. А в последние шесть месяцев он стал заявлять о себе как никогда громко. Дня не проходит, чтобы то там, то здесь не появилась статейка о славных чекистских делах. Тут и иконы, и антиквариат, и наркотики. Где-то в Череповце захватили 16-летнего рэкетира, в Караганде совместными усилиями с милицией задержали главаря банды, у которого обнаружили 264 бутылки водки и приспособления, необходимые для производства хмельного зелья. Каким-то боком чекисты попали в аферу с АНТом, хотя неясно, были они его спонсорами или душителями. Открыли подъезд на Лубянке для встреч прессы с любезным генералом Карбаиновым, который осенью прошлого года честно признался телезрителям в программе «Резонанс», что КГБ не имел отношения ни к «психушкам», ни к преследованиям кришнаитов. Не скупятся на интервью и высшие руководители КГБ, выступающие ныне за общечеловеческие ценности, ради которых они не жалеют живота.

Новый облик КГБ, столь усердно навязываемый обывателю, как-то не вяжется с поразительной скромностью госбезопасности в освещении кровавых событий в Сумгаите, НКАО, Тбилиси, Баку, Фрунзе. Чем занимались там армия и войска МВД, известно всем, а какую роль играли органы КГБ?

Судя по мелькнувшему в печати сообщению, накануне тбилисской расправы в апреле прошлого года в грузинскую столицу прибыл специальный отряд КГБ из Москвы. Неужели эти люди занимались лишь скрытой киносъемкой бойни на площади?

Как ни странно, это было, кажется, единственное упоминание о каком-либо участии КГБ в конфликтной ситуации. А ведь стране гораздо важнее знать не о карагандинских самогонщиках и московских проститутках, а о том, насколько надежно жизнь ее граждан, равно как и стабильность в обществе, обеспечивается организацией, не устающей рекламировать свои добродетели.

Невольно закрадывается мысль: а не перепрофилировал ли КГБ свою основную деятельность, не занимается ли и он конверсией?

Плакальщики по «твердой руке», не желающие поступаться принципами, могут спать спокойно.

Великий англичанин Джонатан Свифт писал почти триста лет назад: «Люди, в течение продолжительного времени привыкшие к притеснениям, постепенно утрачивают самое понятие о свободе... Отсюда проистекает и слабость духа, которой могут быть подвержены как целые государства, так и отдельные лица».

Как и во времена самой жестокой диктатуры, мы живем в государстве, напоминающем огромный лагерь, на тысячи километров опоясанный колючей проволокой. На 73-м году Советской власти численность наших славных пограничников, по официальным данным, в семь раз выше, чем в начале 30-х годов, когда Советский Союз находился во враждебном окружении в единственном числе. Внутренние войска, приписанные к ОГПУ, составляли тогда 17 тысяч штыков, и это спустя десять лет после гражданской войны, а ныне МВД подтягивает свои войска к 500-тысячной планке.

Едва ли многим известно, что количество милиционеров в Москве и Ленинграде превышает численность полиции во всей Итальянской республике — одной из самых сложных стран в Европе с криминогенной точки зрения. Кстати, численность полиции в Нью-Йорке, огромном многонациональном конгломерате, составляет лишь 28 тысяч человек, а вместе с органами ФБР — около 30 тысяч. У нас же, как сообщалось недавно в «Правде», более 20 тысяч милиционеров ежедневно дежурит в торговых точках, продающих спиртное.

Что касается собственно КГБ, то это особый разговор. Штатное расписание оперативного и технического персонала органов и войск КГБ пока остается государственной тайной, хотя в части, касающейся пограничников, хватило кивка согласия М. Горбачева, чтобы председатель КГБ Крючков огласил бывшую дотоле секретной цифру на заседании Верховного Совета СССР. Известно тем не менее, что численность органов госбезопасности далеко превзошла довоенный уровень.

Равнение на США как на главную державу капиталистического мира сыграло немалую роль в разбухании аппарата органов КГБ. Чтобы убедить вышестоящие инстанции в необходимости увеличения численности КГБ, делались ссылки на опубликованные в США данные, раскрывающие суммарную стоимость содержания всех разведывательных и контрразведывательных служб (свыше 20 миллиардов долларов в год) и общее количество работающих в них военных и гражданских лиц (около 200 тысяч). По понятным причинам никто не желал расшифровывать эти цифры, ибо тогда выяснилось бы, что 3/4 так называемых сотрудников спецслужб — это солдаты, матросы и вольнонаемные, разбросанные по всему свету — от Австралии до Гренландии и обслуживающие технические средства перехвата в воздушной, морской и космической средах, что соотношение специалистов и технических служащих в отличие от нас составляет примерно 50 на 50, что на аналитической работе в западных спецслужбах занято во много раз больше людей, чем у нас, что, наконец, «их» зарплата минимум в пять раз больше нашей и соответственно содержание «их» аппарата на порядок выше нашего.

Штатным излишествам в КГБ и других правоохранительных органах, несомненно, способствовали и соображения внутреннего порядка. Они базируются на ложной посылке, согласно которой борьба с противником и преступностью зависит главным образом от численности и материальной оснащенности органов, а не от прогресса в экономической и социальной областях, в укреплении правовой и общей культуры населения.

В последнее время усилились разговоры о необходимости реформ в КГБ. Подготовлен законопроект по этому поводу, но из него следует, что КГБ полностью сохраняет свою структуру и функции в том виде, в каком они существовали и пять, и двадцать лет назад.

Впрочем, для рядового гражданина закон о госбезопасности — это кот в мешке. Он чувствует на собственной шкуре, всем своим нутром, что всесилию органов не видно конца. И действительно, основа, содержание работы, дух этих органов сохранились в первозданном виде до наших дней. Во многом они заимствованы из арсенала царской охранки, ее документов и наставлений. Это политический сыск, борьба с инакомыслием. Если говорить точнее, это вербовка агентуры в стане политических противников; это засылка в их ряды своей агентуры из числа симпатизирующих и сочувствующих; это дискредитация активистов движения; это нейтрализация движения в целом и его разложение как конечная цель, как конечный итог всей деятельности.

Если кто-то думает, что новое лицо КГБ проявляется в его участии в борьбе с организованной преступностью, он ошибается.

Структуры КГБ не приспособлены к этой работе, а наспех созданные подразделения не знают материи, которой им надо заниматься.

Вот почему сегодня органы в какой-то мере деморализованы. Представьте себе ситуацию: партия 70 лет неустанно обновляла лозунг о борьбе с международным империализмом. ВЧК, НКВД, КГБ расшифровывали это как борьбу с иностранными спецслужбами, враждебной эмиграцией, троцкистами, маоистами, масонами, клерикалами, «Радио Свобода», другими организациями и группами — в зависимости от капризов, причуд и грамотности наших партийных руководителей.

Сегодня партия отбросила многие обветшалые лозунги, провозгласила примат общечеловеческих ценностей. Так что же делать в этой ситуации организации, которая десятилетиями занималась определенными объектами и манипулировала огромным контингентом внутри страны и за границей? Чем ей заниматься? «Радио Свобода», представителей которой мы приглашаем сегодня в Москву? Ватиканом, куда мы посадили своего посла? Контршпионажем, если господин Колби, бывший директор ЦРУ, сейчас обсуждает в столице СССР проблемы взаимодействия между спецслужбами СССР и Соединенных Штатов?

Как и в сталинско-брежневские времена, рука и тень КГБ присутствуют всюду.

Его аппарат помощников и поныне действует во всех эшелонах власти, во всех сферах жизни общества, от академиков до милиционеров, от Священного Синода до спортсменов, от военачальников до музыкантов и литературных критиков.

Да, сегодня не сажают за политические анекдоты, не расстреливают по сфабрикованным «компроматам», но убить репутацию человека, лишить доверия в глазах вышестоящих и уважения в глазах окружающих, обрезать ему возможность продвижения по службе или уволить чужими руками под благовидным предлогом и проделать все это тайно и безнаказанно, рядясь в случае чего в одежды некоего «компетентного органа»,— это КГБ может, и даже очень может. Для этого достаточно пустить в ход набор привычных, заимствованных у предшественников отмычек: составить «черные списки» связей облюбованного объекта травли, через них с помощью платных и идейных помощников распространить слух о его профессиональной непригодности или психической неустойчивости, подозрительных на шпионаж контактах с иностранцами и симпатиях к сомнительным инородцам, нелояльных высказываниях о перестройке и первом секретаре обкома, наличии у него любовницы или постыдной перверсии, запойного пьянства или баловства с наркотиками. Для пущей убедительности можно устроить скандал в гостинице или на улице, доставить нечестивца в милицию в «состоянии алкогольного опьянения» или с подсунутой марихуаной в кармане, направить анонимку в партком от группы «возмущенных рабочих» или подготовить пасквиль для послушной газеты.

КГБ до сих пор сохраняет поразительную способность плодить недругов своей собственной организации и, что еще хуже, Советской власти. Делается это, конечно, не по злому умыслу, как не делают умышленно рецидивистов в исправительно-трудовых учреждениях МВД. Такова система, сложившаяся психология ее хранителей.

Дух этой системы хорошо выразил начальник КГБ по Белгородской области генерал Власов. «Я умру, но не допущу прихода к власти Демократической платформы»,— заявил он во время кампании по выборам делегатов на XXVIII съезд КПСС.

При таком подходе к перестройке попробуйте развернуть наше общество и партию в том направлении, о котором многократно говорил Горбачев, но которое фактически на каждом шагу искривляется его оппонентами.

Иезуитство, которое характерно для наших высших кругов, как в зеркале отражается и в деятельности КГБ. Сколько было сказано слов с трибун, причем руководителями Комитета госбезопасности, о том, что у нас не ведут досье на советских граждан, что у нас не практикуется подслушивание. Тем не менее Верховный Совет принимает закон о подслушивании. О чем речь? Ведь нет никакого подслушивания, зачем этот вопрос обсуждается в Верховном Совете? Это же абсурд. Но мы продолжаем жить в этом абсурде.

Посмотрите на недавнее сообщение Прокуратуры СССР, в котором Гдляна, Иванова и примкнувшую к ним Корягину обвиняют в том, что они распространяют слухи о пороках партийного руководства и лично Горбачева. Прокуратура торжественно объявила, что произведенной проверкой в КГБ и МВД никаких предосудительных материалов о руководстве не обнаружено. Такая информация рассчитана на простаков. По Инструкции ЦК партии ни один правоохранительный орган не имеет права собирать, накапливать и хранить какие-либо негативные материалы о номенклатурных лицах в партийных и советских органах. Неприкрытая ложь сквозит и в словах генерала Карбаинова, который заявил в телепрограмме «Резонанс», глядя честными глазами на миллионы зрителей, что КГБ не имеет никакого отношения ни к психиатрическим больницам, ни к преследованию кришнаитов. Недавно автору этих строк пришлось побывать у заместителя председателя КГБ, начальника контрразведки. На эту должность он пришел в шестьдесят с лишним лет, никогда ранее не работая в контрразведке, но время еще есть — научится. Так вот он предупредил с вежливой и приятной улыбкой, что когда сам автор будет пытаться выйти со своими мыслями из стен КГБ, не подумает ли окружение, что у него не все в порядке с головой. Вот она, психология сегодняшних руководителей, которые не отрешились от старых методов и приемов, которые готовы распространять любую ложь, дискредитировать любого, кто ведет себя не так, как бы хотелось КГБ или партийной верхушке.

Андрей Дмитриевич Сахаров както сказал, что КГБ — единственная организация, которую почти не затронула коррупция.

Действительно, у нашего населения сложился определенный стереотип блюстителя порядка — милиционера-мздоимца, пособника уголовных преступлений.

Действительно, взяточничество и подобные ему правонарушения не характерны для КГБ. Но самое страшное другое. В последнее десятилетие органы КГБ породили в собственной среде целую «плеяду» изменников Родины — перебежчиков и шпионов, составляющих львиную долю всех осужденных по подобного рода делам лиц. Такого позора чекистская история не знала.

Было бы несправедливо возлагать вину за происшедшее целиком на КГБ. Как и армия, органы госбезопасности — плоть от плоти народа, они же носители всех достоинств и пороков нашего поколения. Им не чужды благородство помыслов и беспримерное ханжество, неоглядная смелость и холопское послушание, беспредельная преданность и самое низкое предательство. Но в отличие от армии и МВД комплектование офицерского корпуса КГБ предполагает особо тщательную селекцию, благословление партийных пастырей, их неустанный контроль за поведением своих питомцев.

На деле все это оказалось фикцией. На деле КГБ с тех пор, как он попал под крыло Председателя — члена Политбюро, оказался вне контроля. Отсюда безответственность, вседозволенность и преступления.

Стране нужен критический, откровенный и открытый анализ деятельности КГБ в недалеком прошлом и трезвое осмысление того, с чем имеет дело наше общество сегодня.

Нужны, наконец, политическая воля и искренняя вера в народовластие, чтобы передать щит и меч революции из рук партократии избранникам народа, инкорпорировать КГБ в правовую систему государства на паритетных началах с другими правоохранительными органами.

До тех пор, пока это не сделано, призрак тайной силы, способной в любой момент вернуть страну в прошлое, будет витать над обществом, вселять страх в души людей, на долгие годы отдалять их освобождение от крепостных пут казарменного социализма.

Фото Александра Бомзы

РУБРИКУ ВЕДЕТ
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
ВЛАДИМИР НИКИТИН

Фотографъ К. К. БУЛЛА

ГОРОД ФОТОКОРОЛЕЙ

«Между различными особенностями Петербурга бросается прежде всего множество вывесок фотографических заведений на всех больших улицах. На одном Невском проспекте по крайней мере до двадцати фотографических заведений... Все дома увешаны фотографическими портретами в различных живописных позах, и беспрестанно еще открываются фотографические заведения. Должно быть, выгодное ремесло!» — писал журнал «Современник» в 1858 году.

Действительно, город на Неве был не только столицей России, но и ее крупнейшим фотоцентром.

Сегодня трудно с уверенностью назвать владельца самого первого петербургского фотоателье, но, судя по утверждению замечательного русского фотомастера С. Л. Левицкого (1819—1898), это были литографы Давиньон и Фоконье, открывшие в 1840 году на Никольской улице, неподалеку от Мариинского театра, «дагерротипное заведение». Судьба Фоконье неизвестна, а вот Давиньон вошел в историю русской культуры. В 1845 году он сделал в Сибири несколько уникальных снимков — это были портреты ссыльных декабристов.

В 1897 году, по данным «Правительственного вестника», в столице было зарегистрировано 89 ателье. На самом деле их насчитывалось еще больше. К началу первой мировой войны количество фотосалонов в Петербурге достигло двухсот.

Как же выглядело фотографическое заведение?

Это был или отдельный павильон, или обширное помещение на последнем этаже жилого дома. Съемка велась исключительно при дневном освещении, и поэтому фотографы забирались поближе к свету. Крыша и одна из стен съемочного павильона были стеклянными. Освещение регулировалось занавесками.

В центре павильона стояло несколько фотокамер разного размера. Они изготавливались из дорогих пород дерева и водружались на причудливой формы штативы, украшенные резьбой.

Огромную роль в создании композиции играла мебель — всевозможные кресла, тумбочки, подставки, этажерки, фрагменты балюстрад, небольшие колонны и прочие аксессуары. Особо стоит сказать о рисованных задниках — неотъемлемой части любого фотопавильона. Архитектурные и парковые ансамбли изображались с таким мастерством и достоверностью, что порой было невозможно понять, сделан снимок в старинном замке, беседке заброшенного сада или же в павильоне фотографа.

Правда, некоторые фотомастера старались избегать излишнего декорирования павильонов, используя лишь кресла и драпировку. Так снимал, в частности, профессиональный живописец, выпускник Академии художеств Генрих (Андрей) Иванович Деньер (1820—1892). Он одним из первых стал тиражировать портреты выдающихся лиц, издавая своеобразные фотографические

А. Герцен

Александр II

Фотограф С. Левицкий

подборки. Одно время у него работал в качестве ретушера живописец И. Н. Крамской.

Павильон Деньера, расположенный в мансарде дома 19 по Невскому проспекту, был местом частых встреч фотографической общественности столицы. Сюда приходили известные мастера — члены V отдела Императорского русского технического общества.

Обычно в фотоателье работали два-три человека, но иногда там трудились и десятки специалистов: фотографы, художники-декораторы, ретушеры, окантовщики, переплетчики, химики.

Со временем каждое заведение стало специализироваться на своем жанре: одни занимались портретной или бытовой съемкой, другие запечатлевали военные парады, третьи специализировались на съемках актеров, тиражируя фотоспособом портреты кумиров публики и делая на этом порядочные барыши.

Фотографии изготовлялись строго определенных размеров, которые определялись величиной негатива. Но это не были сегодняшние протокольные «9 на 12» или «13 на 18». Старые названия звучали как музыка: миньон, бижу, визитный формат, малый американский, кабинетный (или альбомный), променадный, будуарный, салонный.

Каждому формату соответствовало свое паспорту (картонная подклейка). Его изготовляли из высококачественного картона, с ажурным тиснением на лицевой стороне и типографическим оттиском на

обороте. Именно там указывались все звания и награды фотографов. Каких только не было титулов и знаков отличия! Скажем, знаменитый Константин Шапиро числился «фотографом Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича, фотографом Ея Императорского Высочества Великой Княгини Марии Павловны и фотографом Императорской Академии художеств». Владелица «Ателье Элен» Г. Мрозовская — фотографом «Императорского Университета». Были фотографы Эмира Бухарского, Герцога Сербского и даже Негуса Эфиопского. Король петербургских фоторепортеров Карл Карлович Булла среди прочих регалий носил «Крест румынской короны» и персидский орден «Льва и Солнца».

Не случайно высокие звания и награды раздавались фотохудожникам. Наши предки трепетно относились к искусству светописи. Фотографии наравне с картинами и эстампами становились украшением интерьеров: их тщательно окантовывали и развешивали на стенах, для них изготавливали всевозможные подставки и этажерки, изящные футляры.

С усовершенствованием техники, упрощением процессов съемки и обработки фотография сделалась общедоступным занятием.

Это привело к снижению профессионального уровня работы фотоателье. Навсегда ушел в прошлое период, который называют «золотым веком фотографии».

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ СИДИТ ВЕСЬ

На песчаную полоску вдоль низкого берега набегают волны, хлюпает вода под просмоленными днищами длинных лодок. Впереди — серовато-белесый водный простор, сливающийся вдали с такого же цвета облаками. Позади — древний город.

Белое озеро. Белозерск...

Вспоминаются слова первого русского историка, монаха Нестора: «На Белеозере седять Весь». В «Повести временных лет» утверждается, что весь — исконные обитатели здешних мест: «А перьвии насельници в Новегороде Словене, в Полотьски Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома...»

Со времени, к которому относятся эти строки, минуло не менее тысячелетия. Теперь и вокруг Ростова, и на Белом озере, и на берегах Оки у Мурома живут только русские.

Что же стало с их предшественниками?

Считается, что вепсская народность сложилась в юго-восточной Прибалтике, между Рижским и Финским заливами, затем начала постепенно продвигаться на северо-восток и во второй половине первого тысячелетия нашей эры расселилась в Межозерье (сейчас — северо-запад России), где ее потомки живут и теперь.

До сих пор сохранились в этих краях предания о «чуди белоглазой» — светловолосом, низкорослом и скуластом племени, с которым пришлось повоевать соседям-славянам. По мнению этнографа конца XIX века В. Н. Майнова, в слове *«чудь»* соединились понятия о чужеплеменности и об удивлении перед чудищем, чудом, о странности, непонятности людей, живших в лесах, на болотах и озерах Севера. А может быть, предполагает ученый, и сами былинные *чудище* и *чудо-юдо* возникли не без влияния народа, не однажды бившегося с русскими.

Вот одно из преданий, которое рассказчик-вепс слышал от слепого странника: *«Давно, еще во времена Василия Темного и княжеских междоусобиц, вепсы... жили в пределах Новгородского княжества. Князья взымали с них большую дань. Тогда вепсы решили уйти из-под их влияния. Они пошли на Андомское побережье (южный берег Онежского озера). Князья Новгорода поняли, что вепсы будут им мешать теперь, когда они ушли из-под их влияния. И с помощью обещаний они сделали так, что вепсы решили вернуться на старые места. Под Каргополем их встретила княжеская дружина, чтобы полностью разгромить... На месте этого сражения остались многочисленные могильники. После этой княжеской милости вепсы пошли в леса Карелии. Они разгромили монастырь на Муромских островах, захватили... ладьи и переправились на западный берег Онежского озера, где они теперь живут».*

И сейчас в Карелии покажут приезжему Кинг-остров на Водлозере. Там, по легенде, были уничтожены в сражении остатки чудского войска. Место это считается у здешних жителей священным. Тут нельзя рубить лес, иначе убитая чудь вступится за свои права.

Вепсы издавна владели ремеслами — гончарным и бондарным, были большими мастерами в выделке седел, занимались лесозаготовками и лесосплавом. Поскольку жили в лесах и у водоемов, то особо почитали грозного водяного ведэ-хинне и лесного хозяина, лешего метцхинне.

Заболоченная земля давала мало хлеба, и постоянной пищей вепсов была репа. Собирали грибы, на праздники хозяйки готовили сень — вареные волнухи, поджаренные с толчеными конопляными семечками; пекли блины с рыбой, рыжиками, брусникой. С удовольствием пили репный квас, от которого приезжему приходилось хвататься за живот. А в нередкие голодные зимы спасались загустой — разведенной ячменной мукой.

Почти одновременно с русскими вепсы приняли православие, поэтому многие праздники у них те же, что у соседей: святки, Рождество, масленица. Более древние, языческие обычаи были связаны с важнейшими хозяйственными занятиями. Например, прежде чем впервые в новом году выгнать скотину на пастбище, хозяйка трижды обходила ее в хлеву с магическими предметами — топором, решетом, иконой и хлебом. Потом скот с помощью освященной вербы подгоняли к месту сбора и передавали пастуху. Тот, в свою очередь, обходил стадо, произнося собственный заговор. Летом и осенью были специальные «коровьи» и «лошадиные» праздники. На Покров совершали ритуал загона скота на зиму в хлева: обсыпание хлева зерном, жертвоприношения духам и скармливание скоту последнего в жатве снопа. Все эти магические языческие действия должны были помочь скоту успешно перезимовать...

Сейчас потомков чуди, или веси, уже не встретишь на Белом озере. Но к северо-западу от него, в вологодских лесах, а также на северо-востоке Ленинградской области и в Карелии, на юго-западном побережье Онежского озера сохранились вепсские деревни. С первого взгляда их не отличишь от соседних русских. Разве что дома стоят более скученно, без определенного плана. Так уж издавна повелось у этого народа: житье возле болот («На кочках да на кряжах живем»,— сетуют вепсы) заставляло хозяев теснее жаться друг к другу. Старожилы вспоминают: «Бывало, пойдешь в чужую деревню Христа славить, так по кадушкам замечаешь, в какой избе был, а в какой не был». Но со временем застройка вепсских селений стала более традиционной. Не всегда опознаешь их и по языку, напоминающему по звучанию карельский или эстонский. Еще в 30-х годах исследователи отмечали, что вепсский язык употребляется мало (разве что в загадках, пословицах, сказках, свадебных и похоронных причетах, заговорах), а теперь его и вовсе помнят почти одни старики.

Еще в конце прошлого столетия В. Н. Майнов утверждал: *«...пройдет немного времени, и обрусение, не вводимое здесь администрацией, а имеющее... жизненность, исходя прямо из народа, сделает огромные успехи, и через несколько десятилетий о приоятской (жившей на реке Оять.—* **Ред.)** *чуди будут жить лишь одни воспоминания».* Действительно, все меньше остается уголков, где вепсы сохраняют национальную самобытность. Там, где они окончательно обрусели, местные жители считают, что «чудь в землю ушла, живьем закопалась».

По подсчетам специалистов, вепсов было в 1877 году 25 тысяч, в 1894-м — около 20 тысяч, а по переписи 1989 года — примерно 12 тысяч человек. Небольшой народ исчезает, растворяясь в соседнем — русском. Особенно часто записываются русскими горожане. Правда, последнее время быстрая ассимиляция стала тревожить самих вепсов, и начался обратный процесс — возвращение к языку, культуре, традициям. Именно поэтому последняя перепись показала некоторый рост численности народа по сравнению с предыдущей. И вот уже в селе Винницы Ленинградской области, о котором еще перед войной говорили: «В Винницы пойдешь, язык наш оставь»,— состоялся в 1987 году первый вепсский фольклорный праздник.

Но понятно: чтобы возродился народ, мало вспомнить несколько песен и танцев, сшить национальные костюмы. Гораздо сложнее вновь научиться мирно и гармонично сосуществовать с природой, трудиться на благо себе и ей, как умели некогда вепсы. Слишком многое мешает сегодня хозяйствовать так, как было принято у древних жителей озерного северо-запада. Не сегодня и не вчера начался распад их традиционного уклада. Поразительно и горестно похожи слова, сказанные о вепсах В. Н. Майновым в 1877 году и вологодским писателем А. Петуховым в 1990-м, на 1-м Съезде народных депутатов РСФСР. Дореволюционный ученый писал: *«...теперь, когда «пришли последние времена»... когда нахлынули в Приоятские места торговцы из ни во что не верующего Петербурга, когда объявили «волю» — плохо стало житься на красивой Ояти, да и сама она потускнела, обмелела и будто сердится на род людской, что пробрался почти до самых верховьев ее, добывая деньги...*

Времени... чудину для добытка много, да в том только беда, что добыть-то можно немногое. Бьет он масло и развозит его по ярмаркам, бьет рябца и продает его скупщикам, ловит рыбу, да на свой обиход — нет еще на этот товар охотников, работает на лесных вырубках и на сплавах, кое-где на заводе приткнется; а на поверку все входит, что живет он на свете Божьем ради накопления на нем казенных и иных недоимок. Облик его всегда грустный, ходит он как-то неповоротливо, удали в нем и не ищи, даже инструмент свой народный «кантелет» совсем позабыл он и довольствуется кривою да прямою дудою; петь — не поет, а если и тянет семиверстную, то непременно русскую... А тут со всех сторон надвигается на него промышленная, ловкая, удалая новгородчина!.. Топор и невод, лесопромышленник и рыбопромышленник — вот орудия и деятели обрусения на красивой, исконно чудской р. Ояти».

Через сто с лишним лет А. Петухов рассказал о нынешнем положении своих соплеменников: *«...Вепсские поселения, пережившие чуму, холеру, нашествие литовцев, поляков, татаро-монгольских отрядов, не вынесли возникшего в последнее время равнодушия, безразличия к своей судьбе. И более пяти с половиной тысяч человек на моей родине вынуждены были уйти искать новые места для жизни. Это было не просто слияние колхозов, это была самоликвидация колхозов в поисках лучшей доли. И шестьдесят с лишним вепсских деревень бывшего Ошкинского района Вологодской области сегодня стоят пустыми.*

Наш регион компактного проживания был рассечен сначала границами на три больших района. Мы сейчас проживаем в Карелии, в Ленинградской, Вологодской областях. Но в этих трех регионах народ рассечен на семь районов, между районами нет решительно никакой связи. Иногда жители одной деревни не подозревают о том, что в соседней деревне, отстоящей на расстоянии всего лишь 15 километров, тоже живут вепсы...»

Да, не похоже, чтобы ситуация менялась к лучшему. Как вытесняли промышленники и торговцы коренных жителей с их земли, чтобы поскорей выжать из нее все соки, так и вытесняют по сей день. И беда эта не только вепсов, но и русских, финнов, карелов — всех, кого в прошлом веке давил хищник-предприниматель, а теперь изгоняют с насиженных мест бездушные ведомства. Хватит ли у сегодняшних вепсов и их ближайших соседей сил выстоять в этой борьбе?

СЕРГЕЙ САВОСКУЛ,
ЕВГЕНИЯ КАШТАНОВА

Фото Александра Бомзы

В облике Александра Александровича Зимина не было ничего от традиционного «жреца науки»: высокий, худой, долго остававшийся моложавым (когда я познакомился с ним, то сначала оторопел: этот мальчишка и есть Зимин?), быстрый и в движениях, и в работе. Вот он легко входит в читальный зал архива, целует ручки дамам, отводит в сторону кого-то из коллег — поделиться новостями, потом присаживается бочком на стул и, на первый взгляд не читая, а просматривая рукопись, делает неповторимо неразборчивым почерком какие-то косые пометки на разрозненных листках. А потом оказывается, что практически нет рукописи, содержащей материал по истории средневековой России, которую не изучил бы Зимин. Он был трудолюбив в точном, этимологическом значении этого слова: любил труд, никогда им не тяготился.

Диапазон научных интересов Зимина на редкость широк, его труды посвящены истории России с древнейших времен до конца XVII века; он изучал и экономику, и социальные отношения, и политическую борьбу, и идеологию, и культуру. Не раз говорил, что тот, кто иссле-

дует средневековье, не может быть только историком: приходится выступать в роли экономиста, юриста, филолога.

О чем бы ни писал Зимин, для него всегда была характерна высокая профессиональная культура труда. Все его книги и статьи основаны на солиднейшем фундаменте источников. Иногда, сделав остроумное и логически безупречное умозаключение относительно современных событий (порой даже на бытовом уровне), он, усмехаясь, объяснял: «Источниковедение».

Выходец из дворянской интеллигенции, Зимин предстает в своих трудах человеком, искренне сочувствующим русскому крестьянству, хотя и не обожествляющим его на манер новых почвенников. Не догма о классовой борьбе привлекала его к изучению судеб крестьян и холопов, а нравственное чувство. «Я — на стороне униженных и оскорбленных»,— говорил он не раз.

Зимин всегда с особым уважением относился к своим учителям и предшественникам. Может быть, поэтому его первые статьи и книги, вводившие в науку массу свежего материала, содержавшие интересные конкретные наблюдения, были тем не менее в основном традиционны — и по методике, и по выводам. Но дальше предстоял путь, противоположный обычному. С годами он становился не ретроградом, как это со многими случается в зрелости, а, напротив, все менее и менее традиционным исследователем. С возрастом к нему приходили бóльшая раскованность, независимость мысли. Он говорил, что сдирает с себя ослиную шкуру. И очень строго, по-моему, слишком строго судил свои ранние работы. Раз, услышав одно его несправедливо резкое суждение о самом себе, я возразил. Зимин помрачнел, кажется, даже обиделся и отчужденным голосом ответил: «Вероятно, у нас с вами разные точки отсчета».

Александр Александрович прожил по современным меркам недолгую жизнь: он умер в 1980 году, через три дня после своего шестидесятилетия. Но сделанного им хватило бы и на куда больший срок. В исследовании «Холопы на Руси» он рассмотрел институт рабства с древнейших времен до конца XV века; к книге примыкают многочисленные исследования о Киевской Руси и времени феодальной раздробленности. Монография «И. С. Пересветов и его современники» (докторская диссертация) посвящена русской общественной мысли XVI века. В нее вошла лишь часть огромного материала, собранного тогда еще совсем молодым, не достигшим сорокалетия ученым. До выхода книги Зимин подготовил к печати полный корпус сочинений Ивана Пересветова, выдающегося публициста середины XVI века, с тщательным текстологическим исследованием. Книга «Крупная феодальная вотчина в России» выросла из кандидатской диссертации, но, коренным образом переработанная, появилась лишь через три десятка лет после защиты. Здесь комплексно изучен один из крупнейших русских монастырей — Иосифо-Волоколамский: идеология руководителей, состав братии, земельные владения и хозяйства. Книга — лишь верхушка айсберга: ей предшествовали издания собранных Зиминым посланий Иосифа Волоцкого (совместно с Я. С. Лурье) и актов землевладения и хозяйства монастыря. Книга о становлении боярской аристократии — образец тонкого генеалогического исследования, включающего яркие портреты многих государственных деятелей России второй половины XV — первой трети XVI века.

Этапной для него была работа над книгой о «Слове о полку Игореве». Он не первый и не единственный усомнился, что «Слово...» написано в XII веке. Но прочие не решались ни обнародовать свои сомнения, ни потратить годы напряженного труда на серьезное исследование, сулившее лишь тернии без лавров. Зимин же считал важным открыто выступить со своей точкой зрения на «Слово...» как произведение XVIII века. Это было необходимо для утверждения мысли, что в науке нет запретных тем, нет источников, которые не могли бы быть подвергнуты критическому анализу. Работа потребовала от него огромного мужества. Но именно это преодоление страха дало ему силу уйти в своих последующих трудах от привычных стереотипов, а в последние годы, когда он был тяжело и неизлечимо болен, писать одну книгу за другой, не задумываясь, насколько «проходимо» выливающееся из-под пера, и не добиваться издания — не желая тратить то недолгое время, которое, он знал, было ему отпущено. Он хотел создать серию работ под общим названием «Россия на пороге Нового времени»[1]. Как говорил сам историк, «в ней синтезируются... представления о ходе русского исторического процесса примерно с 1425 по 1598 г., т. е. на протяжении более ста семидесяти лет... Все они объединены стремлением автора показать судьбы России и становление единой государственности... Читатель не найдет в этой серии какого-то единого авторского взгляда на то, что происходило в истории страны того времени. Эта серия книг лучше отражает эволюцию общих исторических представлений автора, которую он считает завершенной в «Витязе», последней книге по времени написания, но первой в их хронологическом ряду».

За десять лет, прошедших после кончины ученого, вышли в свет четыре его монографии, пятая — «Витязь на распутье» — готовится к печати. Но еще минимум три работы (исследования о «Русской правде», о «Слове...» и о русских исторических песнях) остаются неизданными.

При жизни Зимин по печальной российской традиции не был избалован официальным признанием (что, впрочем, его мало заботило). А сейчас? В США вышел объемистый том научных трудов, посвященный его памяти. «Чтения памяти А. А. Зимина», организованные в мае этого года в Москве Историко-архивным институтом и Институтом истории СССР, привлекли более ста участников из разных городов страны, из США, ФРГ, Франции, Польши.

Он часто повторял: плохой человек не может быть хорошим историком, потому что на основании собственного опыта будет искать лишь низменные мотивы действия людей прошлого. Думается, эта мысль даже шире: плохой человек не только не в состоянии бескорыстно служить истине (что всегда требует мужества), он не любит людей. Они для него лишь фигуры на шахматной доске, объект для абстрактной игры ума. Своим примером Зимин показал, какие плоды дает сочетание таланта, трудолюбия и горячего, неравнодушного сердца. Несмотря ни на что, он был счастливым человеком: хорошо делал то дело, которое любил, был окружен верными друзьями и преданными учениками. Он мог бы сказать о себе словами Пушкина: «Твой труд тебе награда, им ты дышишь».

ВЛАДИМИР КОБРИН,
доктор исторических наук

[1] Это «Витязь на распутье» (1425—1462), «Возрожденная Россия» (1480—1505), «Россия на подъеме» (1505—1533), «Избранная рада» (1533—1560), «Опричнина» (1561—1572), «Путь к власти» (1573—1598). Вышли в свет под другими названиями: «Россия на пороге Нового времени (М., 1972), «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960), «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964), «Россия в канун грозных потрясений» (М., 1986).

АЛЕКСАНДР ЗИМИН,
доктор исторических наук

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ *

Задумчивая фигура витязя на распутье, который не знает, какую судьбу себе избрать, удивительно точно передает состояние Руси накануне «великой замятни» второй четверти XV века. Это уже потом панегиристы разных родов внушили читателям, что все было ясно и предопределено. «Москве самим Богом было предназначено стать Третьим Римом»,— говорили одни. «Москва стала основой собирания Руси в силу целого ряда объективных, благоприятных для нее причин»,— поучающе разъясняли другие.

О первых — что и говорить! Хочешь верь, хочешь нет. А вот о вторых стоит. При ближайшем рассмотрении все их доводы оказываются презумпциями, частично заимствованными из общих исторических теорий, выработанных на совсем ином (как правило, западноевропейском) материале. Главная из них заключается в том, что создание прочного политического объединения земель должно было произойти вследствие определенных экономических предпосылок — например, в результате роста торговых связей. Указывалось еще на благоприятное географическое положение Москвы [1], и, наконец, отмечалась роль московских князей в общенациональной борьбе с татарами. Эти два объяснения не соответствуют действительности. Никаких «удобных» путей [2] в районе Москвы не существовало. Маленькая речушка Москва была всего-навсего внучкой Золушкой мощной Волги. Поэтому города по Волге (Галич, Ярославль, Кострома, Нижний) имели гораздо более удобное географическое (и торговое) положение.

Историки охотно говорят о Москве как этнографическом центре Великороссии или о центре сложения русской народности [3]. Но этногенетический процесс вряд ли плодотворно локализовать в одном городе с округою. Он происходил на всей территории Северо-Восточной Руси, и, скажем, роль Твери, Галича, Новгорода в этом процессе были равно значительными.

Москва не была и тем единственным райским уголком для тех, кто желал скрыться от татарских набегов, приводивших к запустению целых районов страны (таких, как Рязань). Место было небезопасное (татары не раз подходили к Москве, Владимиру, Коломне и запросто «перелезали» через Оку). Гораздо спокойнее чувствовали себя жители более западных (Тверь) или северных (Новгород) земель.

Не стала Москва и средоточием сил национального сопротивления татарам, несмотря на гром Куликовской победы. И. Д. Всеволжский, выклянчивая в Орде ярлык на великое княжение Василию II, которого он собирался сделать своим зятем, доказывал, что только воле татарского царя и распоряжению отца московского князя его подопечный обязан своей властью. Князь же Юрий искал великого княжения «духовною отца своего» [4]. Этим отцом был Дмитрий Донской, с именем которого связывали победу над татарами.

Тверь и Новгород в период смуты второй четверти XV в., блюдя собственные интересы, твердо придерживались позиции Понтия Пилата. В борьбе за Москву различных политических сил: «Новгородци не въступишася ни по одином». При этом новгородский летописец с горечью замечал, что русские князья «землю Рускую остаток истратиша, межи собою бранячися» [5]. Говоря о том, что новопоставленный митрополит Герасим не поехал «на Москву» осенью 1433 г., псковский летописец объяснял это тем, что «князи руския воюются и секутся о княжении великом на Руской земли» [6]. Но никто не властен над своей судьбой. Не прошло и полутора лет, как того же Герасима за измену сожгли на костре в Смоленске.

Даже «соколы» и «кречеты», и те были тогда не московскими, а белозерскими, ибо Задонщина неведомыми путями («неуготованными дорогами») из Рязани залетела в далекое Белоозеро, а не царственную Москву. Это уже потом, при сыне Василия Темного Иване III, в Москву свезены были умельцы-ремесленники,

* Публикуемый отрывок взят из одноименной работы А. А. Зимина, которая готовится к печати издательством «Мысль» и увидит свет в 1991 году.

вольнодумцы-«еретики» и архитектоны со всей земли Русской (как полоняники-ремесленники заполонили Сарай), и именно они-то и создавали шедевры русской культуры в конце XV в. Победитель торжествовал: супостаты были уничтожены, а их достояние — естественный трофей победителя.

Время произвола и насилия, «время замятное»[7] или «булгачное»[8] губило и те ростки нового права, которые создавались в покоях умудренных жизненным опытом митрополитов Киприана и Фотия и в избах великокняжеских администраторов. То, что после Двинской уставной наместничьей грамоты 1397 г. в Москве создали Белозерскую только в 1488 г., объясняется не превратностями судьбы, скрывавшей от нас опыты подобного рода на протяжении XV в., а суровым временем, не склонным поступаться своими страстями во имя каких-либо сдерживающих начал.

Если посмотреть на Русь не с «подмосковной» колокольни, а с общероссийского спутника, то картина соотношения сил будет следующей. Многочисленные государственные образования представляли три тенденции или силы поступательного развития. Новгород и Тверь (первая из них) богатели на транзитной торговле с Западом и Востоком. Как в торговле, так и в политике они балансировали между другими странами и землями.

Вторую силу составлял Север и отчасти Поволжье, точнее, Галич, Вятка, Углич и Устюг. Север во многом еще смотрел в далекое прошлое, грезил о золотых временах безвластия. В варварстве северян был один из источников их силы. Север и Поволжье этнически были не чисто русскими землями, а многонародными, имперскими. Кто знает, кого там жило больше — русских или пермяков, удмуртов или мари, чувашей или мордвы. Их язычество еще было достаточно сильно и враждебно казенному православию. И вместе с тем на Севере была одна ценность, которую не знала Москва,— это любовь к свободе.

Галичане в «сермягах» («в овчих шерьстех»)[9] составляли основную силу князя Юрия. Почти вся галицкая («мало не всю») «пешая рать» была избита в сражении под стенами Галича в 1450 г., первой столицы Шемякина царства[10]. А уже летом того же года рать Шемякина в «насадех», пришедшая с Двины, была с воодушевлением принята на Устюге.

Москва была коварным магнитом для жаждавших славы и величия галицких князей. Им не под силу оказалось справиться с вековыми традициями и идеалами, в дурмане которых они проводили свою юность. Великий дед — князь Дмитрий Иванович оставался для них все время образцом для подражания. Завещанная им цель — объединение всего гнезда Калиты вокруг знамени борьбы с иноземным ворогом с Востока — была священной для его потомков, а Москва — тем средоточием надежд, которым надлежало сбыться.

Но так много воды утекло со дня Куликовской битвы! Корни могущества Юрия Дмитриевича и его клана уходили в совсем иную питательную среду, чем та, что взрастила их великого предка. Уже с конца 80-х годов XIV в. Юрий, Константин, Андрей и Петр Дмитриевич и их родичи срослись с землями, резко отличавшимися по строю их жизни от московской. Звенигород и Можайск, Углич и Галич, Устюг и Вятка к середине 20-х годов XV в. сделали большой скачок в будущее. А виднейший из лидеров этого клана князей — Юрий попрежнему был обуреваем навязчивой идеей: «В Москву, в Москву, в Москву!» — хотя каждый раз при столкновении с реальной действительностью понимал ее утопичность.

Третья сила — хлебородный центр с его холопьей покорностью властям и благочестивостью бессловесной паствы... Его средоточию — Москве — суждено было одержать победу в борьбе за единство Руси. Ключ к пониманию этого лежит в особенностях колонизационного процесса и в создании военно-служилого войска (двора). Уже к концу XIV в. основные территории Московского княжества (в пределах Москвы, Коломны, Дмитрова и Можайска), насколько позволял тогдашний уровень сельскохозяйственной техники, были освоены. Земли Подмосковья расхватали сподвижники Калиты, в их числе бежавшие под его покровительство выходцы из других земель. В силу крайней косности устоев жизни местной знати новые лица пробивались в состав великокняжеского боярства с величайшим трудом. Окружение великого князя росло за счет потомков все тех же бояр, которые служили его предкам в XIV в.[11]. Земель вокруг Москвы не хватало. Жадные и голодные, бояре и дети боярские, обнищавшие князья-изгои и пролезавшие в щели ветхого великокняжеского дворца дьяки ждали своего времени, будучи готовы на все с тем, чтобы получить землицу, а еще лучше — варницу за участие в походах великого князя против его недругов.

Начало колонизации новых районов связано с основанием Троицкого монастыря (в конце XIV в.) и таких его филиалов, как Симонов и Кириллов. Под монашеской рясой скрывались нередко родичи все тех же бояр и детей боярских, не имевшие других возможностей для применения своей деятельности, как освоение еще не вырубленных лесных массивов.

Тесная корпоративная связь была характерной чертой московского боярства, в котором каждый находился в свойстве с каждым, а наиболее знатные (Патрикеевы, Протасьевичи, Всеволжские) могли похвастать и родством с великокняжеским домом.

Основой военного могущества Москвы стал государев двор, с его тремя составными частями: служилыми князьями, боярами и детьми боярскими. Роль двора резко выросла после возвращения Василия II из татарского полона осенью 1445 г. В Переславле его встречали «вси князи, и бояре его, и дети боярские, и множество двора его ото всех градов»[12]. Суть перестройки двора, происшедшей в ходе событий 1446 г., сводилась к сложению военной корпорации служилых людей, выделившейся из старого двора (ставшего «дворцом»), как военно-хозяйственной организации. «Оставя грады и домы»[13], служилые князья, бояре и дети боярские создали ядро войска, для которого война стала делом всей жизни.

Города тогда брались «изгоном», а «многие люди от двора» охотно приставали к мужественным военачальникам[14]. Тогда, казалось, возможно было совершать невероятное и даже «выкрасть» из татарского полона великого князя[15], а с отрядом 90—100 человек захватить столицу великого княжества[16].

Только «всем миром» можно было устоять и победить в тяжелой борьбе с многочисленными и благополучно существующими противниками. Поэтому московские князья стремились действовать не в одиночку, а в содружестве со своими ближними и дальними родичами. Все они происходили из «гнезда Калиты».

Боярам из московских родов доставались наиболее щедрые пожалования земель в уделах и должностей при дворах. Это вызывало негодование местных владельцев, готовых поддержать Москву с тем, чтобы с помощью великокняжеской власти положить конец засилью «иноземельцев». Не была надежной опорой удельного князя и сама придворная знать, родичи которой в случае каких-либо передряг могли помочь ей найти местечко под солнцем, т. е. в самой столице.

Церковь была сильнейшим орудием Москвы. Вся иерархия была промосковской, кроме новгородского архиепископа и тверского епископа, старавшихся держаться независимо. Все остальные иерархи были послушными великокняжеской власти. Коломенский епископ был не только правой рукой столичного владыки, но и держал в своем подчинении можайскую паству.

Пермский епископ Питирим был особенно воинствующим. Он «огнем и мечом» крестил инородцев Севера, за что и был убит вогулами. Ростовский архиепископ Ефрем всецело находился под влиянием Москвы. Власть его распространялась также на белозерские, ярославские и Шемякины земли[17]. Суздальский епископ Авраамий старался долго и усердно доказать свое правоверие, ведь он подписал антихристову грамоту — Флорентийскую унию. Что же говорить о крутицком епископе — пастыре без паствы? Таково было руководство церковью. Галицких князей иерархи поддерживали только тогда, когда в их руках была реальная власть, ведь «всякая власть только от Бога». Как только их положение пошатнулось, иерархи сразу же единодушно по зову сердца выступили против них. Если не говорить о «перелетах» (типа Добрынских, Старкова и им подобных, которых всегда хватает в стане победителей), Галичу в московском центре сочувствовали только торговые люди. Военно-служилая масса была самым решительным и грозным противником галицких князей.

Итак, люди из прошлого, заглянувшие в будущее, были раздавлены людьми, жившими в настоящем. Романтиков победили трезвые реалисты. Победа далеко не всегда бывает за процветающими и богатеющими. В годы Шемякиной смуты победили несчастные, задавленные нуждой мужики и хищные грабители из государева двора. Спаянные единством своих разбойничьих целей, эти княжата, бояре и дети боярские мало чем отличались от своих восточных соседей.

На смену «гнезду Калиты» пришла семья великого князя, а там был уже один шаг до одного самодержца типа Ивана IV Васильевича. Появилось столь редкое в предшествующее время и средство борьбы с непослушниками — массовые казни. Заключительным аккордом правления Василия II были устрашающие московские казни дворян, пытавшихся освободить серпуховского князя. Великий князь уже был болен смертной болезнью, когда он слышал стоны гибнущих непослушников (которых он повелел «казнити, бити и мучити и конми волочити по всему граду»).

Получили сполна и те, кто по селам и весям молился о здравии великого «осподаря» и своим трудом возделывал нивы, чтобы напитать его служилых людей. В середине XV в., когда еще не отзвучали громы последних битв за единодержавие, в далеком Белоозере князь Михаил выдает Кириллову монастырю грамоту, в которой предписывает крестьянам-должникам выходить от своего землевладельца только за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего. Пройдет еще время, и ярмо крепостного права будет достойной наградой за «безумное молчание» послушного народа.

И снова малиновый звон колоколов. На этот раз в отстроенном Кремле конца XV в. с его новыми, мощными стенами и изысканными соборами. Вот уже появились и льстецы, возводящие власть самодержца к Августу-кесарю, а то и к самому Вседержителю. Вот уже и наследники Орды лишены «выходов» (их собирают теперь в свою казну великие князья). Набеги воинствующих соседей постепенно уменьшаются. Страна вроде бы благоденствует. Каждый при своем деле. Мужик пашет. Купец торгует. Барин воюет и управляет. Появились иноземные гости и послы, дивящиеся, откуда взялась такая мощная держава. И плата ведь, которую весь народ (и господа, и слуги) заплатил за царство благоденствия, невелика — всего только утеряна свобода («один только росчерк пера»). Да, помилуйте, нужна ли она вообще? И была ли она когда-нибудь на Святой Руси? Может быть, и не была, но градус несвободы повысился.

Только много лет спустя «в стране рабов, стране господ» начнут убеждаться, что не хлебом единым жив человек, и оценят прошлый путь иначе, чем то делали раньше.

Трудно ставить конечную дату жизни под дорогим мне именем Александра Александровича Зимина. Я как будто и сейчас слышу его голос, продолжаю разговор с ним, напоминающий чем-то урок фехтования, в котором он, опытный и совершенный мастер, легко раскрывал слабые места в «обороне противника», а сам постояиио находился в наступлении. «Вперед и только вперед!»— таков был его лозунг.

Он обескураживал не только логикой, знаниями, остротой ума, но и любовью, которая казалась незаслуженной. Свою сравнительно недолгую (а для него — совсем короткую) жизнь Александр Александрович прожил как бы на одном дыханнн —страстно увлекаясь наукой, кино, самой жизнью.

С. М. КАШТАНОВ,
доктор исторических наук

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Станкевич Н. В. О причинах постепенного возвышения Москвы. Ученые записки Московского университета. 1834, ч. 5, с. 34—35.
[2] Соловьев С. М. История России. Спб, б/г, кн. 1, стб. 1341—1344; Ключевский В. О. Соч. М., 1957, т. II, с. 8—9; История Москвы. Краткий очерк. М., 1978, с. 17.
[3] Ключевский В. О. Соч., т. II, с. 10—12; История Москвы. Краткий очерк, с. 17.
[4] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ.— **Ред.**). М.-Л., 1959, т. 26, с. 188.
[5] ПСРЛ, т. 4, с. 444, ч. I, вып. 2. Л., 1925.
[6] Псковские летописи, вып. 1, М.-Л., 1941, с. 41—42; вып. 2, М., 1955, с. 44, 128.
[7] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л., 1950, № 47, с. 144.
[8] В грамоте на Вологду и на Устюг (около 1448—1462 гг.) прогнозировалось время, когда «будет тишина или не тишина или коли булгачно в земли» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1958, т. 2, № 102, с. 63).
[9] ПСРЛ, т. 26, с. 184.
[10] Там же, с. 209.
[11] Подробнее см.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
[12] ПСРЛ, т. 26, с. 199.
[13] ПСРЛ, т. 23, с. 153.
[14] Там же, с. 152.
[15] Там же, с. 152.
[16] Лихачев Н. П. Инока Фомы слово похвальное. СПб, 1908.
[17] В частности на Устюг, Углич (Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.-Л., 1950, с. 445).

ОБРЕТЕНИЕ СВОБОДЫ

Публикуемый текст — заключение к дневниковым записям А. А. Зимина 1963—1976 годов. Датируется, вероятно, декабрем 1978 года. В нем нашли отражение исследование «Слова...» и перипетии борьбы за публикацию книги. Рукопись работы об Игоревой песне, составляющая свыше 1200 машинописных страниц, хранится у вдовы ученого и ждет издания.

Высказанная в дневнике оценка пережитого проникнута, как писал сам Зимин, «личностным восприятием событий и поэтому нуждается в очень сильных коррективах, которые будут сделаны позднейшими читателями».

Название дано редакцией.

Прошло более полутора десятков лет со дня моего первого доклада о «Слове о полку Игореве» [1]. Теперь на солидном временном расстоянии можно отдать себе отчет в том, что же произошло за эти ушедшие уже в историю годы. Попытаюсь коротко рассказать о том, как я себе представляю теперь значение происшедшего в трех измерениях: для истории общественной мысли и науки 60-х гг., для изучения «Слова...» и для меня лично.

Выступление с пересмотром традиционных взглядов на время создания «Слова о полку Игореве» было борьбой за право ученого на свободу мысли. Речь шла не о том, прав ли я или нет, а о том, следует ли издавать «еретическую» книгу или нет. Эта борьба получила благожелательный отклик в сердцах многих людей доброй воли еще и потому, что им было тошно от казенного лжепатриотизма, расцветшего в 40—50-е гг. В ходе дискуссии 1963—1964 гг. ни один историк не выступил против злосчастной книги и за то, чтоб ей отказано было в напечатании. Наоборот, многие поддержали мысль о необходимости ее издания, написали благожелательные отзывы. Их лейтмотив — свобода научной мысли — является непременным условием развития науки.

Когда мои соученики по школе спросили меня, почему я, собственно, выступил, я им ответил однозначно: «Надоела брехня».

История со «Словом...» была важна также еще и потому, что разоблачила миф о «чистой науке» древников в нашем Отечестве. Ведь даже по такому отдаленному от бурь современности вопросу, как время создания Игоревой песни, свободный обмен мнениями оказался невозможным, а корифеи науки заговорили языком публицистов. Стало ясно, что, так сказать, «чисто научные» вопросы теснейшим образом переплетаются с нравственными. Ведь получилось, что честные в своей основе ученые стали играть роль свидетелей обвинения на неправедном процессе. Самолюбцы вступают неизбежно в союз с сатаной, если забывают о существовании великого братства ученых. Никакая цель не оправдывает недостойных средств борьбы за ее торжество. Каковы бы ни были расхождения между учеными в споре о «Слове...», никто не имел права брать себе в союзники жандармов. Ведь этого только они и ждали, предпочитая, чтобы грязные дела делались «чистыми» руками господ «ученых».

В том, что уважаемые коллеги оказались не в состоянии спорить со мной в печати (предпочитая фигуру умолчания) и согласились на то, чтобы книга осталась неизданной, проявилось и их моральное поражение, и научная несостоятельность. Они смогли заставить меня замолчать, но победить в честном бою не смогли.

Я никогда не переоценивал степени воздействия моих суждений по «Слову...» даже на тех, кому они представлялись разумными. В их оценках могли звучать и нотки просто доброго отношения ко мне, и влияние впечатления (первого) от видимости логики построений, и жажда разоблачения легенд, и многое другое. С меня хватало уже того, что книга будила мысль, добрые чувства и общественное сознание не только ученых. Правоту же мою, как я всегда считал и считаю, будут доказывать уважаемые оппоненты. Когда будет издана книга и появится разбор ее оппонентами, тогда и обнаружится, есть ли у них за душою хоть что-либо реальное и какая гипотеза (XII, или XVIII, или еще какой-либо век) лучше объясняет сумму известных нам фактов.

Никогда я не стремился «черной краской» рисовать славную когорту защитников древности «Слова...». Среди них много было субъективно честных людей, которых жизнь поставила в трудную ситуацию. Для меня же сложность состояла и в неизданности работы, и в том, что каждый окончивший десятилетку считал себя специалистом по «Слову...». Ну а уж то, чему учили в школе, становится обычно в наших представлениях незыблемой аксиомой. То, что в данном случае речь идет о научном споре, а не о вкусах, впечатлениях, усваивается с большим трудом. Отсюда и отношение к проблеме у большинства образованных людей. Нужно добавить к этому еще и превратное толкование патриотизма и прочее. Фанатиков, глупцов и подонков на белом свете многовато, а среди традиционалистов их всегда больше. Инерция же традиции огромна. Всякое открытие, писал еще Макс Планк, должно рассчитывать не на то, что его примут противники, а на то, что они вымрут, а других уже не будет.

В изучении «Слова...» произошел коренной перелом, еще не всеми осознанный. Во-первых, стало ясно, что критикой гипотезы о XVIII в. как времени создания Игоревой песни уже ограничиваться нельзя. Нужно доказывать, что «Слово...» возникло в XII в. Традиционная дата из аксиомы превратилась в гипотезу, и... стройный карточный домик развалился. Стали появляться и XIII в. (начало и середина), и XIV в., а в XVIII в. стали подыскивать других возможных авторов... Икона превратилась в источник.

Во-вторых. Проблема изучения «Задонщины» [2] стала на совершенно иные и на этот раз вполне научные основы. Вместо рассуждений об «устном» происхождении памятника уважаемые коллеги были вытянуты мною на текстологические рельсы. Поэтому стал возможным научный спор с ними. Проблема соотношения Краткой и Пространной редакций «Задонщины» сделалась предметом спора между сторонниками нескольких противостоящих друг другу гипотез. Появились работы О. Кралика (ЧССР), А. Данти (Италия), Д. Феннелла (Англия), решающие вопрос в духе построений Фрчека [3]. В духе Черного сборника [4] работ не оказалось.

В-третьих. Якобсон и Рыбаков признали, что источником «Слова...» был рассказ Ипатьевской летописи (или его протоисточника) о походе Игоря на половцев 1185 г.

В-четвертых. Оказалось, что сторонники древности «Слова...» не в состоянии опровергнуть и частные выводы книги [5]. По вопросу о языке «Слова...» не появилось почти ни одной работы.

В-пятых. И это, пожалуй, самое важное. Становится ясным, что расхождения в точках зрения определяются прежде всего разницей в методике исследования. Методика работы сторонников древности «Слова...» оказалась научно несостоятельной, ибо она покоилась на тезисе о древности «Слова...» как памятника XII в., а не была средством доказательства его. Это наиболее отчетливо видно на книге В. П. Адриановой-Перетц и «Словаре-справочнике» к «Слову...». В «Словаре» составители фактически отказались от приведения языковых примеров позднее XIV в., заранее тем самым уже отбором материала предопределялось решение вопроса. То же самое есть и в системе примеров, которые приводила в качестве комментария к «Слову...» В. П. Адрианова-Перетц. Но то, что слово «князь» есть в летописях XII в., не значит, что Игорева песня возникла именно в это время, ибо «князь» встречается в источниках XIII, XIV и даже XIX в. Так же, как флексия «аго» (в отличие от более поздней «ого»), увы, есть и в грамматике XIX в. Словом, без сопоставления с лексикой и грамматикой XV—XVIII вв. при решении вопросов о времени создания «Слова...» обойтись нельзя.

Что б ни писали уважаемые коллеги по вопросу о времени создания «Слова...», скребущий сердце червь совести их не покинет, если они будут умалчивать о моей книге. А еще как на грех с помощью доброжелателей издана дюжина статей, в которых примерно треть книги нашла свое отражение (в том числе статья-автореферат работы в целом) [6].

Третье. Для меня «Слово...» было звездным мгновением, определившим весь жизненный путь в дальнейшем. Только после «Слова...» я почувствовал живительный воздух духовной свободы. Только после 1963 г. я почувствовал, что смогу попытаться стать из научного работника историком. Меня фактически заставили написать книгу о «Слове...», стремясь организовать проработку ослушника (в феврале 1963 г. книги еще не существовало). И за это я благодарен тем, кто распоряжается судьбами науки. Не желая того, они добились эффекта, противоположного своим замыслам. Все, что мне дорого, написано после 1963 года.

Для меня «Слово...» было также прощанием с А. А. Шахматовым и его «источниковедением системы» и эмпирической попыткой создать новое источниковедение — «системы систем». Я понял великие методические трудности, стоящие перед историком-древником... Только комплексное источниковедение, а не одно логически-смысловое может приблизить ученого к решению проблемы. Нужно быть честным и строгим критиком своих выводов. Многовариантность решений — обычный вариант, с которым приходится смириться. Иногда же и вовсе загадку решить невозможно.

От «Слова...» мой путь лежал к Жизни. От источниковедения — к истории. От пиршества разума — к наслаждению образами и поступками людей.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Доклад был прочитан 27 февраля 1963 года в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР в Ленинграде.

[2] «Задонщина» — древнерусская повесть о Куликовской битве, близкая по поэтике и идейному смыслу «Слову о полку Игореве».

[3] Имеются в виду работы Данти, Кралика, Феннела и Фрчека: Danti A. Griteri e metod; nella edizione della Zadonščina.— Annali della Facolta di Lettere e Filosofia della Vniversita degll stud; di Perugia. VI, 1968—1969 Kralik O. Archetyp Zadonstiny — Rossica Olomicensia, t. VIII, Olomouc, 1972.

Fennell J. The Slovo o polku Ygoreve: the Textological iriangle Oxford Slavonic Papers, 1968, vol. 1.

Fruek J.— Zádonština. V Praze. 1948.

[4] Имеется в виду сборник статей «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла».— М.— Л., 1966,— названный «черным» по темному переплету книги.

[5] В литературе уже приняты выводы о дате Хронографа в сборнике со «Словом...» (1617 г.), о мусин-пушкинском сборнике как конволюте, о первичности чтения фрагмента о соколе в «Повести об Акире» и др.

[6] Перечень вышедших статей А. А. Зимина см. в примечании № 7 к статье В. Б. Кобрина «А. А. Зимин. Ученый. Человек». — Исторические записки, вып. 105. — М., 1980, с 305—306.

БИБЛИОГРАФИЯ

И. С. Пересветов и его современники. М., АН СССР, 1958.

Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., Соцэкгиз, 1960.

Опричнина Ивана Грозного. М., «Мысль», 1964.

Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI века). М., «Мысль», 1972.

Холопы на Руси. М., «Наука», 1973.

Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России. М., «Наука», 1977.

Россия времени Ивана Грозного (совместно с А. Л. Хорошкевич). М., «Наука», 1982.

Россия на рубеже XV — XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., «Мысль», 1982.

В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., «Мысль», 1986.

Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., «Наука», 1988.

Витязь на распутье: Феодальная война второй четверти XV века. Печатается. М., «Мысль», 1991.

Публикация В. Г. ЗИМИНОЙ

Она очень русский человек, глубоко любит Россию. Несколько лет провела в Америке, в Испании, во Франции, много путешествовала, но жить, как оказалось, она может только на Родине.

В середине тридцатых годов, вернувшись из Франции в Россию, Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина подружилась с М. К. Тихоновой, женой поэта Николая Тихонова. Однажды в разговоре об английской литературе Мария Константиновна заметила, что читает в русском переводе книгу Лоренса, наделавшую в Европе много шума,— «Любовник леди Чаттерлей». «Не твоя ли это фамилия значится в качестве переводчицы — «Татьяна Лещенко»?» «Моя»,— скромно ответила Татьяна Ивановна. Почему скромно? Потому что в России она почти никому не говорила об этом эпизоде в ее богатой событиями жизни. «А вы знаете,— продолжала Мария Константиновна,— Максим Горький подарил эту книгу писателю Анатолию Виноградову с надписью: «Дарю вам одну из самых прекрасных, но и самых печальных книг нашего столетия».

...Началось все с предложения подруги Т. И. Лещенко-Сухомлиной, родственницы знаменитой Гертруды Стайн, прочитать только что изданный роман Лоренса. «Он замечателен,— сказала подруга,— в нем много эротики».

«Честно говоря,— рассказывает Татьяна Ивановна,— мне это было чуждо, неинтересно. И я не стала читать рекомендованную книгу. Шел 1930 год. Я жила в Париже, моим мужем в то время был скульптор Дмитрий Цаплин, посланный Луначарским для творческой работы за границу. Это был простой, но необыкновенно талантливый, самобытный человек. В газетах о нем писали как о «гениальном мужике с Волги». Так вот, неожиданно до меня стали доходить слухи, что якобы английский писатель Лоренс сочинил нечто о нашей любви, где в облике Конни выведена я, а в облике лесника — Цаплин. Вот здесь-то я уже заинтересовалась книгой всерьез и мигом прочитала ее. Роман поразил меня своей целомудренностью, своим честным отношением к любви. Я села немедленно за перевод...»

Молодая чета отправилась на берег Средиземного моря, отыскала уютное местечко среди скал. Соленые волны плескались у ног влюбленных. Цаплин делал свою очередную, действительно гениальную скульптуру, а Таня, лежа на горячем песке, переводила этот страстный роман о пылких чувствах леди Чаттерлей к простому леснику Мэллерсу. Переводила взахлеб, ничем другим не интересуясь.

Переведенная книга отправилась в Париж в лавку Поволоцкого. Это был большой книжный магазин на набережной Сены, где, кстати, Лещенко познакомилась с Эренбургом и с Замятиным, другими знаменитыми русскими эмигрантами. Поволоцкий принял заказ. А в качестве машинистки (работа была написана от руки) оказался... Михаил Петрович Волконский, потомок декабристов. Образованный, культурный человек, он нуждался в заработке. Таня была счастлива познакомиться с ним.

И вот издание осуществилось. Небольшая сумма денег, заплаченная издателем, стала подспорьем в жизни, хотя особенно молодая семья не нуждалась.

В это же время в Париже выходит французский перевод «Любовника...». И тут началось: газетные сообщения, карикатуры, пересуды. С давних пор у Татьяны Ивановны хранится журнальчик, поместивший пародию на два перевода. Русский перевод: красивая молодая дама, прическа — прямой, гладкий пробор, глаза опущены долу. Французский: растрепанная, расхристанная, наглая мамзель.

Впереди был настоящий судебный процесс против романа Лоренса. Особым решением суда книгу запретили к продаже в Англии. И только спустя много лет, в шестидесятых годах, после нового прокурорского решения ставший всесветно знаменитым роман «Любовник леди Чаттерлей» был реабилитирован. Эпитетов при этом было не счесть: «Замечательная, чистая и целомудренная книга. Книга о настоящей любви, о настоящем наслаждении, о трепетном чувстве». Книга, считавшаяся еще вчера аморальной, была названа классикой XX века.

А что творилось в Лондоне! 18 ноября 1959 года, когда впервые в продаже появился скандальный роман, лондонцы буквально атаковали книжный магазин, очередь образовалась невиданная. Тиража не хватило, и пришлось срочно делать допечатку. Фирма «Пингвин» явно поправила свои дела. Одна из заметок, она сохранилась в архиве Лещенко-Сухомлиной, гласит: «Наконец-то роман Лоренса «Любовник леди Чаттерлей» обрел право жительства в своей собственной стране, откуда был изгнан 32 года назад. Знаменитый роман признан классическим романом. Это история об импотенте, английском аристократе, жена которого влюбляется в его лесника, простого человека из народа. Это — описание их великолепного, очень высокого и страстного любовного романа».

Своим романом Лоренс как бы открыл новый литературный жанр, размышляет Т. И. Лещенко-Сухомлина, он был первым, кто подробно описал физическую сторону полового акта. Половой акт — что это такое? Это то, от чего есть мы, то, от чего зародилась на земле жизнь, и то, от чего она будет продолжаться. Это — величайшее чудо, величайшее счастье, это — Божие на нас благословение. И физическое, и духовное. Лоренс не побоялся описать его так откровенно, что поразил всех. Он понимал, что идет. Сам в это время глубоко любящий женщину, он дал пощечину страшному лицемерию по отношению к сексу в Англии и в особенности в Америке. Американцы в то время страшно гордились тем, что они сексуально беспорочны, что для них секс — это самое грешное, самое преступное.

Для нас эта книга особенно интересна и поучительна. Гласность сняла многие запреты, в том числе и на тему о сексе. И тут обнаружилось, что тема эта требует особого такта и культуры. Как из рога изобилия на наш книжный рынок хлынули бульварные секс-поделки, которые ничего общего не имеют ни с литературой, ни с моралью свободного человека. Поэтому сегодня представляется важным не торопливо бежать вслед за модой, а попытаться познакомиться с той литературой, с теми авторами, которые задолго до нас прикоснулись к «запретной» теме и сделали это прикосновение не банальным, не пошлым.

Итак, мы представляем вашему вниманию отрывки из не публиковавшегося у нас романа Д. Лоренса «Любовник леди Чаттерлей».

Д. ЛОРЕНС

ЛЮБОВНИК ЛЕДИ ЧАТТЕРЛЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Несмотря ни всеобщий антагонизм, я выпускаю на свет эту повесть как честную, хорошую здоровую книгу, нужную нам в настоящее время. Слова, которые кажутся сначала такими бесстыдными и резкими, перестают быть ими через некоторое время. Значит ли это, что сознание развращено привычкой к ним? Нисколько. Это происходит потому, что слова возмущают только глаз, но отнюдь не само сознание. Пусть глупцы продолжают возмущаться: их мнение все равно ничего не значит. Умные люди понимают, что они не возмущены, и, в сущности, никогда не были возмущены, и испытывают чувство облегчения.

И в этом-то вся суть. В настоящее время мы далеко ушли от разных «табу», унаследованных нашей культурой. Это — очень важное обстоятельство. Вероятно, для крестоносцев сами слова были исполнены такой силой и заклинательной властью, которую нам трудно себе представить. Сила внушения так называемых «неприличных слов» была, должно быть, очень опасна для темных, тупых и жестоких натур средних веков. И, возможно, до сих пор слишком она сильна для тупоумных и неразвитых людей. Но подлинная культура позволяет нам придавать слову только ту силу и качество, которые принадлежат нашему сознанию, и спасает нас от буйных и безотчетных физических реакций, могущих разрушить общественные законы приличия. В прошлом человек был слишком туп или груб, чтобы относиться к своему телу и своим физическим отправлениям без того, чтоб не погрязнуть в чисто физических реакциях, которые совершенно подчиняли его себе. В настоящее время мы знаем, что действие необязательно следует за мыслью. Культура и цивилизация научили нас отделять слово от дела, мысль от действия. Мы знаем, что это две различные формы сознания, две различные жизни, которые мы переживаем. Конечно, совершенно необходимо поддерживать между ними связь. Но в то время, как мы думаем, мы не действуем, а когда действуем,— не думаем. Есть огромная необходимость в том, чтобы мы действовали согласно нашим мыслям и мыслили согласно нашим поступкам. Оба состояния мысли и действия взаимно исключают друг друга. Но они должны были бы гармонично сливаться.

И в этом главная суть этой книги. Я хотел бы, чтобы мужчины и женщины могли думать о половом вопросе всеобъемлюще, честно, полно и чисто. Все эти разговоры о молодых девушках и девственности, как о белом листе бумаги, на котором ничего не написано,— чистейший вздор. Девушки и юноши представляют из себя бурлящий водоворот и мучительно-запутанный узел половых чувств и мыслей, который может распутать только время. Годы искренних и честных мыслей о половых отношениях и борьбы за них наконец приведут нас к нашей цели — к полной и совершенной чистоте, к гармонии между половым актом и мыслью, когда одно не будет препятствовать другому.

Я совершенно не хочу сказать, что все женщины должны искать себе любовников среди лесников, что они вообще должны искать себе любовников. Большинство современных мужчин и женщин счастливее всего, когда они воздерживаются от половых сношений и избегают их, оставаясь «чистыми», и в то же время когда они лучше понимают и сознают все значение полового вопроса. Наше время скорее время «обсуждения», чем действия. В прошлом было слишком много действия, особенно в половом отношении,— томительном повторении одного и того же акта без соответствующей мысли и представления. После векового замалчивания сознание требует полного знания. Но тело, в сущности, остается в загоне. В наше время люди почти прину-

ждают себя к половым сношениям. Они делают это, ибо думают, что от них этого ждут. Но этим заинтересовано только сознание, а тело приходится искусственно возбуждать. Это происходит оттого, что наши предки предавались половым сношениям, не думая и не сознавая их, и теперь сам акт стал скучным, механическим и неудовлетворяющим. Только свежая мысль освежит это переживание.

Наше сознание должно нагнать наше физическое «я» во всех его проявлениях. Мы должны прийти к равновесию между осознанием полового акта и самим актом, гармонично слить их. Это значит: иметь должное уважение к половым отношениям и физическим переживаниям. И не бояться употреблять так называемые «неприличные слова», ибо они являются выразителями нашей физической жизни. Непристойность существует только тогда, когда сознание презирает и боится тела, а тело ненавидит и противится сознанию. В человеческом сознании живет древний ужас перед телом и его силами, и мы должны развивать наше сознание, чтобы сделать его культурным в этом отношении. Страх перед телом привел к сумасшествию огромное количество людей. Безумие такого большого мыслителя, как Свифт, произошло отчасти по этой причине. В поэме к своей возлюбленной Целии он повторяет: «Но Целия, Целия мочится!» Конечно, она мочится, кто этого не делает? Но Свифта приводило в ужас это естественное физическое отправление. И подумайте о бедной Целии, которую этот «любовник» так унизительно принуждает стыдиться своего тела. Это чудовищно. И это происходит из-за запретных слов и оттого, что наша мысль недостаточно развита в физическом и половом самосознании.

Как контраст лицемерному замалчиванию, которое приводит людей к половому идиотизму, мы видим многих заносчивых молодых людей, которые заходят слишком далеко и ничего на свете не уважают. От прежнего чувства страха перед телом и отрицания его существования эта передовая молодежь вдалась в другую крайность и обращается с телом как с забавной игрушкой, правда, иногда неудобной, но из которой можно извлечь некоторое удовольствие, прежде чем она сломается. Такая молодежь смеется над важностью полового вопроса, считается с ним не больше, чем с рюмкой водки, и дразнит этим старших. Такая молодежь отнесется с презрением к такой книге, как «Любовник леди Чаттерлей». Для них эта книга слишком проста и обыкновенна. Непристойные слова им безразличны, а любовь они считают старомодной. Они считают, что книга изобличает мышление 14-летнего мальчика. Но, может быть, мышление 14-летнего мальчика, который еще сохранил природный трепет и уважение к половым отношениям, здоровее, чем мышление остроумных молодых людей, которые ничего не уважают и заняты только игрой в жизнь, для которых пол является одной из самых забавных игрушек и которые, играя с ним, теряют свои умственные способности.

Жизнь оправдана только тогда, когда тело и мысль находятся в гармонии, когда между ними есть естественное равновесие и когда они взаимно уважают друг друга.

Париж, апрель 1929 года.

Век наш, по существу, глубоко трагичен, поэтому мы отказываемся воспринимать его трагически. Катастрофа произошла, мы среди развалин, мы начинаем строить новые жилища, питать новые надежды. Это трудная работа, в наше время путь в будущее полон препятствий, но мы обходим их или перелезаем через них. Мы должны жить во что бы то ни стало.

Таково приблизительно было положение Констанции Чаттерлей. Война разрушила весь ее прежний мир, и она поняла, что человек должен жить и учиться. Она вышла замуж за Клиффорда Чаттерлея в 1917 году, когда он приехал домой с войны в отпуск. Сразу же после медового месяца он вернулся во Фландрию, а полгода спустя его отправили обратно в Англию — разбитым на куски. Его жене Констанции было двадцать три года, а ему — двадцать девять.

Его жизнеспособность была поразительна. Он не умер, и куски его, казалось, срослись опять. В течение двух лет он оставался в руках докторов. Потом он был признан выздоровевшим и мог снова вернуться к жизни, но нижняя часть его тела, начиная с бедер, была парализована навеки. Это было в 1920 году. Клиффорд и Констанция вернулись в имение Рагби, родовое имение Чаттерлеев. Его отец умер, Клиффорд унаследовал титул баронета и стал сэром Клиффордом, а его жена — леди Чаттерлей. Они вернулись вести хозяйство и совместную жизнь на сравнительно небольшой доход в неприветливый дом Чаттерлеев. У Клиффорда была сестра, но она уехала из Рагби. Старший брат был убит на войне. Других близких родственников не было. Искалеченный навсегда и зная, что он никогда не сможет иметь детей, Клиффорд вернулся домой носить и поддерживать родовое имя, пока мог.

Его жена Констанция была сильная, здоровая женщина с мягкими темными волосами и крепким телом, с медленными, но полными энергии движениями. У нее были большие, слегка удивленные глаза и мягкий голос. Она выглядела, как будто только что приехала из деревни. Но это было совсем не так. Ее отец был известный в свое время художник королевской академии — сэр Мальком Рейд. Ее мать была одной из культурнейших женщин своего времени. В среде художников и образованнейших социалистов Констанция и ее сестра Хильда получили так называемое свободное и эстетическое воспитание. Их возили в Париж, Рим и Флоренцию — впитывать атмосферу искусства, а также в Гаагу и Берлин на социалистические съезды, где ораторы говорили на всех языках и никто ничего не стеснялся. Поэтому девушки с ранних лет совершенно не боялись ни искусства, ни политики. Это было обычной для них атмосферой. Они были одновременно космополитичны и провинциальны. Когда младшей исполнилось 15 лет, их послали в Дрезден — учиться и музыке, помимо всего остального. И они прекрасно проводили там время. Они жили свободной жизнью в кругу студентов, они спорили с мужчинами о философии, социализме и искусстве, они были на равной ноге с ними. Они бродили по лесам в обществе юношей, с гитарами в руках. Они пели песни и были свободны. Свободны! Какое чудесное слово! На просторе, в лесу, с веселыми и красивыми студентами, свободны делать все, что им нравилось, и главное — говорить все, что им хотелось. Любовь была только второстепенным придатком этих разговоров. И Хильда и Констанция вскоре пережили свои пробные любовные связи. Молодые люди, с которыми они так страстно спорили и так весело пели и бродили по лесам, конечно, желали любви. Девушки вначале не решались, но об этом так много говорилось, это считалось таким важным и мужчины так смиренно жаждали этого. Почему же девушка не могла сделать царский подарок и подарить себя кому хотела? И они подарили себя тем двум из юношей, с которыми вели самые жаркие и тонкие споры. Эти споры были самым главным, и любовь и связь были в глазах девушек как бы примитивным противовесом их.

Вы меньше любили мужчину после этого. Вы были даже склонны немного ненавидеть его: он как бы вторгся в вашу личную жизнь и внутреннюю свободу. А ведь все достоинство и цель жизни женщины состояли именно в достижении абсолютной, чистой и благородной свободы. Какое другое значение могла иметь жизнь женщины? Стряхнуть с себя старые и мрачные предрассудки и отношения. И, как бы вы ни сентиментальничали, половые отношения были самым древним и мрачным предрассудком. И большинство поэтов, которые воспевали их, были мужчинами. А женщины всегда знали, что есть нечто высшее и лучшее. Теперь они знали это определеннее, чем когда-либо. Прекрасная, чистая свобода женщины была в тысячу раз лучше всякой половой любви. Самым печальным во всем этом было то, что мужчины далеко отстали от женщин в этом понимании. Они настаивали на половом акте, как животные. И женщина сдавалась. Мужчина был как прожорливый ребенок. И женщина должна была давать ему то, чего он хотел. Иначе он, как капризное дитя, мог порвать и отбросить то, что было, в сущности, очень понятным дружеским отношением. Но, уступая мужчине, женщина могла в то же самое время не отдавать ему себя, свое внутреннее «я». Этого поэты и любители рассуждать на половые темы, очевидно, не учли. Женщина могла иметь мужчину, не отдавая себя всецело. Она могла отдать себя и все же не покориться ему. Даже наоборот: она могла воспользоваться этой половой связью, чтобы иметь власть над ним. Для этого она только должна была сдерживаться во время полового акта — предоставить ему кончить, не достигая сама кризиса,— а уже затем продолжать сношение и прийти к своему собственному оргазму, в то время как он оставался пассивным и был для нее только инструментом.

Обе сестры пережили свои пробные любовные связи ко времени начала войны. Они не были сильно влюблены в своих молодых друзей, за исключением тех моментов, когда были очень близки, то есть когда они были действительно глубоко заинтересованы разговором друг с другом. Они испытывали глубокий, невероятный восторг от этих страстных споров с каким-нибудь умным юношей. И так изо дня в день — месяцами. И если после этой близости, возбужденной живым и задушевным разговором, половые отношения были неизбежны, то что же, пусть! Они были как бы окончанием главы. И они тоже имели свою прелесть, странную вибрирующую радость внутри тела, трепет самоутверждения, как последнее слово.

Обе сестры в половом восторге своих тел все же почти поддавались таинственной власти мужчин. Но они быстро справились с этим, отнеслись к этому как к определенному ощущению и остались свободными. Между тем мужчины в благодарность женщинам отдали им свои души. И выглядели потом как люди, потерявшие рубль и нашедшие копейку.

Но таковы мужчины, думали девушки. Неблагодарные и всегда недовольные. Если вы не принадлежите им — они ненавидят вас за это, а когда принадлежите — они опять ненавидят вас за что-то другое. Или просто ни за что ни про что, как недовольные дети.

Но вот наступила война. Конни и Хильду спешно вызвали домой, на похороны матери. Уже к Рождеству 1914 года молодые немцы были убиты. Сестры рыдали и страстно любили их, но в глубине души скоро забыли: любовники перестали существовать для них.

Обе сестры жили с отцом в Лондоне и вращались в кругу молодежи Кэмбриджа, в той группе, которая стояла за «свободу» и носила фланелевые штаны и рубашки с открытым воротом. Они стояли за эмоциональную анархию (в известных рамках), говорили полушепотом и обладали сверхутонченными манерами. Хильда неожиданно вышла замуж за старшего члена этой кэмбриджской группы, человека на десять лет старше ее, у которого были деньги и теплое местечко в министерстве. Кроме того, он писал философские статьи. Она поселилась с ним в небольшом доме в Вестминстере и стала вращаться в том хорошем кругу чиновников, которые, не будучи сливками общества, являлись или могли бы являться истинной и умной силой нации. Это были люди, которые знают, о чем говорят, или по крайней мере выглядят так, как будто знают.

Конни имела небольшую службу в Красном Кресте и бывала с молодыми людьми в фланелевых штанах, которые мягко посмеивались над всем и всеми и ничего не боялись. Лучшим ее другом был Клиффорд Чаттерлей, который приехал домой из Бона, где он изучал технику каменноугольных копей. Перед этим он провел два года в Кэмбридже. Теперь же он был офицером в одном из лучших полков и, будучи в форме, мог еще остроумнее подсмеиваться над чем угодно. Клиффорд Чаттерлей принадлежал к лучшему и более высокому обществу, чем Конни. Конни была богатой интеллигенткой, он был аристократом. Его отец был баронетом, а мать — дочерью виконта. Но, несмотря на то, что Клиффорд был более светским, чем Конни, в то же время он был более провинциальным и застенчивым, чем она. Он чувствовал себя дома только в узком кругу «высшего света» и был очень нервным и робким в остальном мире, который состоит из огромных масс среднего и низшего класса и иностранцев.

Они были серьезны, когда говорили о солдатах и проведении рекрутского набора, о недостатке сахара и молока для детей. Но Клиффорд не принимал всего этого близко к сердцу. По его мнению, власти были нелепы вообще, а не из-за солдат и молока. И власти чувствовали это и вели себя нелепейшим образом. Пока не появился Ллойд-Джордж и не спас положения. То, что он сделал, превысило всю нелепость момента, и молодежь перестала смеяться.

В 1916 году Херберт Чаттерлей был убит, и Клиффорд стал наследником Рагби. Он ужаснулся этого. Важность его значения, как сына сэра Джоффри и детища Рагби, была так непреложна для него, что он никогда не мог от нее избавиться.

Сэр Джоффри хотел, чтобы Клиффорд женился. Он едва упомянул об этом, он вообще говорил очень мало. Но молчаливо и угрюмо настаивал на этом. И Клиффорду было трудно сопротивляться. Сестра Эмма категорически высказалась против этого, она была на десять лет старше Клиффорда и чувствовала, что его женитьба будет дезертирством и изменой всему тому, за что стояли они — молодые члены семьи.

Несмотря на это, Клиффорд женился на Констанции и провел с ней один месяц. Это было в ужасном 17-м году, и они были так близки друг другу, как только могут быть близки люди, оставшиеся вместе на тонущем корабле. Он был девственником, когда женился, и половая сторона брака имела для него мало значения. Они были близки независимо от этого... И Конни была в восторге от этой близости, которая была выше половых отношений и мужского «удовлетворения». Да и вообще Клиффорд мало думал о своем «удовлетворении», не так, как остальные мужчины. Нет, их близость была более глубокой, более личной. Половое общение было просто случайностью, одним из неизбежных органических процессов, вот и все. Конни все же хотела детей, хотя бы для того, чтобы укрепить себя против своей своячены Эммы.

Но в начале 1918 года Клиффорда отправили домой израненным и разбитым на куски. Детей не могло быть. И сэр Джоффри умер от горя.

Конни и Клиффорд приехали в Рагби осенью 20-го года. Мисс Эмма Чаттерлей, все еще возмущенная женитьбой своего брата, уехала и поселилась в Лондоне.

Рагби, угрюмое место, не отличавшееся благородством,— это был большой, низкий дом, начатый в половине XVIII столетия и постепенно изуродованный пристройками. Дом был окружен прекрасным старым дубовым парком, но, увы, из-за столетних дубов виднелись трубы каменноугольных копей, с тучами дыма и копоти. А в сырой и туманной дали тянулся рабочий поселок, начинавшийся чуть ли не у самых ворот парка. Он был безнадежно некрасив и растянулся на тягостно долгую милю. Ряды старых, облупленных, грязных домишек с черными крышами и слепой унылостью.

Конни привыкла к холмам Шотландии и долинам Сассекса. Это была ее Англия. Со стоицизмом молодости она приняла бездушное уродство углежелезного Мидланда и предпочла не задумываться над ним. Из грустных комнат Рагби она слышала скрип буравов в колодцах, гул машин и хриплый свисток локомотивов, возивших уголь. И когда ветер дул в сторону Рагби, что случалось часто, дом наполнялся запахом горящих извержений земли. Даже в безветренные дни воздух был насыщен запахом железа, серы и угля. И на нежные комнатные цветы садилась настойчивая копоть, как черная манна с гибельного неба. Ну что ж, так оно было и будет, предназначенное судьбой, как и все остальное. Пожалуй, это было ужасно. Но к чему было протестовать? Все равно оно оставалось таким. Это тоже было частью жизни. Ночью на низком, темном фоне туч красное зарево вспыхивало и распухало, как большой ожог. Это были доменные печи. Сначала они зачаровали Конни, как странный ужас: она почувствовала, что живет подземной жизнью. Потом она привыкла к ним. По утрам шли дожди.

Клиффорд уверял, что Рагби нравится ему больше Лондона. Эта местность имела свою угрюмую силу, а ее обитатели — ненасытные желудки. «Что еще было у этих людей?» — раздумывала Конни. Конечно, ни ума, ни глаз. Обитатели Тавершала — так назывался рабочий поселок — были такими же бесформенными, оборванными и угрюмыми, как и вся эта местность. Только в их гортанном диалекте и в звуках шагов их высоких, подбитых гвоздями сапог, когда они толпами брели домой с работы, было нечто ужасающее и немного таинственное.

Никто не приветствовал молодого хозяина с возвращением домой. Не было ни депутаций, ни праздника, ни даже единого цветка. Между Рагби и Тавершалом не было никакой связи. Никто не здоровался с хозяевами, никто не снимал перед ними шапки. Углекопы только глазели на них, а лавочники приподнимали свои кепки перед Конни, как перед знакомой, и неловко кланялись Клиффорду, вот и все. Непроходимая пропасть и какое-то глухое раздражение с обеих сторон.

Она не хотела ничего больше, кроме того, что у нее уже было: Клиффорд, Рагби, то, что она была леди Чаттерлей, деньги и слава,— это было все, что она хотела. Любовь и половое общение и все тому подобное было просто чепухой! Попробуйте это раз и забудьте про это. Если вы просто изгоните это из своей головы,— это перестанет существовать. Особенно пол... Чепуха! Пол и опьянение — они оба были одинаково кратковременны, имели тот же эффект и оба значили так же мало.

Но ребенок! Это все же было одним из настоящих и больших переживаний! Она хотела осторожно отважиться на этот опыт. Главным образом надо было подумать об отце, и странно: во всем мире не было ни одного мужчины, от которого она хотела бы иметь ребенка! Дети Микаэлиса? Отвратительная мысль! Так же охотно она имела бы детей от зайца. Томми Дюкс?.. Он был очень мил, но его никак нельзя было представить себе отцом, продолжателем рода. И во всем обширном кругу знакомых Клиффорда не было ни одного мужчины, который не возбудил бы в ней презрения, когда она думала о зачатии от него ребенка. Среди них, быть может, было несколько приемлемых любовников. Но иметь ребенка! Нет! Унизительно и отвратительно!

Так вот в чем суть!

Несмотря на это, в глубине своей души Конни все-таки думала о ребенке. Терпение, терпение! Она просеет тысячи мужчин через свое решето и посмотрит, не подойдет ли кто-нибудь из них. Но попробуй найти настоящего мужчину!

Она предполагала, что он будет иностранцем, не англичанином, тем более не ирландцем. А настоящим иностранцем. Но терпение, терпение! В этом году зимой она повезет Клиффорда в Лондон, а еще через год — за границу, на юг Франции или в Италию. Терпение! Ей незачем было торопиться с ребенком. Это было ее частным делом, единственным, в котором она была по-женски серьезна до глубины души. Она не будет рисковать собой для этого с первым встречным. Любовника можно взять каждую минуту, но человека, от которого надо иметь ребенка,— терпение, терпение! — это совсем другое дело. Тут не было вопроса о любви: вопрос был в мужчине. Пожалуй, можно даже ненавидеть его самого. Но раз он избран быть отцом, что значила собственная неприязнь к нему? Ведь это затрагивало какую-то другую часть души.

По обыкновению шел дождь. Было слишком вязко и грязно, чтобы Клиффорд мог поехать в парк. Конни пошла гулять одна. как она делала теперь почти каждый день. Она уходила в лес, там она была действительно одна. Она никогда никого не встречала там.

Но сегодня Клиффорд хотел передать что-то леснику, а так как у лакея была инфлюэнца — кто-нибудь всегда болел инфлюэнцей в Рагби,— Конни вызвалась передать поручение сама.

Когда она вышла из леса, избушка лесника — темный, кирпичный домик показался ей необитаемым, таким он был молчаливым и одиноким. Но из трубы подымался дымок и маленький садик перед домом был вычищен и взрыхлен. Дверь была заперта. Она завернула за избу и остановилась. В маленьком дворике в нескольких шагах от нее мылся мужчина, совершенно не подозревая ее присутствия. Он был нагим до пояса. И его белая тонкая спина была согнута над большим чаном с мыльной водой, в которую он погружал голову, встряхивая ею и короткими, быстрыми движениями подымая свои стройные руки и смахивая с глаз мыльную пену: быстро, ловко, как зверь, играющий с водой, и в совершенном одиночестве. Конни быстро повернула обратно и торопливо пошла в лес. Она была потрясена вопреки самой себе — в конце концов ведь это был просто мужчина, который мылся. Ничего особенного! И все же это потрясло ее каким-то таинственным образом до самой глубины тела. Она увидела неуклюжие штаны, спадавшие с тонкой, чистой, белой поясницы, с чуть выдающимися лопатками, и чувство одиночества этого существа потрясло ее. Совершенная, одинокая нагота существа, которое живет в одиночестве и одиноко внутренне. И за этим красота чистого существа; не суть красоты, не тело красоты, но мерцание одинокой жизни, выраженной в контурах, к которым можно притронуться,— тело!

Конни была потрясена. Это зрительное впечатление поразило ее до самого чрева, и она знала это; но ум ее видел в этом только смешную сторону. Мужчина, моющийся на заднем дворе! И, без сомнения, желтым вонючим мылом! Она слегка досадовала: почему она должна была натолкнуться на это вульгарное зрелище?

Поэтому она уходила все дальше и дальше от самой себя, пока наконец не остановилась и не присела на пень. Она была слишком взволнованна, чтобы думать.

Но все же она решила передать поручение леснику,— это происшествие не должно смущать ее,— она даст ему время одеться, но не даст ему уйти. Ведь он, наверное, собирался уходить куда-то.

И она медленно пошла обратно, прислушиваясь.

Избушка выглядела такой же, как и раньше. Залаяла собака. Она постучалась в дверь; сердце ее невольно трепетало. Она услышала легкие шаги. Он быстро открыл дверь и уставился на нее. На минуту он выглядел смущенным, но сейчас же улыбка появилась на его лице.

— Леди Чаттерлей! — сказал он.— Войдите, пожалуйста.

Его манеры были так просты и непринужденны, она ступила через порог в темную комнату.

— Я пришла только для того, чтобы передать вам несколько слов от сэра Клиффорда,— сказала она своим мягким, прерывающимся голосом.

Мужчина смотрел на нее голубыми всевидящими глазами, и его взгляд заставил ее немного отвернуть голову. Он подумал, что она хороша, почти прекрасна в своем смущении, и сейчас же овладел положением.

— Не присядете ли вы? — спросил он, предполагая, что она не сядет. Дверь оставалась открытой.

— Нет, спасибо. Сэр Клиффорд хотел бы, чтобы вы... — И она передала ему поручение, бессознательно заглядывая ему в глаза. И теперь его глаза смотрели на нее тепло и мягко, смотрели на женщину удивительно тепло, мягко и спокойно.

— Очень хорошо, миледи. Я позабочусь об этом сейчас же.

Принимая приказание, он сразу изменился: стал жестким и отдаленным. Конни замялась, ей надо было идти. Ей следовало бы уйти сейчас же, но она осматривалась кругом. Комната была аккуратная, чистая, немного мрачная.

— И вы живете здесь совсем один? — спросила она.

— Совсем один, миледи.

— А ваша мать?..

— Она живет в своем собственном доме, в поселке.

— С ребенком? — спросила Конни.

— С ребенком!

И его простое, немного утомленное лицо приняло неуловимый оттенок насмешки. Его лицо беспрестанно менялось, и это смущало.

— Нет,— сказал он, видя, что Конни совсем растерялась,— моя мать приходит и убирает здесь по субботам, остальное я делаю сам.

Конни опять взглянула на него. Его глаза вновь улыбались, немного насмешливо, но тепло и мягко. Она дивилась ему. Он был в бархатных штанах и фланелевой рубашке с серым галстуком, его лицо было бледно и утомлено. Когда его глаза переставали улыбаться, они не теряли своей теплоты, но выглядели так, как будто ему пришлось много перестрадать. Бледность одиночества покрывала его; и Конни как бы не существовала для него.

Она хотела сказать так много, но ничего не сказала. Только опять посмотрела на него и заметила:

— Я не потревожила вас?

Легкая улыбка сузила его глаза.

— Я только причесывался. Простите, что я без пиджака, но я не знал, кто стучится. Никто не приходит ко мне. И неожиданный стук прозвучал так зловеще.

Он пошел впереди нее по дорожке, чтобы открыть калитку. Он был в одной рубашке, и она вновь увидела, какой он стройный и тонкий и немного сгорбленный. Но когда она прошла мимо него, что-то молодое и яркое блеснуло в его живых глазах и светлых волосах. Ему, наверное, было тридцать семь, тридцать восемь лет.

Она пробиралась в лес, зная, что он смотрит ей вслед; он так взволновал ее помимо ее воли!

А он, когда вошел в дом, подумал: «Она милая! Она настоящая! Она сама не знает, какая она милая!»

Она много думала о нем: он был так непохож на лесника, так непохож на рабочего, хотя в нем и было что-то общее с местными жителями. Но было что-то и очень отличное от них.

— Лесник Мэллерс — любопытный человек,— сказала Клиффорду,— он мог бы сойти за джентльмена.

— Мог бы? — сказал Клиффорд.— Я не заметил этого.

— Но в нем есть что-то особенное,— настаивала Конни.

— Я думаю, что он хороший парень, но знаю о нем очень мало. Он только что вернулся из армии. Был в Индии, кажется. Может быть, там он научился чему-то и вышел из денщика в офицеры. Так бывает с некоторыми солдатами. Но это не помогает им. Когда они возвращаются на родину, им приходится становиться на прежнее место.

Конни внимательно смотрела на Клиффорда. Она замечала в нем резкую неприязнь ко всякому человеку из низшего класса, который выкарабкивался наверх, и она знала, что это чувство характерно для его породы.

— Но вы не находите, что в нем есть что-то особенное? — спросила она.

— Откровенно говоря, нет! Я не заметил.

Он посмотрел на нее с любопытством, чуть подозрительно и неловко. И она почувствовала, что он лгал; он лгал самому себе. Ему было отвратительно даже одно предположение, что кто-то был исключительным человеком. Люди должны были быть более или менее на его уровне или ниже его.

Конни опять почувствовала всю узость и сухость мужчин ее поколения; они были так скупы, так боялись жизни!

Прошло время, и скоро вновь состоялась встреча леди Чаттерлей и лесника.

Когда она подошла к воротам парка, она услышала, как щелкнул засов калитки — значит, он был там в лесной темноте и увидел ее!

— Вы пришли как раз вовремя,— сказал он.— Все в порядке?

— Совершенно.

Он осторожно закрыл за ней калитку и осветил дорожку фонарем. Бледные цветы тихо стояли по обеим сторонам ее. Они пошли рядом в молчании.

Он отпер, они вошли, и он запер дверь на засов. «Как в тюрьме!» — подумала Конни. Котелок пел у огня, на столе стояли чашки.

Она села на деревянный стул у камина. Тут было тепло после зябкой ночи.

Как бедна была эта комната! Над его головой на стене висела уродливо увеличенная фотография молодой пары, очевидно, его и его жены — молодой неприятной женщины.

— Это вы? — спросила Конни.

Он обернулся и посмотрел на фотографию.

— Да. Это было снято перед самой свадьбой, когда мне был двадцать один год.— Он равнодушно рассматривал карточку.

— Почему вы женились на ней? Она была гораздо ниже вас, она вас не стоила. Болтон говорила мне о ней. Она никогда не могла понять, почему вы женились на этой женщине.

Он пристально посмотрел на нее.

— Я расскажу вам,— сказал он.— Первая девушка, с которой я начал, когда мне было шестнадцать лет, была дочерью школьного учителя в Аллертоне. Она была очень хорошенькая, просто красавица. А я считался умным молодым парнем, знал немного французский и немецкий и был очень самонадеян. Она была «романтической» барышней и ненавидела все «простое». Она читала мне стихи и классиков; в некотором смысле она сделала из меня человека. Я читал и думал как на пожаре — для нее. И я служил клерком в конторе, был худой и бедный малый и горел всем тем, о чем я читал. И мы говорили с ней обо всем — от Платона до Тимбукту. Мы были самыми начитанно-культурными в округе. Я был безумно влюблен в нее — обожал ее. Я таял как свеча. И она обожала меня. Но тайным змеем между нами был пол. В ней его как-то совсем не было, по крайней мере не было там, где он должен быть. Я худел и сходил с ума все больше. Наконец я сказал ей, что мы должны стать любовниками. Я убедил ее. И она уступила. Я был страстным, а она никогда не хотела этого. Она обожала меня,— она любила, чтобы я говорил с ней о высоких материях и целовал ее,— в этом смысле она чувствовала настоящую страсть ко мне. Но другого она просто не хотела. И таких женщин, как она, очень много. А я хотел именно другого. И между нами образовалась трещина. Я был жесток и бросил ее. Потом я влюбился в другую, она была учительницей. Она была нежной, бледной женщиной, старше меня. И у нее был прямо дьявольский характер! Она любила все в половых отношениях, все, кроме самого пола, кроме полового акта. Она прижималась, ласкалась, целовалась, влезала в человека всяческими способами, но когда он принуждал ее к самому акту — она просто стискивала зубы и вся пылала ненавистью. Я принудил ее к этому, и она была готова разорвать меня от злобы! И я бросил ее тоже. Мне было отвратительно все это. Я презирал ее! Я хотел найти женщину, которая хотела бы меня и хотела бы этого. Тогда-то и появилась Берта Куттс. Мы поженились, и вначале она была неплохой женой. Эти другие «чистые» женщины вытянули из меня почти все соки, но Берта была хорошей в этом отношении. Она хотела меня и не строила из этого фокусов. И я был страшно доволен. Это было то, чего я хотел: женщина, которая хотела меня и хотела этого. И я давал ей это в полной мере. Мне кажется, она слегка презирала меня за то, что я был так доволен и приносил ей кофе по утрам, когда она еще лежала в постели. Она как-то распустилась, не готовила обеда, когда я приходил домой с работы, и если я делал ей замечание, набрасывалась на меня, как фурия. А я набрасывался на нее. Она швыряла в меня посудой, я хватал ее за шею и душил до полусмерти. Такие-то вещи! Она была страшно груба. И никогда не давалась мне, когда я хотел ее, а всегда отталкивала меня так грубо, как только возможно. И когда бывало оттолкнет меня и я больше не хочу ее, она начинала ласкаться ко мне и брала меня. А я всегда отдавался ей. Но когда я был в ней, она никогда не хотела кончать вместе со мной. Никогда. Она просто ждала. И если я держался полчаса — она держалась еще больше. А когда я совсем кончал, тогда она начинала для себя, и я должен был держаться с ней, пока она не доводила себя до оргазма,— извиваясь и крича, она цеплялась и хваталась за меня и наконец кончала в полном экстазе. Постепенно мне опротивело это, она делалась все хуже и злей. Ей становилось как-то все труднее кончить, она терзала меня, как будто хотела вырвать самые мои внутренности. Думаешь, что женщина там вся нежная и мягкая, но я скажу вам, что есть такие, у которых между ногами клюв, и они клюют и клюют человека, пока он чуть не падает в обморок. Сама, сама, сама, рвет и кричит! А еще говорят об эгоизме мужчин! Но она не могла изменить это. Я говорил ей, как мне ненавистно это. И она пробовала лежать тихо и предоставить работу мне. Но это было напрасно. Она ничего не чувствовала, когда я делал это. Она должна была быть активной сама. Это было необходимо ей, ей надо было рвать и рвать и клевать меня. Говорят, что старые проститутки иногда делаются такими. В ней было грубое и низменное своеволие, ей надо было показать свою силу, свою волю надо мной. Наконец, я не выдержал. Мы начали спать отдельно. Она сама потребовала этого в один из своих злобных припадков, когда она обвинила меня в том, что я властвую над ней. Она начала спать в отдельной комнате. И настала минута, когда я просто не мог видеть ее больше. Я ненавидел ее. И она ненавидела меня. Боже мой, как она ненавидела меня, когда родился ребенок! Я часто думаю, что она зачала его из ненависти ко мне. Во всяком случае, после того как родился ребенок, я ушел от нее. И пошел на войну. Я не возвращался, пока не узнал, что она живет с каким-то человеком из Стагсгейта.

Из всего моего опыта с женщинами я знаю одно: большинство из них хотят иметь мужчину, но не хотят половых отношений. Они соглашаются на них как на сделку. Есть такие, которые просто лежат как мертвые и предоставляют все дело вам самим. Если вы нравитесь — они ничего не имеют против этого. Но сам акт ничто для них, даже немного противен. И большинство мужчин любит их такими. Я ненавижу таких. Некоторые женщины из хитрости притворяются, что они не такие, притворяются страстными. Но это ложь, они только притворяются. Есть еще такие, которые любят все — всяческие ласки, и возбуждение, и оргазмы, кроме естественных. Они всегда принуждают вас кончать, когда вы не там, где вы должны бы кончить. Еще есть злые и грубые, которые совершенно ничего не чувствуют сами внутри, они мертвы там и знают это. Есть такие, которые не дают вам кончить и трутся своим местом о ваши бедра, пока не кончают сами. Но большинство из них лесбиянки. Это удивительно, как много женщин-лесбиянок, сознательно или бессознательно. Мне кажется, что они почти все лесбиянки.

— И что вы думаете о них? — спросила Конни.

— Я готов бы убить их. Когда я с женщиной, которая на самом деле лесбиянка,— у меня в душе все кипит, и я хотел бы убить ее!

— И что вы делаете?

— Я ухожу от нее как можно скорее. И я больше не хотел иметь ничего общего с женщинами. Я хотел жить сам по себе и хранить мое уединение.

(Полностью ромав Д. Лоревса выйдет отдельиой книгой в издательстве «Политическая литература».)

Сдано в набор 12.09.90. Подписано к печати 17.10.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2820. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Твл. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.